

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

А. М. КРОТОВ

**ОБРАЗ ПОЛЯКОВ В ВОСПРИЯТИИ БЕЛОРУСОВ
В XVI – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2023

УДК 94(476):316.647.8(=162.1)"15/19"

Кротов, А. М.

Образ поляков в восприятии белорусов в XVI – начале XX века / А. М. Кротов ; под науч. ред. В. С. Кошелева ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2023. – 261 с.

ISBN 978-985-577-944-6

В монографии рассматривается процесс формирования в восприятии белорусов образа поляков в XVI – начале XX века и проводится научная реконструкция данного образа. Исследование основывается на широкой базе нарративных источников, отражающих ход образогенеза. Интерпретация полученных данных была теснейшим образом связана с анализом событий, происходивших на белорусских землях в период Нового времени, результатом которых стало создание в общественном сознании белорусов эмоционально-психологической базы для формирования образа поляков. Доказывается, что в последнем отразился весь опыт сосуществования с поляками, накопленный белорусами за долгую историю белорусско-польского соседства. Делается вывод, что данный образ выполнял очень важную роль в выборе, который белорусы вынуждены были совершать, оказываясь на расстанях своего исторического пути, и выступал тем самым в качестве важного фактора исторического процесса.

Монография адресована научным работникам, преподавателям, студентам и всем тем, кого заинтересует затронутая в ней проблематика.

Илл. 10.; Библиогр.: 262 назв.

Рекомендована к изданию Советом исторического факультета
Белорусского государственного университета
(протокол № 2 от 3 октября 2023 года)

Рецензенты:

доктор исторических наук Н. Н. Мезга,
кандидат исторических наук Д. Г. Ларионов

ISBN 978-985-577-944-6

© Кротов А. М., 2023

© Учреждение образования

«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины», 2023

ВВЕДЕНИЕ

Восприятие – это субъективное, чувственное познание человеком окружающей его среды. Посредством его формируются образы, совокупность которых составляет целостную, многогранную, субъективный картину мира, сформировавшуюся в общественном и индивидуальном сознании. Эта картина (или национальный образ мира) отображает исторический опыт отдельно взятого этноса. Он реализуется в его самобытности и в своеобразии мироощущения его представителей. Национально-культурное мироощущение является частью этнонационального естества и опосредуется в языке, в словесности, в письменном дискурсе, отображается в речи людей¹.

В современной науке для обозначения представлений, существующих в восприятии людей, существует ряд терминов: «образ», «имидж», «стереотип». Учёные до сих пор ведут споры о том, что следует понимать под ними и каковы их принципиальные отличия друг от друга. Лишь термин «стереотип» они склонны принимать более-менее единодушно. Этот термин был позаимствован из технической области (в переводе с греческого *στερεοτύπια* – «твёрдый отпечаток», «зафиксированная целостность») и в гуманитарном знании приобрёл новую интерпретацию: стереотип – это схематический, стандартизированный образ или представление об объекте, явлении, народе, стране, обычно эмоционально окрашенный и обладающий большой устойчивостью.

Что касается определений «образ» и «имидж», то очень часто в практике коммуникативных дисциплин между ними ставится знак равенства. Однако одно существенное отличие всё же существует. Образ, как правило, означает субъективно воспринимаемое «отражение» чего-либо, представление о чём-либо². Это восприятие является стихийным. Во всяком случае, пока его целью не станет развитие общения. Последнее предполагает коррекцию сформированного в восприятии образа в сторону позитивизации или даже идеализации. В практике общественно-политических отношений, в том числе международных и межгосударственных, такой целенаправленно создаваемый об-

¹ Каналаш, О. П. Национальная картина мира как компонент лингвистического исследования / О. П. Каналаш // *Lingua mobilis*. – 2012. – No 6 (39). – С. 70.

² Гринберг, Т. Э. Образ страны или имидж государства: поиск конструктивной модели [Электронный ресурс] / Т. Э. Гринберг // *Медиаскоп*. – 2008. – №2. – Режим доступа : <http://mediascope.ru/образ-страны-или-имидж-государства-поиск-конструктивной-модели>. – Дата доступа : 17.02.2023.

раз называют «имиджем». Это инструментальный образ, призванный усилить представление воспринимающего об объекте восприятия. Проще говоря, это мотивированное в соответствии с какими-то надобностями искажение данного объекта.

Человек вообще живёт в мире образов и стереотипов. Они имеют разную природу, разный характер, у них есть своя специализация. Важнейшие из них он усваивает чуть ли не с самого своего рождения, точнее – с того момента, когда пробуждается его разум и он действительно обретает способность видеть и познавать окружающий мир. Это образы и стереотипы, составляющие национальную картину мира – мира той этнонациональной группы, к которой он по факту своего рождения принадлежит, в культуре которой он социализируется и с которой себя отождествляет.

Народы, страны, государства, цивилизации, как и люди, сосуществуют в этом мире и вынуждены взаимодействовать между собой. Это взаимодействие не является стабильным. Мирные периоды взаимоотношений чередуются с периодами конфликтов, когда их участники делятся на «своих» и «чужих» (т. е. на «нас» и на «других»). Следствием этого является создание и укоренение в восприятии представителей конфликтующих сторон соответствующих образов и стереотипов – «своих» и «чужих». Прежде всего это касается близких соседей, которых, как известно, не выбирают. Сосед может быть подарком, а может быть наказанием. И в первом, и во втором случае мы имеем дело с оценкой. К соседу нельзя относиться индифферентно. Неминуемо в ходе складывания соседских отношений в восприятии людей формируются образы друг друга, основанные на необъективной, предвзятой оценке.

Это касается и целых народов. Складывающиеся в их коллективном восприятии образы других («чужих») народов и их представителей являются квинтэссенцией многовекового опыта межэтнических отношений. Они закрепляются в индивидуальном и общественном сознании людей, и в дальнейшем становятся важным конструктом формирования межнациональных и межгосударственных отношений.

Всё, что воспринимает человек, предстает перед ним в виде целостных образов, представляющих собой сложные комплексные системы. Они объединяют изолированные ощущения, получаемые от разных органов чувств. Происходит их целостное восприятие. Однако это не просто суммирование ощущений. Здесь задействуется предыдущий опыт тех, кто воспринимает, включается процесс осмысления того, что воспринимается, а также такие психические процессы, как память и мышление.

Изучение теоретических аспектов проблемы формирования образа «других» («чужих») в истории восприятия народами друг друга позволяет углубить понимание психологических механизмов и закономерностей этого процесса; определить механизмы, тенденции и закономерности формирования образа «чужих» в конкретно-историческом контексте исторического взаимодействия народов; выявить пути формирования представлений о «своих» и «чужих»; установить роль стереотипов, психологических установок и пр. в формировании образа «чужого»³.

Вряд ли стоит доказывать, что одним из самых ярких (в силу своей проработанности) и, вместе с тем, перманентно актуальных для белорусов образов, является образ поляков. Его формирование, конечно, в силу своей нематериальной специфики лишь в общих чертах соответствует приведённому выше описанию генезиса образа. Определяющую, решающую роль в этом процессе играли историческая память – то, что называется «заветом предков», и мышление – т. е. размышления над фактами, событиями, тенденциями в белорусско-польских отношениях, их анализ и оценка.

Объектом нашего исследования является образ поляков, сформировавшийся в восприятии белорусов в XVI – начале XX в.

Его предметом – генезис данного образа, его социокультурная база, историческая среда, факторы развития, характерные черты.

В основу исследования данного образа легла гипотеза, что базой, на которой он строился, являлось предубеждение. Оно было связано с социально-политическим, экономическим и культурным угнетением белорусов политически господствующим классом – шляхтой, которая в их восприятии ассоциировалась с поляками и Польшей. В коллективном восприятии белорусов этот опыт трансформировался, обобщался, дополнялся. Благодаря эмоциям, переживаниям, связанным с его приобретением, он приобретал специфическую эмоционально-психологическую окраску. При этом воображение его создателей в силу стихийности процесса образотворчества не было связано задачей оценки правильности того, что свободно производилось в общественном подсознании белорусов.

Гипотеза связана с аксиомой, утверждающей, что в основе любого гетеростереотипа (или гетерообраза) лежит предубеждение, определяющее его негативный характер. Та же аксиома утверждает, что пози-

³ Цурикова, К. К. Проблема определения образа врага / К. К. Цурикова // Молодой учёный. – 2019. – № 51 (289). – С. 213.

тивным может быть только автостереотип, т. е. восприятие того этноса, с которым воспринимающий (и оценивающий) отождествляет себя⁴.

Любой этнонациональный образ необъективен, поскольку не является научным знанием об объекте восприятия. Это его эрзац. Однако он весьма актуален для тех, у кого находится «на вооружении». Именно к национальным образам и стереотипам люди обращаются по разным актуальным для них причинам и поводам в повседневной жизни. Потому что они воплощают в себе то, что часто называют «жизненной мудростью». Последняя основывается на жизненном опыте людей и не зависит от формального образования. Кладезем её является простой народ.

Этнонациональные образы, как правило, бытуют на обыденном уровне общественного сознания людей. Они постоянно присутствуют в их жизни, выполняя защитную функцию. Служат своеобразным противоядием, противодействующим отравлению этносоциального организма губительными для его инокультурными воздействиями и эвентуальной гибели. В обыденной жизни они находятся в состоянии анабиоза, однако в конфликтной ситуации происходит их реинкарнация и активное включение в инструментарий, который используется в идеологической и пропагандистской работе, в так называемом «социальном заражении».

Прежде всего, это касается образов и стереотипов народов, с которыми их носителям приходится так или иначе сосуществовать в одном геополитическом пространстве, в непосредственном контакте между собой: соперничать, взаимодействовать и т. д. Лишь такие образы становятся фактором межнациональных, международных и межгосударственных отношений, и в этом своём качестве – действующим фактором исторического процесса.

Что касается образов «чужих» народов, существующих в этнонациональном восприятии белорусов, образ поляков представляется самым развитым. Соседство с Польшей и наличие в Беларуси польского национального меньшинства делает его едва ли не самым актуальным. Генезис этого образа стал своеобразной реакцией белорусов на приток на их земли и оседание на них польских мигрантов, что, в конечном счёте, привело к установлению в Беларуси польского доминирования.

В основу концепции исследования положено предположение, что образ поляков, сформировавшийся в восприятии белорусов в XVI –

⁴ Radłowski, Z. Jak narody widzą siebie nawzajem. W Europie o polakach / Z. Radłowski, J. Wojtczak. – Warszawa : Semper, 1994. – S. 13.

начале XX в. стал важным фактором исторического процесса, определяя во многом отношение белорусов к полякам и Польше, содействуя их этнической самоидентификации и прогрессивному развитию этнонационального самосознания. В конечном счёте опыт сосуществования с поляками, квинтэссенцией которого стал сформировавшийся в восприятии белорусов образ этого народа, во многом содействовал возникновению у белорусов стремления к созданию собственного государства. Особенную же актуальность он приобрёл после распада СССР, когда Беларусь оказалась перед необходимостью самостоятельного выстраивания отношений с соседями, в том числе и с Польшей, политика которой по отношению к Беларуси во многом строилась (и продолжает строиться) на исторически сложившихся, традиционных для поляков началах.

Научная новизна исследования обусловлена тем обстоятельством, что его объект – образ поляков, сформировавшийся в восприятии белорусов в XVI – начале XX в., никогда прежде не попадал в сферу исследовательского интереса учёных-историков. Поскольку он находится в междисциплинарной области исследований, где пересекаются интересы многих гуманитарных и социальных научных дисциплин, можно говорить о выходе исторической науки за рамки её традиционных компетенций и, тем самым, об её развитии за счёт расширения социальных и функциональных компетентностей, а также за счёт освоения методик исследования, применяемых в смежных областях гуманитарного и социального знания. То, что предмет исследования находится в междисциплинарной области, а исследование проводится на источниковой базе, традиционной для исторической науки, но с использованием более широкого спектра методов, чем предполагает классическое историческое исследование, в т. ч. и заимствованных из методики смежных научных дисциплин, свидетельствует об его междисциплинарном характере.

Интерес к образу поляков, сложившемуся в восприятии белорусов в период Нового времени, базируется на предположении, что формирование данного образа было обусловлено историческими событиями, происходившими на восточноевропейском геополитическом пространстве вообще и на территории Беларуси, в частности. Политика, которую Польша проводила на белорусских землях, накопленный белорусами опыт взаимоотношений с поляками, оставили глубокий след в народной памяти, став эмоционально-психологической базой, на которой строилось восприятие ими Польши и поляков. Его основой явилось «знание» о поляках, унаследованное от предков.

Так что же это за «знание»? Какой «завет» предки нынешних белорусов передали своим потомкам? Поискам ответов на эти вопросы посвящена данная монография...

Проблема восприятия белорусами поляков продолжает иметь высокую степень актуальности ввиду соседства с Польшей, «молодостью» Беларуси, как независимой страны и суверенного государства, а также амбициями Польши, которые во многом имеют традиционный для неё характер. Это порождает у белорусов определённые исторические ассоциации, актуализирует прежний опыт соседства, зафиксированный в ставших частью этнонационального сознания белорусов стереотипах, которые, в свою очередь, являются материализованным выражением отношения белорусов к Польше и полякам. Исторический опыт послевоенного времени, когда СССР выстраивал дружеские отношения с Польской Народной Республикой и в рамках этих отношений предпринимались попытки развеять негативные образы и стереотипы, сложившиеся в предыдущие времена, показывает тщетность приложенных усилий. В первые, сложные годы становления независимого белорусского государства, белорусы руководствовались опытом прошлого, здравым смыслом, а не какими-либо социальными или политическими теориями, в том числе и национальными. И прежде всего потому, что по причине низкого уровня развития национальной идентичности белорусов подобные теории не на что было «прививать».

29 мая 2015 г. на сайте Министерства иностранных дел Республики Беларусь была опубликована стенограмма интервью министра иностранных дел Республики Беларусь В. В. Макея, которое он дал 19 мая 2015 г. газете «The Washington Post». В нём он высказал не официальную, а свою личную точку зрения по поводу развития национальной идентичности белорусов: «Я думаю, что наша белорусская идентичность ещё до конца не сформировалась. В прошлом мы слишком долго жили в тени больших народов. У нас общая история с Польшей, общая история с Россией. И не всегда самая радужная, скажем так. Мы не пришли ещё к осознанию того, что мы представляем как нация, как народ. Мы практически только последние двадцать с лишним лет в Новейшей истории живём в независимом государстве. В этом плане мы отличаемся от Прибалтийских государств, от той же самой Польши»⁵.

⁵ Стенограмма интервью Министра иностранных дел Республики Беларусь Владимира Макея газете «The Washington Post» (19 мая 2015 г., г. Минск) [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://mfa.gov.by/press/news_mfa/f68c86282662364f.html. – Дата доступа : 17.06.2023.

С этой точкой зрения нельзя не согласиться. Действительно, на тот момент, когда вследствие развала СССР белорусы должны были принять на себя ответственность за свою дальнейшую судьбу, будущее своей страны и государства, взвалив на свои плечи бремя обретенной независимости, морально, психологически они к этому были не совсем готовы. Однако, в тот сложный исторический момент, когда определялся путь Беларуси в её суверенное будущее, большое влияние на выбор, который был сделан её народом, оказал тот образ, который стал объектом нашего исследования. Польша, как национальный очаг поляков, несмотря на все её к тому стремления, в глазах белорусов не стала для обретенной независимости Беларуси, образно говоря, маяком, на свет которого им хотелось бы идти.

Мы исходим из того, что генезис в восприятии белорусов образа поляков происходил параллельно с этногенезом белорусов, формированием их этнонационального самосознания, менталитета, национального характера. Представляется, что, закрепившись на обыденном уровне их общественного сознания и став частью их мировосприятия, этот образ явился важным фактором исторического процесса, действие которого нельзя не учитывать не только при рассмотрении исторического прошлого Беларуси и её народа, но и в анализе их настоящего, и в прогнозировании будущего.

Хронологические границы исследования определены спецификой предмета исследования. Считая нижней границей XVI в., мы исходим из того, что формирование в восприятии белорусов образа поляков неразрывно связано с процессом их этногенеза. Поскольку существуют разные гипотезы о начале последнего и споры на этот предмет продолжаются по сегодняшний день, мы не станем отдавать предпочтение ни одной из них, а будем исходить из того, что в нарративных источниках, лёгших в основу нашего исследования, термин «белые русы» (белорусы) появляется в XVI в., что на наш взгляд является маркером начавшегося обособления белорусов от других восточных славян. При этом в наших констатациях в большей степени приходится исходить от «обратного» – и русские, и украинцы в то время уже не считали белорусов «своими». И белорусам пришлось эту отчуждённость принять. Именно она стала отправной точкой формирования в сознании белорусов образов «других», «чужих» «русских» (русинов), представлявших другую культуру, имевших иные ценности, иной взгляд на мир, иные принципы жизни, иной характер. Проще говоря, реконструкция в рамках проводимого исследования образа поляков, возможна лишь при наличии исходных данных, а они появляются только в нарративных источниках XVI в.

С определением верхней хронологической границы дело обстоит намного проще. В начале XX в. процесс этногенеза белорусов подходил к своему завершению. Несомненные успехи были достигнуты на попроще национально-культурного возрождения. В 1918 г. белорусы обрели шанс создать собственное государство и этим шансом они успешно воспользовались. С этого момента процесс формирования национальной картины мира происходил уже при активном вмешательстве государства, точнее – Коммунистической партии (большевиков) Беларуси. Что касается интересующего нас образа – началось его редуцирование, т. е. изменение, обусловленное насущными общественными, политическими, идеологическими и иными потребностями. И хотя результаты советской-польской войны, оформленные Рижским мирным договором 1921 г., придали интересующему нас образу несвойственную ему ранее актуальность и остроту, работа над ним с целью его дальнейшего развития стала профессиональным делом специалистов, утратив общественный, стихийный характер. Процесс же естественного формирования в восприятии белорусов образов «чужих», в том числе и образа поляков, был закончен.

Таким образом, генезис в восприятии белорусов образа поляков чётко вписывается в рамки истории Нового времени (XVI – начало XX в.).

Целью исследования является анализ процесса формирования в восприятии белорусов образа поляков в XVI – начале XX в. и его научная реконструкция.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих научно-исследовательских задач:

- изучить предпосылки формирования в восприятии белорусов образа поляков;
- выявить факторы пробуждения этнического самосознания белорусов в конце XVI–XVII в. и охарактеризовать начальный этап складывания в их восприятии образа поляков;
- проанализировать особенности развития в восприятии белорусов образа поляков в XVIII – второй трети XIX в.;
- изучить процесс конструирования в восприятии белорусов образа поляков в последней трети XIX – начале XX в., охарактеризовать его вектор и структурообразующие элементы.

1 ОБРАЗ ПОЛЯКОВ В ВОСПРИЯТИИ БЕЛОРУСОВ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1 Теоретико-методологические основы исследования

Интерес к социальным образам и стереотипам возник после Первой мировой войны. Он стал почти одновременно проявляться как со стороны историков, так и со стороны социологов и политологов. Последние оказались несколько успешнее историков в деле создания теоретической базы исследований, проводимых в этой новой и, как уже тогда казалось, очень перспективной области.

В 1922 г. в свет вышла книга американского писателя, журналиста и политического обозревателя Уолтера Липпмана «Общественное мнение» («Public Opinion») ⁶, в которой была представлена оригинальная концепция общественного мнения, ставшая на Западе одной из классических. У. Липпман исходил из того, что познавательные возможности человека ограничены: он не может знать всё, т. к. окружающая среда слишком сложна и изменчива. Поэтому, приспособливаясь к этой среде, являющейся образованием сложным и изменчивым, в условиях отсутствия у него полного научного представления о ней, человек стремится восполнить этот недостаток за счёт обыденного знания, частью которого являются стереотипы. Он систематизирует знание о мире в категории, являющиеся фикциями, стереотипами, элементами псевдосреды. А его поведение является реакцией на стимулы этой псевдосреды: «Очень часто люди <...> отделены друг от друга значительным расстоянием. И у них нет ни времени, ни возможности для близкого знакомства. Поэтому, усмотрев в каком-то человеке знакомую, свойственную определённому типу черту, мы восполняем отсутствующую информацию о нём с помощью стереотипов, содержащихся в нашем сознании <...> Нам рассказывают о мире до того, как мы его видим. Мы получаем представление о большинстве вещей до того, как непосредственно сталкиваемся с ними. И если полученное нами образование не помогает чётко осознать существование этих предубеждений, то именно они управляют процессом восприятия. Они маркируют объекты либо как знакомые, либо как странные и необычные, усугубляя различие по этому параметру: слегка

⁶ Липпман, У. Общественное мнение / У. Липпман / Пер. с англ. Т. В. Барчуновой. – М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.

знакомое подаётся как очень близкое, а чуть-чуть странное – как абсолютно чужое»⁷.

По мнению Липпмана, окружающая людей реальность – это не столько «внешний мир», сколько образы-«картинки», существующие в их головах, являющиеся спасительными компромиссами в их отношениях с реальностью. Эти готовые образы-«картинки» он назвал стереотипами.

Липпман заключал, что системы стереотипов являют собой упорядоченную, более или менее непротиворечивую картину мира, в которой удобно размещаются привычки людей, их вкусы, способности, удовольствия и надежды. Эта картина того мира, к которому люди приспособились. В нём они чувствуют себя комфортно. Они вписаны в него и являются его составной частью. Здесь им всё знакомо, нормально, надёжно⁸. Поэтому неудивительно, что любое изменение стереотипов воспринимается человеком (и обществом, частью которого он является) как атака на основы мироздания.

Одной из разновидностей социальных стереотипов являются стереотипы национальные, большая часть которых – отражение действительных контактов между этническими группами. Сами контакты, заселение общей территории, конфликты и т. п. влияют на актуальность их взаимного восприятия, содействуют образованию стереотипов, которые становятся неотъемлемым элементом обыденного сознания людей.

Нельзя сказать, что стереотипы возникают и существуют сами по себе. В каждом поколении существуют сравнительно небольшие группы людей, которые занимаются их организацией, стандартизацией и, как утверждал У. Липпман, «доведением их до уровня логических систем, известных под названием Законов Политической Экономии, Принципов Политики и пр.»⁹.

Эти идеализированные представления нет смысла оспаривать, но их необходимо постоянно изучать и учитывать в анализе событий прошлого, настоящего, и даже тех событий, которые гипотетически могут произойти в будущем. Стереотипы реально циркулируют в ходе истории, являясь фактором исторического процесса. И в этом своём качестве они становятся важными объектами научных исследований, исходным положением которых является постулат о том, что стереотип – это не сформулированные кем-либо системные научные пред-

⁷ Липпман, У. Указ. соч. – С. 103–104.

⁸ Там же. – С. 108.

⁹ Там же. – С. 115.

ставления, а изменяющиеся имитации, реплики, подделки, аналогии и искажения этих представлений в сознании отдельных людей¹⁰.

Липпман также утверждал, что стереотипная картина является не просто устраивающим людей объяснением окружающего их мира, упрощённым представлением о нём – она содержит ещё и эмоционально-психологический подтекст. Он писал: «Система стереотипов не является нейтральной <...> Это не просто способ замены пышного разнообразия и беспорядочной реальности на упорядоченное представление о ней. Не просто сокращённый и упрощённый путь восприятия. Это нечто большее. Стереотипы служат гарантией нашего самоуважения; проецируют во внешний мир осознание нами собственной значимости; защищают наше положение в обществе и наши права. Следовательно, стереотипы наполнены чувствами, которые с ними ассоциируются. Они – бастион нашей традиции, и, укрывшись за стенами этого бастиона, мы можем чувствовать себя в безопасности»¹¹.

Хотя это утверждение охватывает все социальные стереотипы как таковые, прежде всего оно касается стереотипов этнонациональных, генезис которых тесно связан с процессом формирования этноса, его самосознания, характера, менталитета, мировосприятия. Становление любой этнонациональной общности происходит, как правило, в условиях конкуренции с другими группами. Это негативно влияет на характер восприятия конкурирующих групп и их представителей, придавая этническим стереотипам негативный характер.

В современной психологии существует несколько теорий формирования национальных образов и стереотипов и соответствующих этим теориям типов эмпирических исследований. Одна из них – теория фрустрации-агрессии – лежит в основе психо-динамического типа исследований.

Теория агрессии была выдвинута психологами Йельского университета (США) Джоном Доллардом, Нилом Миллером, Леонардом Дубом, Орвалом Маурером, Робертом Сирсом и др. Обоснованию её была посвящена их книга «Фрустрация и агрессия», которая вышла в 1939 году¹². Корнями своими данная теория уходила в исследования З. Фрейда, в поле внимания которого впервые попали вопросы агрессии в связи с фрустрацией (фрустрация (лат. *frustratio* – «расстройство планов», «уничтожение замыслов») – психическое состояние, возникающее

¹⁰ Липпман, У. Указ. соч. – С. 116

¹¹ Там же. – С. 109

¹² Dollard, J. Frustration and Aggression / J. Dollard, N. E. Miller, L. W. Doob, O. H. Mowrer, R. R. Sears, – New Haven : Yale University Press, 1939. – 209 p.

в ситуации реальной или предполагаемой невозможности удовлетворения тех или иных потребностей, или, проще говоря, в ситуации несоответствия желаний имеющимся возможностям). В гипотезе (в её первоначальной формулировке), которую авторы пытались доказать, утверждалось, что фрустрация всегда предшествует агрессии, а агрессия является неизбежным следствием фрустрации.

В 1941 г. один из авторов данной книги, Нил Миллер, в сотрудничестве с прежними своими соавторами опубликовал статью «Гипотеза фрустрации-агрессии»¹³, в которой утверждалось, что агрессия вызывается или сопровождается чувством фрустрации. Они переформулировали гипотезу, предполагая, что, хотя фрустрация и создает необходимость реагировать, агрессия является только одним из нескольких возможных результатов. Таким образом, переформулированная гипотеза гласит, что, хотя фрустрация побуждает к поведению, которое может быть или может не быть агрессивным, любое агрессивное поведение является результатом фрустрации, определяя её тем самым недостаточным, но необходимым условием для агрессии¹⁴.

Интерес учёных к теории фрустрации-агрессии не пропал и в последующие десятилетия. В 1969 г. вышла монография американского психолога Леонарда Берковица «Корни агрессии: пересмотр гипотезы фрустрации-агрессии»¹⁵, в которой он попытался систематизировать многочисленные исследования по человеческой агрессивности. Он начал изучать насильственное воздействие масс-медиа на сознание человека. Свои разработки проблем агрессивности базировал на принципах, объясняющих отношения между факторами окружающей среды, негативными аффектами и проявлениями агрессивности. Считал, что негативные аффекты (гнев и т. п.) могут активизировать как агрессивные, так и миролюбивые тенденции в зависимости от ассоциативной памяти пережитого опыта. В 1989 г. Л. Берковиц расширил гипотезу фрустрации-агрессии, предположив, что отрицательный аффект и личные качества играют основную роль в том, провоцирует ли разочарование агрессивное поведение¹⁶. В такой ре-

¹³ Miller, N. E. The frustration-aggression hypothesis / N. E. Miller, R. R. Sears, O. H. Mowrer, L. W. Doob, J. Dollard // Psychological Review. – 1941. – № 48. – P. 337–342.

¹⁴ Zillmann, D. Hostility and aggression / D. Zillmann. – Hillsdale ; New York : Lawrence Erlbaum Associates ; Distributed by the Halsted Press, 1979. – 422 p.

¹⁵ Berkowitz, L. Roots of aggression : A re-examination of the frustration-aggression hypothesis / L. Berkowitz. – New York : Atherton Press, 1969. – 136 p.

¹⁶ Ibid. – P. 59–73.

дакции данная гипотеза во многом объясняет, например, почему, несмотря на века польского владычества в Беларуси, неравноправия и угнетения по этническому признаку, белорусы не испытывали по отношению к полякам чувства агрессии, хотя образ поляков, сформировавшийся в их коллективном сознании, безусловно, имел негативный характер. Дело в национальном характере белорусов, одной из определяющих качеств которого является, как писал белорусский историк и поэт Эдуард Дубенецкий, «крайняя толерантность, т. е. сочувствие <...> белорусов к представителям разных наций, религий, сословных категорий населения, уважение к людям с иным мировоззрением, состав мышления»¹⁷.

С точки зрения психологии толерантность – ситуация, когда фрустратор не вызывает фрустрацию. Учитывая особенность статусов и реального положения в Беларуси титульного населения и поляков-мигрантов (и их потомков), уровень этнополитической консолидации и пассионарности, толерантность белорусов можно охарактеризовать как «напряжённую», когда их импульсивные реакции в отношении источника фрустрации сдерживались, но выливались, например, в прикованность к фрустратору, т. е. фиксацию на нём внимания, переживания, их анализ. Выводы оформлялись в образ фрустратора, в котором фиксировались основные его черты, прежде всего, разумеется, – негативные. Таков, вкратце, психологический алгоритм формирования образа поляков в этнонациональном восприятии белорусов в период Нового времени.

Уже в начале XXI в. свой вклад в развитие теории фрустрации-агрессии внесли учёные-психологи Калифорнийского университета Говард Фридман и Мириам Шустак. В их формулировке она гласит, что агрессия является результатом блокирования или фрустрирования усилий человека, направленных на достижение цели¹⁸. Это в полной мере касается и общества, стремления которого не могут быть реализованы из-за противодействия внешнего фактора. Применительно к предмету нашего интереса это означает, что присутствие в Беларуси поляков в качестве доминирующего этноса в XVI–XVIII вв. не могло не восприниматься белорусами негативно, ибо это присутствие ставило последних в приниженное положение управляемых, эксплуатируемых, дискриминируемых. Поскольку исправить ситуацию своими си-

¹⁷ Дубянецкі, Э. Таямніцы народнай душы / Э. Дубянецкі. – Мінск : Народная асвета, 1995. – С. 23.

¹⁸ Friedman, H. S. Personality : classic theories and modern research / H. S. Friedman, M. W. Schustack, W. Miriam. – Boston: Pearson, 2016. – P. 204–207.

лами белорусы не могли, а желали бы, то налицо явный конфликт желания и возможности, следствием которого стало укоренявшееся в их общественном сознании чувство фрустрации. В агрессию оно не перерастало по причинам, о которых пойдёт речь ниже.

В наши дни фрустрационные теории агрессии разрабатываются параллельно в трёх направлениях (психоанализ, поведенческая психология, когнитивная психология). Но все они сходятся в признании фундаментальной роли фрустрации для агрессии. При этом фрустрация и агрессия представляют собой многомерные и многопорядковые феномены, в которых выражается их принадлежность к одной и той же системе. Российский психолог Елена Германовна Шестакова предлагает фрустрацию и агрессию понимать как трёхмерное образование. Она пишет: «Первым их измерением могут быть их защитные функции, которые реализуют эго и самость, вторым измерением – фрустрация на стимул и агрессия как ответное поведение, третьим измерением – фрустрация и побуждение к агрессии как оценивание и атрибуция аверсивных стимулов» (аверсивный стимул – событие или физическое ощущение, которое человек считает неприятным и воспринимает как наказание)¹⁹.

Опираясь на такое понимание фрустрации и агрессии, можно утверждать, что отношение белорусов к полякам определялось необходимостью защитить свою этническую уникальность, культуру, образ жизни, стремлением уберечься от ассимиляции. Следствием развития этой необходимости стала этническая самоидентификация белорусов, развитие этнонационального самосознания и противопоставление себя полякам, их культуре, образу жизни, государству. Попытки распространения на Беларусь польскости привели в конечном счёте, хотя и не без нюансов, к национально-культурному возрождению Беларуси. На этом этапе предубеждение по отношению к полякам стало свершившимся фактом. Важную роль в развитии его сыграл царизм, освободивший белорусов из-под польского ярма и взявший их под свою опеку. Российская наука, литература, пропаганда сыграли значимую роль в пробуждении в исторической памяти белорусов всего того, что могло содействовать и в конечном счёте содействовало негативному восприятию жизни в условиях польского политического, экономического, религиозного и культурного гнёта, т. е. сыграли роль аверсивного стимула.

¹⁹ Шестакова, Е. Г. Фрустрационные теории агрессии (к истории проблемы) / Е. Г. Шестакова // Сибирский психологический журнал. – 2009. – №33. – С. 39–40.

Известный канадский и американский психолог Альберт Бандура также внёс свою значимую лепту в изучение проблематики, связанной с фрустрацией-агрессией. С 1953 г. он преподавал в Стэнфордском университете, где разрабатывал теорию социобихевиоризма («научение через наблюдение», «научение без проб») или социального научения (социального когнитивизма). Именно его труды в этой области являются наиболее значимыми.

Однако стоит всё же отметить, что до него проблематикой социального научения уже активно занимались. Из числа предшественников А. Бандуры следует назвать американского философа, психолога и социолога Джорджа Герберта Мида, представителя символического интеракционизма (от англ. interaction, букв. – взаимодействие) – нового методологического подхода, объединяющего несколько различных направлений в общественных науках, его Чикагской школы.

Наиболее активная фаза исследований А. Бандуры пришлась на 1960-е годы. Его вкладом в теорию социального научения, стало представление о том, что человек может овладевать поведением не через собственные пробы и ошибки, а наблюдая за опытом других и теми подкреплениями, которые сопутствуют тому или иному поведению. Это важное отличие предполагает, что поведение человека становится когнитивным, то есть включает непреременный познавательный компонент. А. Бандура заключал, что этот механизм играет важнейшую роль в процессе социализации, т. к. на его основе формируются способы реализации агрессивного и кооперативного поведения²⁰.

Анализ агрессивного поведения требует учёта трёх моментов: способов усвоения подобных действий; факторов, провоцирующих их появление; условий, при которых они закрепляются. По способам усвоения агрессивного поведения научение насилью может быть прямым или викарным (от лат. vicarious, букв. – заместитель), т. е. заместительным (термин «викарный» используется для описания структуры или функции какого-либо органа, которые обычно этому органу не присущи и действуют как заместительные – А. К.).

В рамках исследования фазы формирования в восприятии белорусов образа поляков, приходившейся на середину XVII в., тезис о викарном опыте (усвоение на основе наблюдения за чужим агрессивным поведением) представляет немалый интерес. В частности, в ходе казацко-крестьянской войны, разгоревшейся на территории Беларуси в связи с приходом сюда казацких отрядов (загонов), посланных

²⁰ Бандура, А. Теория социального научения / А. Бандура. – СПб. : Евразия, 2000. – 320 с.

Б. Хмельницким, определённая часть белорусов поучаствовала в польских и еврейских погромах. Как уже говорилось выше, ксенофобия не свойственна белорусам, известных своей толерантностью. Однако эта толерантность являлась «напряжённой». Импульсивные реакции белорусов в отношении источника фрустрации – поляков, являвшихся пришлым, внешним, но доминирующим фактором, подавлялись, прежде всего, отсутствием веры в собственные силы и в возможность успешного противодействия ему. Но с приходом украинских казаков ситуация изменилась. Белорусы получили возможность выплеснуть на поляков накопившуюся, но долго сдерживаемую агрессию.

Об отношении украинских казаков к полякам и, тем более, к евреям, сказано немало и в исторических источниках, и в научной литературе. Оно может быть охарактеризовано, как ксенофобское (греч. ξένος «чужой» + φόβος «страх» – нетерпимость к кому-либо или чему-либо чужому, незнакомому, непривычному; восприятие чужого как неприятного и опасного). Впервые в белорусское общество извне была привнесена не только идея о том, что чужаки – враги, но и было продемонстрировано то, как с ними, с точки зрения носителей этой идеи, следует поступать. Разумеется, всё это проводилось в рамках соответствующего идеологического и пропагандистского обеспечения.

Для белорусов этот викарный опыт (наблюдение за агрессивными действиями казаков) был очень тяжёлым опытом. Число «показаченных» из числа белорусов было невелико. Белорусы, как явствует из источников, не склонны были массово (но, разумеется, не без исключений) перенимать новые для них агрессивные реакции, к которым к тому же они не были предрасположены, в процессе наблюдения за действиями украинских казаков. Да и те вскоре показали своё истинное отношение к белорусам, что получило в белорусском обществе адекватную происходившему негативную оценку, запечатлевшуюся в белорусском стереотипе украинца. В основном содержании монографии к этому придётся обратиться специально.

В период казацко-крестьянской войны 1648–1651 гг. на белорусских землях поляки также впервые открыто предстали в негативном образе. В ходе боевых действий против казаков, расправ над показаченными и теми из белорусов, кого они принимали за таковых, они показали своё истинное отношение к белорусам. Не удивительно, что в восприятии их последними стали происходить перемены. Есть основания полагать, что именно тогда в формирующийся образ поляков стали вноситься негативные черты, ставшие впоследствии базовыми характеристиками поляка, как «чужого».

Итак, мы исходим из того, что в формировании образов и стереотипов определяющую роль играет фактор взаимного непонимания, разочарования и вражды, являющейся закономерным следствием возникающего в ходе борьбы за существование соперничества. Представляется, что из всех теорий, объясняющих появление национальных образов и стереотипов, именно теория фрустрации-агрессии наиболее приемлема для изучения особенностей объекта нашего исследования – образа поляков. Поэтому вполне очевидно, что в решении поставленных исследовательских задач невозможно обойтись без теоретических наработок психологии и социологии.

Как можно заключить из сказанного, образ «другого» («чужого») всегда редуцирован, т. е. неполон. В процессе редуцирования сокращаются детали, черты и пр. От этого образ страдает, становится неточным – детализированность и точность теряются вместе с сокращением его элементов и соответствующих им характеристик. Кроме того, этот редуцированный образ содержит оценочный элемент. Вместе с сокращёнными элементами теряется объективность. Можно даже говорить о том, что сокращаются не случайные элементы, а именно те, которые не укладываются в заранее определённый «проект» образа.

Редуцированный образ реальности, который содержит оценочный компонент, – это не просто констатация факта, а ориентир, указывающий в определённом направлении. Именно его У. Липпман назвал стереотипом²¹.

Примерно в то же время, когда У. Липпман ввёл в научный оборот термин «социальный стереотип», заложив основы познавательного подхода к анализу стереотипов, к последним стали проявлять внимание и историки. На рубеже 20-х – 30-х гг. XX в. вокруг журнала «Анналы», основанного в 1929 г. французскими историками Марком Блоком и Люсьеном Февром, в то время являвшимися профессорами Страсбургского университета, сформировалось новое направление исторических исследований, получившее название «новой исторической науки» (или, по названию журнала, – школы «Анналов»).

С формированием данного направления связывают серьёзнейшие изменения в исторической науке, суть которых заключалась в замене классической «истории–повествования» «историей–проблемой». Представители новой школы стремились создать историю, описывающую все существующие в обществе связи – экономические, социальные, культурные. Они начали ставить в центр своих исследований

²¹ Липпман, У. Указ. соч. – С. 95–107.

общество в целом, а не описание событий и фигурантов истории. Прежде всего, они пытались вскрыть глубинные структуры, существующие в течение больших временных отрезков.

Подход, положенный историками этой школы в основу своей деятельности, потребовал привлечения данных смежных наук – социологии, этнологии, психологии, географии, лингвистики и других, а также расширения круга исторических источников. Это привело к эпистемологическому (эпистемология – философско-методологическая дисциплина, исследующая знание как таковое, его строение, структуру, функционирование и развитие) повороту в исторической науке. Суть последнего заключалась в изменении отношения исследователя к источнику: исходя из тезиса, что источник сам по себе нем, а вопросы ему задает исследователь, в оценке последнего ценность приобретал даже фальсифицированный источник, ибо он мог рассказать, почему эта фальшивка появилась на свет, кому это было выгодно и как именно. Представители школы «Анналов» начали изучать массовые представления людей той или иной эпохи (история ментальностей), проблему исторической памяти, смену ценностных установок и пр. Именно в рамках своего интереса к массовым представлениям, к особенностям мировосприятия людей разных эпох прошлого, историки этой школы стали вникать в процесс формирования образов и стереотипов, являвшихся неотъемлемой их частью, исследовать их функции (культурные, социальные, политические) с целью определения их роли в историческом процессе.

История ментальностей, вскрывая как бы «потайной» план общественного сознания, подчас не выраженный чётко и не формулируемый достаточно ясно, стала весьма перспективным направлением исследований, проводимых представителями «новой исторической науки».

Исследователь ментальностей имеет дело не с философскими, религиозными или политическими убеждениями, или доктринами как таковыми, – его занимают не теории, а та «почва», на которой произрастают, в частности, также и эти теории. В центре его внимания – образ мира, который заложен культурой в сознание людей данного общества и который преобразуется ими спонтанно, по большей части вне контроля их «дневного сознания»²².

Представители школы «Анналов», таким образом, не только стали на «путь преобразования исторической науки в традиционном её по-

²² Гуревич, А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов» / А. Я. Гуревич. – 2-е изд., доп. и испр. – М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. – С. 22.

нимании в культурно-антропологически ориентированную историю, в науку о человеке в том его конкретном социальном и ментальном облике, какой он обретал в разные эпохи своего развития»²³, но и существенно продвинулись в этом направлении. Они смогли сломать барьеры, созданные дифференциацией исторических дисциплин и закреплённые традициями их изучения. Результатом этой дифференциации, как резонно утверждал советский и российский историк-медиевист и культуролог Аарон Яковлевич Гуревич, стало прогрессирующее исчезновение ясного представления о целостности, из которой выделились данные дисциплины, вместе с осознанием того, что они представляют собой не более чем разные подходы к «одному и тому же предмету науки, коим является общественный человек»²⁴. Но при этом, как горько констатировал А. Я. Гуревич, оказался забытым и сам предмет²⁵.

Несмотря на то, что возникла школа «Анналов» на рубеже 20-х – 30-х гг. XX в., становление её пришлось на период после окончания Второй мировой войны. Представители последнего поколения этой школы придерживались антропологического подхода к изучению истории. Ярчайшим его представителем стал французский историк-медиевист Жак Ле Гофф, который, увидев тесную связь между антропологией и опытом историков, развивал направление, названное им же «исторической антропологией» или «антропологически ориентированной историей».

Представителей школы «Анналов» можно считать первооткрывателями ментальностей, как способов ориентации в социальном и природном мире. Хотя сам по себе факт, что манеры мыслить, не сформулированные чётко и не вполне осознаваемые (или вовсе не осознаваемые), а также умственные образы, зачастую лишённые логики, присущи социальным (в т. ч. и этнонациональным) группам во все исторические периоды, разумеется, открытием не являлся²⁶. Вполне естественным образом в сознании представителей таких групп складывается определённый образ мира. Его характер задаётся традицией, воспитанием, всей общественной практикой людей, их исторической памятью. Данный образ представляет собой устойчивое образование, определяющее модели поведения людей, в сознании которых он нахо-

²³ Гуревич, А. Я. Указ. соч. – С. 18.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Зверев, О. В. Историческая школа «Анналов» о ментальности / О. В. Зверев // Вестник МГУКИ. – 2011 (ноябрь–декабрь). – №6 (44). – С. 46.

дится²⁷. Однако никто до этого не учитывал особенности менталитета человеческих сообществ при рассмотрении фактов и явлений их прошлого и, тем более, не рассматривал его в качестве полноценного фактора исторического процесса. В рамках же «новой исторической науки», которая фокусируется на анализе формирования образов «своих» и «чужих» в национальных культурах, дефиниции «национальный образ» и «национальный стереотип» выступают центральными понятиями.

К концу 80-х гг. XX в. устойчивый интерес к школе «Анналов» и, прежде всего, к французскому варианту «исторической антропологии», стали проявлять советские историки. Свою устойчивость он сохранил и в постсоветский период, обретая всё более и более выраженный облик антропологически ориентированной истории или, как предлагает называть это направление исторических исследований российский историк О. В. Зверев, – «социально-исторической антропологии»²⁸. Такая редакция названия «исторической антропологии» подчёркивает связь предмета её интереса – истории ментальностей – со всеми фактами, явлениями (социальными, политическими, экономическими и пр.), которые происходили в рамках исторического процесса, а также выражает всеобщую их взаимосвязь и взаимообусловленность.

На сегодняшний день последняя являет собой зародившуюся и существующую в рамках «новой исторической науки» область современного исторического знания, в которой человек изучается во всех проявлениях его существования в рамках социокультурных систем, в которые он интегрирован. Исследования проводятся на междисциплинарной основе, с помощью методов истории, антропологии и кросс-культурных исследований. Им присущ активный диалог как с другими науками (антропологией, социологией), так и между разными отраслями исторического знания. Изучается жизнь человека и общества во всей её полноте и многообразии – от поведенческой культуры до культуры политической. Преимущественное внимание обращается на межличностное и межгрупповое взаимодействие. Происходящие же события и процессы рассматриваются с позиции их участников²⁹.

Междисциплинарный характер антропологически ориентированных исторических исследований предполагает использование теоре-

²⁷ Зверев, О. В. Указ. соч. – С. 46–47.

²⁸ Там же. – С. 47.

²⁹ Далгат, Ф. М. Историко-антропологический подход в историческом исследовании / Ф. М. Далгат // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2 : Гуманитарные науки, 2015. – №4. – Т. 30. – С. 134.

тических оснований, концептуальных подходов, исследовательских техник и методов не только самой исторической науки, но и смежных социальных и гуманитарных наук, семиотики (расшифровка, трактовка символов и знаков), дискурсивного анализа (интерпретация текстов источников), методов собственно антропологии, психологии, социологии, лингвистики³⁰.

А. Я. Гуревич, говоря о роли школы «Анналов» в развитии исторической науки, писал: «Возникновение и развитие «Новой исторической науки» во Франции, без всякого преувеличения, ознаменовало подлинную революцию в области исторического знания. Ибо учёными, принадлежащими к этому направлению, сформулированы новые проблемы, до того историками не ставившиеся; тем самым мощно раздвинуты самые рамки исторической науки, охватывающей ныне практически все аспекты жизни людей прошлого»³¹.

В трудах историков социальный образ, в том числе и образ этнический, чаще всего определяется как продукт общественного сознания, отражающий индивидуальные и групповые представления о разных феноменах (в том числе о других этносах, истории отношений с ними), окрашенные эмоционально-психологически. Российский историк Людмила Николаевна Мазур отмечает: «Применяемое историками понятие «образа» пока остается слабо структурированным и в значительной степени неопределённым, поскольку строится не на логических принципах моделирования, а на «восприятии» <...>, т. е. способе познания, имеющем ярко выраженный субъективный характер с опорой на чувственный опыт»³². Она пишет, что историки рассматривают образ «как отражение результатов чувственного восприятия чего-либо с опорой на исторические источники и как результат обобщения эмпирического материала, достигнутый через использование логических <...> и эстетических приёмов анализа»³³. Развитие исторических исследований в данном направлении неминусом должно было вывести историков в междисциплинарную область исследований.

Закономерным и предсказуемым результатом развития «новой исторической науки» стало появление исторической имагологии, которая изучает образы и стереотипы восприятия окружающего мира, су-

³⁰ Далгат, Ф. Указ. соч. – С. 135.

³¹ Гуревич, А. Я. Указ. соч. – С. 17.

³² Мазур, Л. Н. «Визуальный поворот» в исторической науке на рубеже XX–XXI вв. : в поисках новых методов исследования / Л. Н. Мазур // Диалог со временем. – 2014. – Вып. 46. – С. 100.

³³ Там же. – С. 100.

ществовавшие у разных народов в прошлом. Опираясь на различные источники данные, она стремится к выявлению внутри национального сознания общих представлений о внешних объектах. Вникая во все эти аспекты, историческая имагология в определённом смысле выступает как направление социально-исторической антропологии. Однако всё зависит от самого общества, уровня этнонационального сознания его представителей, степени консолидированности, силы сложившихся традиций, национального характера и, конечно же, – внешних факторов, действие которых может иметь характер непреодолимой силы.

Другим влиятельным методологическим течением, способствовавшим становлению имагологии – стала концепция социально-конструктивистского направления в социологии, выдвинутая американским теологом и социологом Питером Людвигом Бергером и немецким социологом Томасом Лукманом³⁴, утверждающая, что социальная практика неразрывно связана с конструированием значений и символов, определяющих деятельность человека³⁵.

В конструировании символов, как утверждают П. Бергер и Т. Лукман, большую роль играет язык, поскольку он «может не только конструировать крайне абстрагированные от повседневного опыта символы, но и «превращать» их в объективно существующие элементы повседневной жизни»³⁶. Принимая за аксиому тот факт, что люди живут в мире знаков и символов, эти социологи приходят к выводу, что символизм и символический язык являются существенными элементами реальности повседневной жизни и обыденного понимания людьми этой реальности³⁷.

П. Бергер писал: «Язык может не только конструировать крайне абстрагированные от повседневного опыта символы, но и «превращать» их в объективно существующие элементы повседневной жизни.

³⁴ Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман / Пер. с англ. Е. Д. Руткевич. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.

³⁵ Поршнева, О. С. Историческая имагология в современной российской историографии / О. С. Поршнева // Урал индустриальный. Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. : Бакунинские чтения : материалы XII Всерос. науч. конф., посвящ. 90-летию Заслуж. деятеля науки России, д-ра ист. наук, проф. А. В. Бакунина, Екатеринбург, 4–5 декабря 2014 г. : Т. 1. / РАН, УрО, Ин-т истории и археологии, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург : УМЦ-УПИ, 2014. – С. 126.

³⁶ Бергер, П. Указ соч. – С. 70–71.

³⁷ Там же.

Так что символизм и символический язык становятся существенными элементами реальности повседневной жизни и обыденного понимания этой реальности. Каждый день я живу в мире знаков и символов»³⁸.

В конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века в позднем СССР и на раннем постсоветском пространстве, прежде всего – в России, начали приобретать популярность имагологические исследования. Активнее всего это происходило в области сравнительного литературоведения. Здесь учёные сконцентрировались на изучении возможности передачи литературных образов при переводе с одного языка на другой. Филологов заинтересовала проблема правильности, адекватности восприятия представителями одной национальной культуры образов, свойственных представителям других культур, выраженных на языках этих культур. Очевидно, что связано это было не с особенностями языковых форм, а с особенностями семантики, смысловой стороны языка. Последняя же имеет очевидную связь с особенностями национального мировосприятия, менталитета. Российские литературоведы уверяют, что подобные исследования для них не были чем-то новым, поскольку базовые идеи имагологии, по их мнению, присутствовали уже в трудах русского историка литературы Александра Николаевича Веселовского (1838–1906 гг.)³⁹.

Самым авторитетным специалистом в области исследования национальных образов и стереотипов в национальных культурах стал философ, культуролог и литературовед Георгий Дмитриевич Гачев. Вслед за ним к их изучению подключились социологи, психологи, историки. В рамках литературоведения вскоре оформилось новое направление научных исследований, получившее название «имагология» (от лат. *imago* – образ). Главная её задача состояла в том, чтобы выявить истинные и лживые представления одних народов о других, изучить характер и типологию стереотипов и предвзятостей, которые существуют в общественном сознании, их происхождение и развитие, общественную роль и эстетическую функцию⁴⁰.

Возникновение имагологии и её развитие связано с именем известного советского и российского исследователя польской литературы Виктора Александровича Хорева, который изучал харак-

³⁸ Бергер, П. Указ. соч. – С. 126.

³⁹ Топорков, А. Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX века / А. Л. Топорков. – М.: Индрик, 1987 – С. 315–380.

⁴⁰ Хорев, В. А. Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки / В. А. Хорев. – М.: Индрик, 2005. – С. 7.

тер взаимоотношений русских и поляков⁴¹. С его именем связана разработка имагологического подхода к проблеме генезиса представлений народов друг о друге.

То, что уже в момент своего возникновения российская имагология оказалась привязанной к проблематике русско-польских отношений, показывает, насколько важной она в конце XX – начале XXI в. оставалась и для русских, и для поляков.

Определённый интерес к имагологической тематике был проявлен и в Беларуси. Притом предельно конкретный – к существующему в национальном восприятии белорусов образу поляков. В частности, известный белорусский литературовед Олег Антонович Лойко опубликовал в Польше статью «Поляк в глазах белоруса»⁴², появление которой свидетельствовало о том, что образ поляков, существующий в восприятии белорусов, попал в сферу интересов белорусского литературоведения.

Вполне закономерным стало и то, что В. А. Хорев, долгое время возглавлявший международный проект «Взаимное восприятие Польши и России в литературе и культуре», стал научным консультантом кафедры польской филологии в Гродненском государственном университете им. Я. Купалы⁴³, которая, как ожидалось, должна была стать пионером в области имагологических исследований в Беларуси. Очевидно, что фокусироваться исследовательский интерес гродненских литературоведов-имагологов должен был, прежде всего, на восприятии белорусами поляков и Польши и отражении этого восприятия в белорусской литературе. Этот факт не лишней раз свидетельствует в пользу того, что образ поляков, сформировавшийся в восприятии белорусов в период Нового времени и продолживший своё развитие в период Новейшего времени, в силу своих качеств и непреходящей актуальности является наилучшим, если не сказать идеальным, объектом имагологического исследования.

⁴¹ Мусиенко, С. Польская литература в имагологической интерпретации В. А. Хорева [Электронный ресурс] / С. Мусиенко // Балтийский филологический курьер. – 2013. – Выпуск 9. – С. 99–100. – Режим доступа : http://journals.kantiana.ru/upload/iblock/071/Мусиенко_С._99-113.pdf. – Дата доступа : 17.03.2015.

⁴² Łojka, O. A. Polak w oczach Białorusina / O. A. Łojka // Narody i stereotypy ; pod red. T. Walas. – Kraków : Międzynarodowe Centrum Kultury, 1995. – S. 104–112.

⁴³ Ровба, Е. А. Хорев Виктор Александрович. К 75-летию со дня рождения / Е. А. Ровба, С. Ф. Мусиенко, В. Н. Горбузов [и др.] // Веснік Гродненскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 3. Філалогія, педагогіка. – 2007. – 4 (59). – С. 3–4.

Параллельно с литературоведами активное изучение национальных образов и стереотипов вели историки. Возникло специализированное направление имагологических исследований, которые проводились на базе традиционных для исторической науки источников – историческая имагология. Притом её развитие происходило параллельно в нескольких научных центрах: МГУ им. М. В. Ломоносова, Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ), Институте всеобщей истории РАН и др.

Происходило это в рамках осваиваемых российской историографией новых направлений – исторической антропологии, истории ментальностей, интеллектуальной истории. В Институте всеобщей истории (ИВИ) РАН под руководством А. Я. Гуревича с конца 1980-х гг. проводился семинар по исторической антропологии и истории ментальностей, в том числе – образу «другого» в культуре⁴⁴, материалы которого регулярно публиковались на страницах ежегодника «Одиссей. Человек в истории». В частности, в 1994 г. вышел сборник, в который вошли статьи, посвящённые исследованию образа «другого» в культуре, близкие тематике нашего исследования⁴⁵.

Весомый вклад в теоретическую и практическую разработку историко-антропологической проблематики внесла кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного Института (РГГУ), а также созданный на её базе Российско-французский центр исторической антропологии им. М. Блока.

В конце 1990-х гг. оформился межвузовский Центр сопоставительных историко-антропологических исследований при кафедре истории России Российского университета дружбы народов (РУДН), на базе которого проводятся научные конференции и выпускается «Ежегодник историко-антропологических исследований»⁴⁶.

Не остались в стороне от этих перспективных исследований и белорусские историки. Первыми публикациями историко-имагологического характера явились статьи автора данной монографии. Так уж случилось, что посвящены они были именно восприятию белорусами Польши и поляков, правда, в очень короткий, но весьма важный в историческом плане период – 1920–1929 гг. Источниковой базой исследования стали материалы белорусской периодической печати того

⁴⁴ Поршнева, О. С. Указ. соч. – С. 126.

⁴⁵ Одиссей. Человек в истории 1993 : Образ «другого» в культуре / Отв. ред. А. Я. Гуревич. РАН, Ин-т всеобщей истории – М. : Наука, 1994. – 330 с.

⁴⁶ Поршнева, О. С. Указ. соч. – С. 127.

времени. В 1997 г. была защищена кандидатская диссертация на тему «Образ Польши и поляков в белорусской периодической печати 1920–1929 годов»⁴⁷.

Уже тогда было выявлено, что образ Польши и поляков строился на базе, которая сформировалась в предшествующий исторический период. Произошедшие после восстановления независимого польского государства события, как-то: советско-польская война, Рижский мирный договор 1921 г., раздел Беларуси и аннексия западной её части поляками, сделали образ поляка – образ одного из «чужих» – актуальнейшим из всех образов и стереотипов «чужих», которые существовали на тот момент в общественном и этнонациональном сознании белорусов.

Сохраняющая свою актуальность проблема восприятия белорусами Польши и поляков, на наш взгляд, является серьёзным основанием для того, чтобы образ поляков, сформировавшийся в восприятии белорусов в XVI – начале XX в. и ставший основой образа Польши и поляков, смоделированного в белорусской периодической печати в 20-е годы XX в., стал объектом специального историко-имагологического исследования⁴⁸.

Историческая реконструкция образа поляков является не таким простым делом как это может показаться на первый взгляд. Во-первых, исследователи расходятся во мнении о том, что именно следует считать данным образом: то ли тот образ, который выявляет себя в старобелорусской литературной традиции и устном народном творчестве белорусов, то ли тот редуцированный образ (стереотип), который формировался в массовом сознании белорусов в XIX – начале XX в. под воздействием российской пропаганды, то ли образ, активно эксплуатировавшийся в межвоенный период (1918–1939 гг.), то ли какие-то иные версии восприятия белорусами поляков, существование которых было мотивировано актуальными общественно-политическими, культурными и пр. запросами⁴⁹.

⁴⁷ Кротаў, А. М. Вобраз Польшчы і палякаў у беларускім перыядычным друку 1920-1929 гадоў : аўтарэф. дыс. на атрым. вуч. ступ. канд. гіст. навук / А. М. Кротаў ; Бел. дзярж. ун-т. – Мінск, 1997. – 21 с.

⁴⁸ Кротаў, А. М. Беларускі стэрэатып паляка як прадмет гісторыка-імалагічнага вывучэння / А. М. Кротаў // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сборник научных статей : в 2 ч. / под ред. В. Ф. Беркова. – Вып. 16. – Минск : РИВШ, 2016. – Ч. 1. – С. 177–184.

⁴⁹ Krotau, A. Geneza białoruskiego stereotypu Polski i Polaków / A. Krotau // Przegląd Wschodni. – 2002. – Т. VIII. – Zeszyt 1 (29). – S. 57.

Во-вторых, среди исследователей не существует согласия и в определении характера данного образа. Одни из них пытаются доказать, что он имел позитивный характер, другие убеждают в обратном. Все они приводят аргументы, вес которых не позволяет относиться к ним не всерьёз. Вместе с тем, невозможно не обратить внимание на их незначительное число и бессистемность. И по сей день не сделано ни одной попытки рассмотреть образ поляков, существующий в восприятии белорусов, в многовекторной системе координат и в процессе его эволюции во времени. Как правило, либо выхватывается из какого-либо конкретного исторического периода сложившийся именно тогда редуцированный образ, либо исследование ведётся на базе источников, происхождение, характер и содержание которых не позволяет надеяться на объективность его результатов⁵⁰.

Ситуация усугубляется ещё и тем, что в процесс формирования интересующего нас образа активно вмешивались сами поляки, мотивированные стремлением максимальной позитивизации отношения к себе со стороны белорусов. Основным способом вмешательства в естественный его ход стали попытки внедрения в сознание белорусов польского автостереотипа, имевшего позитивный характер. Большое количество этнических поляков, проживавших в Беларуси, славянское родство белорусского и польского народов, сходные традиции, обычаи, быт и пр., вполне предсказуемая этнокультурная диффузия, которая приводила к стиранию этнокультурных различий, должны были облегчить решение этой задачи.

Генезис интересующего нас образа шёл неравномерно, его темпы зависели от состояния самих отношений, от степени «накала» связанных с ними эмоций, переживаний и, уж конечно, от активности тех, для кого формирование этого образа стало профессиональным занятием.

Однако, если в развитии данного образа имелись «прорывы», не менее очевидно, что были в нём и моменты стагнации, застоя. И приходятся они на периоды нормализации (хотя бы относительной) белорусско-польских взаимоотношений или даже их «потепления», что происходило, как правило, в тяжёлые для Польши и Беларуси времена, когда в отношении их действовал какой-либо общий внешний агрессивный фактор. Примером тому могут служить, хотя бы, события Первой мировой войны, когда в условиях германского наступления и оккупации польских территорий в Беларуси появилось множество польских беженцев, нуждавшихся в сострадании и

⁵⁰ Krotau, A. Geneza białoruskiego stereotypu Polski i polaków... – S. 57.

помощи. Вскоре и значительная часть Беларуси оказалась под германской оккупацией. Беда оказалась общей для белорусов и поляков. Казалось, что теоретически это должно было способствовать тому, чтобы посмотреть друг на друга не через искажающую реальность призму национальных образов и стереотипов, отбросив в сторону накопившиеся обиды и предубеждения. Однако на практике всё происходило иначе...

Историк не может изучать образ или стереотип (редуцированный образ) вне эпохи, в которой тот существовал. По сути дела, он имеет дело с модификацией национального образа, свойственной тому или иному историческому периоду. Таким образом, в отличие от социологов и психологов, историки изучают образы и стереотипы, существовавшие в прошлом, или, иными словами говоря, современные образы (стереотипы), но в их прежних модификациях. Эти образы и стереотипы использовались для формирования общественного сознания, общественного мнения, общественных настроений, мотивации общества в целом, отдельных его групп или личностей на определённые действия, которые, в конечном счёте, и стали, собственно говоря, историей. Это, на наш взгляд, является достаточным основанием для того, чтобы считать их фактором исторического процесса. Данный постулат мы попытаемся доказать на примере изучаемого нами образа поляков.

В процессе изучения данного образа приходится внедряться в источник материал разного происхождения в поисках элементов данного образа, суждений, оценивающих поляков (внешний вид, стиль социального поведения, быт), их национальный характер, язык, традиции, обычаи и пр. На этом этапе, безусловно, приходится работать на эмпирическом уровне познания, предполагающем накопление и отбор фактов, а также установление связей между ними. Поскольку на эмпирическом уровне образ отражается преимущественно со стороны внешних связей и проявлений, главным для этого уровня является фактифицирующая деятельность⁵¹.

На следующем, теоретическом уровне познания добытый эмпирическим путём материал подлежит осмыслению, переработке: раскрывается характер образа, его структура, а также закономерности его генезиса в конкретном историческом контексте. Но при этом изучение образа конечно же не должно подменяться изучением исторического

⁵¹ Кротов, А. М. Методы историко-имагологического исследования (на примере белорусского стереотипа поляка) / А. М. Кротов // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2021. – №4 (127). – С. 39.

контекста. Образ нельзя рассматривать как некую иллюстрацию к историческим процессам, придающую их восприятию эмоциональную окраску. Но и отрываться от исторического контекста в исследовании генезиса образа нельзя, ибо его активная фаза всегда приходится на время обострения межнациональных отношений, конфликта, в котором не может быть мелочей, т. к. именно они придают восприятию «чужого» эмоциональный окрас, необходимую яркость. Результатом становится формирование предвзятости, являющейся, как уже было сказано, психологической основой любого гетерообраза (гетеростереотипа), в т. ч. и интересующего нас образа поляков⁵².

Что касается соответствия данного образа аксиоме о том, что не существует позитивных национальных гетерообразов (гетеростереотипов), а позитивным является только автообраз (автостереотип)⁵³, – оно действительно наблюдается. Однако нельзя не отметить, что изначально о негативном характере данного образа можно говорить лишь условно. Придание же ему отрицательных черт и качеств связано, чаще всего, с попыткой внутренних и внешних сил ускорить процесс формирования негативного образа как эффективного средства идеолого-пропагандистского воздействия на белорусского обывателя и перетягивание его на сторону противостоящих Польше и полякам сил (как это было, например, в XIX в., в период польских освободительных восстаний 1830–1831 и 1863–1864 годов). Так что исторический контекст необходимо привлекать в достаточной полноте, учитывая сложную, а иногда и пёструю структуру исторического процесса в конкретно взятый период. Кроме того, изучая процесс формирования в восприятии белорусов образа поляков и проводя историческую реконструкцию данного образа, необходимо отодвинуть на задний план то, чем более всего интересуются историки – социально-экономический базис и политическую надстройку, а на первый (главный) план выдвинуть состояние культуры и общественной мысли⁵⁴.

Учитывая сказанное о специфике предмета нашего исследовательского интереса, нельзя не сказать о применённых в процессе исследования методах.

⁵² Кротов, А. М. Методы историко-имагологического исследования (на примере белорусского стереотипа поляка)... – С. 39.

⁵³ Radłowski, Z. Op. cit. – S. 13.

⁵⁴ Кротов, А. М. Методы историко-имагологического исследования (на примере белорусского стереотипа поляка)... – С. 39.

1.2 Методы исследования

Методы научного познания традиционно делятся на общие и специальные. Общие методы, в отличие от специальных, используются на протяжении всего исследовательского процесса. В их числе в рамках проводимого нами исследования образа поляков нашли применение методы теоретического и эмпирического исследования.

В число методов теоретического исследования, применяемых в исследовании образа поляков в восприятии белорусов, входят методы абстрагирования и идеализации (идеализация – далеко зашедшее абстрагирование), анализа и синтеза, индукции и дедукции, мысленного моделирования, а также аксиоматический метод.

Метод абстрагирования даёт возможность в ходе исследования образа поляков отвлечься от несущественных его деталей для выделения элементов существенных, определяющих свойства образа, его направленность и качество. С фактической точки зрения речь идёт конечно же не об образе, ибо он абстрактен. Она идёт об отношении к полякам со стороны белорусов. Так что, сокращая логическую цепочку, можно сказать, что образ и есть отношение⁵⁵.

В процессе научного изучения образа поляков, сформировавшегося в восприятии белорусов в период Нового времени, конечно же, не обойтись без применения методов анализа и синтеза. Принято считать, что лишь в своём единстве эти методы дают полное и всестороннее знание об объекте исследования. Однако в нашем случае это не совсем так. Поскольку национальных образов в готовом виде, как правило, не существует, за них выдаются редуцированные образы, т. е. стереотипы, соответствующие той или иной исторической эпохе и характерному для неё состоянию межнациональных отношений. Образ приходится реконструировать, собирать из отдельных элементов. Мысленное соединение их в единое целое есть не что иное, как синтез. Разумеется, в ходе соединения этих элементов возникают проблемы – соединяемое не всегда выглядит органично, образуются лакуны. Приходится «разбирать» конструкцию и выстраивать её заново, больше внимания уделяя «подгонке деталей», для чего каждую из них необходимо внимательно изучить. Мысленное же расчленение образа на образующие его элементы и их предметное изучение есть не что иное, как анализ⁵⁶.

⁵⁵ Кротов, А. М. Методы историко-имагологического исследования (на примере белорусского стереотипа поляка)... – С. 40.

⁵⁶ Там же. – С. 40–41.

В ходе изучения образа поляков невозможно обойтись без применения метода мысленного моделирования. Это объясняется его фрагментированностью и лакунарностью. Для дефрагментации и устранения лакун активно применяется воображение, которое разные исследователи обозначают по-разному⁵⁷. Например, советский философ, писатель и переводчик Я. Э. Голосовкер называл его «имагинативным познанием»⁵⁸, а Г. Д. Гачев – «имагинативной дедукцией» (дедукция и индукция воображения и воображением). Вообще, Г. Д. Гачев утверждал, что метод «имагинативной дедукции» имеет особое место в воссоздании целостной картины мира, ибо он «...развивал умозрение, ориентированное на целое, и боковое зрение, шествующее вместе с логическим, вперённым только вперёд; в их общей работе возникает такое гносеологическое образование, которое можно назвать «мыслеобраз»⁵⁹.

Метод индукции в историко-имагологических исследованиях является одним из основных. Наше исследование не является исключением. С его помощью разрозненные фрагменты образа поляков, формировавшего в восприятии белорусов в период Нового времени, складываются воедино, в образ, который в цельном виде не существовал. Обычно за него выдаётся стереотип, состоящий из неполного комплекта фрагментов – элементов образа, актуальных в той или иной связи. Индуктивное умозаключение связывает эти фрагменты, предпосылки и т. д. с заключением через некоторые фактические, психологические или другие представления, а не строго через законы логики⁶⁰.

Основанием для этого является то, что любой этнонациональный образ существует на обыденном уровне массового сознания людей. И хотя он является эрзацем знания о «других», в истинности его те, у кого он стоит «на вооружении», не сомневаются. Это квазизнание оказывается востребованным, как правило, в стрессовой ситуации конфликта. Поскольку, как уже было сказано выше, воздействием данного «знания» о «других» («чужих») на общество можно управлять, оно активно используется в социально-политических технологиях, прежде

⁵⁷ Кротов, А. М. Методы историко-имагологического исследования (на примере белорусского стереотипа поляка)... – С. 41.

⁵⁸ Голосовкер, Я. Э. Избранное. Логика мира [Электронный ресурс] / Я. Э. Голосовкер. – Режим доступа : <https://fil.wikireading.ru/57966>. – Дата доступа : 16.02.2021.

⁵⁹ Гачев, Г. Д. Наука и национальные культуры (гуманитарный комментарий к естествознанию) / Г. Д. Гачев. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского ун-та, 1992. – С. 14–15.

⁶⁰ Кротов, А. М. Методы историко-имагологического исследования (на примере белорусского стереотипа поляка)... – С. 41.

всего – в т. наз. «социальном заражении». В этом случае логика, конечно же, присутствует.

Нельзя забывать, что мы рассматриваем образ, который долгое время складывался стихийно, без всякого организующего, корректирующего этот процесс вмешательства. Основой его формирования было, как уже говорилось, предвзятое отношение к полякам. У этой предвзятости нет цели, она не побуждает ни к какому активному действию. Однако она присутствует в атмосфере общества, состоящего из предвзятых людей. И так или иначе она формирует их отношение к объекту предвзятого восприятия. Отношение основано на эмоциях, а в эмоциях очень редко присутствует логика. Но всегда есть аффект. Это уже отдельная научная проблема, которой мы не касаемся. Её решением занимается конфликтология – одна из самых молодых отраслей научного знания, развившегося на стыке многих наук, прежде всего – социологии и психологии.

Всё же нельзя не отметить, что понятие конфликта сегодня не принадлежит какой-то одной определённой области науки. Исследованием конфликтов, в том числе возникших на почве межнациональной неприязни, занимаются также и историки⁶¹. Вне зависимости от своей научной специализации все они утверждают, что действия многих участников конфликтов отличаются стереотипностью, обусловленной сильным влиянием негативных эмоциональных состояний, которые изменяют восприятие реальности. А это значит, что искать логику в мыслях людей, восприятие реальности которых находится в искажённом состоянии, по всей видимости, не стоит.

Дедукция позволяет генерировать логический вывод, истинность которого гарантируется истинностью посылок. Посылками же дедукции являются аксиомы, имеющие характер общих утверждений. В частности, одна из таких аксиом, особенно важных в нашем случае, гласит, что не бывает позитивных национальных гетерообразов и гетеростереотипов – позитивными могут быть только автообразы и автостереотипы⁶².

Значение данной аксиомы в нашем исследовании обусловило применение в нём также аксиоматического метода, при котором некоторые истинные утверждения избираются в качестве исходных положений (аксиом), из которых затем логическим путём выводятся и доказываются остальные истинные утверждения (теоремы). Отталкива-

⁶¹ Гришина Н. В. Психология конфликта / Н. В. Гришина: 2-е изд. – СПб. : Питер, 2008. – С. 19.

⁶² Radłowski, Z. Op. cit. – S. 13.

ясь от того, что формирующийся в восприятии белорусов образ поляков мог иметь только негативный характер, приходится объяснять не только специфику эмоционально-психологической основы данного образа, но и доказывать, апеллируя к историческим источникам, появление в нём тех или иных элементов.

Считается, что если посылки дедукции истинны, то истинны и её следствия. Однако это если речь идёт о научном знании. Образ же и, тем более, стереотип, как уже было сказано, таковыми не являются. Представляя собой мнение, зачастую «взятое с потолка», они могут противоречить фактам или лишь частично соответствовать истине, однако всегда позиционируют себя как «достоверное знание»⁶³. Образ «чужого», существующий в восприятии отдельного человека или общества, к которому он принадлежит, не нуждается в доказательствах и вообще не зависит от фактического уровня знаний людей. То, что ему противоречит, попросту ими игнорируется⁶⁴.

Поэтому, апеллируя к дедукции, которая является основным средством логического доказательства, следует постоянно помнить (как и в случае с индукцией), что сам по себе национальный образ (или стереотип) основан на чём угодно, только не на логике. В его основе лежит предубеждение, которое, в свою очередь, строится на отрицательных аффективных эмоциях. Логичным является лишь всё то, что связано с функционированием образа (стереотипа), с его социально-политическими и общественно-культурными функциями⁶⁵.

В числе методов эмпирического исследования, применённых в исследовании, следует назвать прежде всего те методы, применение которых является традиционным для исторической науки. Это специальные исторические методы исследования: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный и историко-типологический.

Поскольку мы рассматриваем образ поляков в процессе его возникновения и развития, необходимо учитывать исторические особенности того времени, в котором этот процесс шёл. Как уже было сказа-

⁶³ Berting, J. Rola i znaczenie stereotypów narodowych w stosunkach międzynarodowych: podejście interdyscyplinarne / J. Berting, C. Villain-Grandossi // *Narody i stereotypy* / pod red. T. Walas. – Kraków : Międzynarodowe Centrum Kultury, 1995. – S. 14–15.

⁶⁴ Chlewiński, Z. Stereotypy: struktura, funkcje, geneza. Analiza interdyscyplinarna / Z. Chlewiński // *Stereotypy i uprzedzenia*. – Warszawa : Wyd-wo Instytutu Psychologii PAN, 1992. – S. 7–28.

⁶⁵ Кротов, А. М. Методы историко-имагологического исследования (на примере белорусского стереотипа поляка)... – С. 41.

но, формирование эмоционально-психологических основ образа поляков, появление в последнем тех или иных элементов, было напрямую связано с событиями, участниками которых становились белорусы и поляки. Контакты между ними порождали проблемы. Причиной этих проблем, с точки зрения белорусов, были поляки. Польское доминирование (социально-политическое, экономическое, культурное) стало для первых фактором непреодолимой силы. И даже падение Речи Посполитой и вхождение белорусских земель в состав Российской империи не сразу изменило эту ситуацию (и не до конца). Поэтому поляки выступили в роли фрустрирующего белорусов фактора. Это выливалось в соответствующее отношение к ним, и именно оно стало эмоционально-психологической базой для формирования в восприятии белорусов совокупного образа поляков.

Историко-сравнительный метод есть не что иное, как адаптация под специфику исторического исследования такого общенаучного метода познания мира, как сравнение. Однако для того, чтобы сравнение имело результат, необходимо, во-первых, сравнивать лишь однотипные объекты, между которыми существует определённая логическая связь и, во-вторых, сравнение должно осуществляться по наиболее важным, существенным признакам, с использованием общих критериев. Информация об объекте, полученная с помощью сравнения, может сама по себе являться непосредственным его результатом. Однако очень часто целью сравнения становится получение вторичной информации, являющейся результатом обработки первичных данных. Наиболее важным способом такой обработки является умозаключение по аналогии⁶⁶.

В частности, в изучении формирования в восприятии белорусов образа поляков большую роль играет сопоставление данного образа с образом мазуров (мазовшан), существовавшим в восприятии поляков из других исторических областей Польши, с польским автостереотипом, а также с образом поляков, который формировался в период Нового времени в восприятии русских.

В качестве примера можно привести сравнение образа поляков, начавшего своё формирование в восприятии белорусов, с образом мазуров (мазовшан), существовавшим в восприятии поляков из других областей Польши. Основанием для этого служит тот факт, что, как убедительно доказали польские историки, изучавшие процесс поль-

⁶⁶ Кротов, А. М. Методы историко-имагологического исследования (на примере белорусского стереотипа поляка)... – С. 39.

ской колонизации Беларуси (В. Смоленский⁶⁷, И. Барановский⁶⁸, А. Яблоновский⁶⁹, С. Зайончковский⁷⁰, Л. Василевский⁷¹), среди мигрантов, направлявшихся в Беларусь, безусловно преобладали выходцы из Мазовии, весьма отличавшиеся своими племенными качествами от выходцев из других польских земель и ставшие благодаря этому объектом критического восприятия последних.

Точно такие же черты, как и в образе мазуров, существовавшим в восприятии поляков из других земель, фиксируются в образе поляков, генезис которого начался в восприятии белорусов в период раннего Нового времени. Сравнение этих образов свидетельствует, во-первых, об объективности общественного мнения, которое адекватно реагировало на один и тот же объект образотворчества, и, во-вторых, о том, что знания белоруса о поляке были, во многом, знаниями поляка о самом себе⁷².

С методом сравнения тесно связан такой метод эмпирического исследования, как наблюдение. Ведь сравнивать можно лишь то, о чём имеется представление. Последнее же является результатом наблюдения, т. к. именно оно даёт первичную информацию об объекте. Что касается интересующего нас образа поляков, черпается она прежде всего из фольклорных источников. В интерпретации источниковых данных требуется, однако, предельная осторожность. Искажение «выуженного» из источников материала, «подгонка» его под выстроенную заранее концепцию, недопустимы. Равно как и принятие без должного критического изучения и перепроверки чужих интерпрета-

⁶⁷ Smoleński, W. Szkice z dziejów szlachty mazowieckiej / W. Smoleński. – Kraków : Nakładem autora, 1908. – S. 121–135.

⁶⁸ Baranowski, I. T. Z dziejów feudalizmu na Podlasiu / I. T. Baranowski // Przegląd Historyczny, 1907. – T. IV. – Z. 1. – S. 62–73.

⁶⁹ Jabłonowski, A. Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym. – T. VI. – Cz. II. Podlasie (Województwo) / A. Jabłonowski // Źródła Dziejowe. – T. XVII, Część II. – Warszawa : Skład główny u Gebethnera i Wolffa, 1909. – S. 224–226 ; Op. cit. – T. XVII, Część III. – Warszawa : Skład główny u Gebethnera i Wolffa, 1910. – S. 224–225.

⁷⁰ Zajączkowski, S. Najdawniejsze osadnictwo polskie na Podlasiu / S. Zajączkowski. – Lwów : Kasa im. J. Mianowskiego Instytutu popierania polskiej twórczości naukowej, 1936 (Odbitka z «Roczniku dziejów społecznych i gospodarczych», 1936. – T. V. – S. 13–44).

⁷¹ Wasilewski, L. Litwa i Białoruś : Zarys historyczno-polityczny stosunków narodowościowych / L. Wasilewski. – Warszawa ; Kraków : Wyd-wo J. Mortkowicza, 1925. – S. 49–51.

⁷² Łojka, O. A. Polak w oczach Białorusina / O. A. Łojka // Narody i stereotypy / pod red. T. Walas. – Kraków : Międzynarodowe Centrum Kultury, 1995. – S. 104–112.

ций источниковых данных и, тем более, сделанных на их основе выводов. Поскольку образ поляков формировался в восприятии белорусов в прошлом, а фольклорная традиция в наши дни, к большому сожалению, скорее мертва, чем жива, перепроверить данные, собранные во второй половине XIX – начале XX в. весьма сложно, а чаще всего – просто невозможно. Потому приходится полагаться на добросовестность учёных, которые эти данные собирали, равно как и на то, что они были мотивированы на сохранение аутентичной первозданности вводимых ими в научный оборот источников. Поскольку наблюдение бывает прямым и косвенным, в данном случае следует говорить о применении метода косвенного наблюдения, ибо информация добывается не в ходе самостоятельного наблюдения, а при помощи этнографов и фольклористов, живших век-полтора назад⁷³.

На сравнении основан также историко-типологический метод, без которого невозможна реконструкция образа поляков. Суть данного метода заключается в создании так называемых идеальных типов – логических конструкций, существующих исключительно в сознании исследователя и не встречающихся в реальной жизни. Исследуемый нами образ – одна из таких конструкций. Его не было в реальности. Он существовал лишь в головах белорусов, вобрав в себя не только всё квазизнание о поляках, в «правдивости» которого у белорусов не возникало сомнений, но и отношение их к последним и к польскости, как таковой. Никого не смущало, что этот идеальный (в смысле – нереальный, несуществующий в действительности – А. К.) образ отражал только наиболее важные, с точки зрения белорусов, черты и характеристики поляков – негативные, а многие другие качества, присущие им, просто игнорировались. Образ, как уже было отмечено, имел конкретное предназначение, способствовавшее сохранению белорусов как этноса в условиях серьёзной угрозы ассимиляции.

При изучении функционального назначения образа поляков применялся также историко-системный метод, направленный на изучение объектов и явлений прошлого как целостных исторических систем. Основу данного метода составляет структурно-функциональный анализ, дополненный характеристикой развития системы с учётом её свойств.

Поскольку образ поляков в процессе своего формирования закреплялся на обыденном уровне массового сознания белорусов, становясь частью их мировосприятия и выполняя, как уже было отмечено

⁷³ Кротов, А. М. Методы историко-имагологического исследования (на примере белорусского стереотипа поляка)... – С. 39–40.

выше, конкретную и очень важную общественно-политическую функцию (что собственно говоря и даёт основание рассматривать его в качестве фактора исторического процесса), изучать его следует в рамках той общественной системы, которая существовала в Беларуси, постепенно эволюционируя, в период Нового времени. Данный метод помогает выявить значение образа поляков в жизни представителей аутентичной белорусской социальной среды, которая существовала и развивалась независимо от официальных социально-политических систем (Речи Посполитой или Российской империи), его функцию в этнонациональном развитии белорусов, белорусском национально-культурном возрождении, успехи которого привели к серьёзным сдвигам в развитии общественно-политического сознания белорусов, результатом которого в конечном счёте стало становление белорусского государства.

В исследовании образа поляков нашли применение также лингвистические методы: методы анализа письменных источников, обработки материала, оценки достоверности полученных данных, выявление зависимости между использованием языка и определёнными социальными характеристиками его носителей. В частности, при анализе идеологической составляющей поддержки «кресовыми» поляками белорусского национально-культурного возрождения весьма полезным было обращение к научному наследию российского этнографа, фольклориста и литературоведа Николая Андреевича Янчука, который внёс большой вклад в изучение песенной культуры крестьян Подляшья, Полесья, Беларуси и Украины в целом. Так, изучая народное творчество белорусов, в частности, памятники эпической поэзии, якобы записанные гимназистами (местными уроженцами), он пришёл к выводу, что это были подделки, созданные «под влиянием ещё не остывшего возбуждения и раздражения» после первого польского восстания 1830–1831 гг. Он писал о них: «Эти нескладные, порой даже бессмысленные стихотворные памфлеты, которые не только не сложены народом, но и не пошли в народ. Сфера их распространения – интеллигентный класс...»⁷⁴. В определении их подлинности он пользовался сугубо лингвистическими методами, однако же полученный результат позволил делать выводы куда более широкого спектра, чем можно было ожидать. В том числе и об отношении белорусов к полякам и той борьбе, которую они вели с царизмом.

⁷⁴ Янчук, Н. А. О мнимо-народных белорусских песнях исторического и мифологического содержания / Н. А. Янчук. – Харьков : Типография «Печатное дело», 1908. – С. 16.

Как уже было сказано, в ходе исследования генезиса и развития в восприятии белорусов образа поляков и его научной реконструкции приходится вести кропотливую работу с историческими источниками, выявляя в них элементы данного образа или описание ситуаций в белорусско-польских отношениях, которые оставляли эмоционально-психологические следы, способствовавшие появлению таких элементов. В частности, представляется возможным доказать, что перелом в отношении белорусов к полякам наступил в ходе подавления польских национально-освободительных восстаний⁷⁵ и сразу после них, когда царизм, борясь с польскими культурными влияниями в Беларуси и не вполне рассчитывая на успех русификаторской политики, стал (хотя и неактивно) поддерживать проект белорусского национально-культурного возрождения, перехватив инициативу у его авторов – поляков⁷⁶. В ходе этого возрождения активизировался, помимо прочего, процесс создания в восприятии белорусов образа поляков. В том, чтобы этот образ имел негативный характер, были заинтересованы российские власти. Поэтому неудивительно, что начинается активное «содействие» русских учёных, писателей и поэтов, публицистов и пр. формированию у белорусов негативного отношения к полякам через разъяснение причин и характера польского присутствия в Беларуси⁷⁷. Большой вклад в развитие этого образа внесли взятые царизмом на службу уроженцы белорусских земель – Ф. В. Булгарин⁷⁸ и О. А. Пржецлавский⁷⁹. Это вынуждает использовать в качестве источ-

⁷⁵ Кротов, А. М. Реакция белорусского обывателя на польское национально-освободительное движение на белорусских землях в XIX веке / А. М. Кротов // Беларусь у XIX–XXI стагоддзях : праблемы этнакультурнага і нацыянальна-дзяржаўнага развіцця : зб. навук. арт. / ГДУ імя Ф. Скарыны. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2013. – С. 17–26.

⁷⁶ Кротов, А. М. Особенности развития этнонационального самосознания белорусов в конце XIX – 20-х годах XX в. / А. М. Кротов // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2018. – №4 (109). – С. 42–47.

⁷⁷ Кротов, А. М. Методы историко-имагологического исследования (на примере белорусского стереотипа поляка)... – С. 42.

⁷⁸ Кротов, А. М. Поляки в глазах Фаддея Булгарина / А. М. Кротов // Беларусь і суседзі : шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны : Зборнік навуковых артыкулаў. – Вып. 2. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2013. – С. 33–39.

⁷⁹ Кротов, А. М. О. А. Пржецлавский о поляках : ментальные корни публицистического образа и его идеологический контекст / А. М. Кротов // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сборник научных статей : в 2 ч. / под ред. В. Ф. Беркова. – Вып. 14. – Ч. 1. – Минск : РИВШ, 2014. – С. 155–160.

ников художественно-литературные произведения, в том числе и беллетристику. Изучение такого рода источников, выявление в них материала, пригодного для реконструкции образа поляков, и использование его в этом процессе невозможно без применения лингвистических методов.

Поскольку любой этнонациональный образ, в том числе и образ поляков, сформировавшийся в восприятии белорусов в период Нового времени, являет собой, по сути, систему символов и знаков, существующих и действующих как коды для опознавания «своих» и «чужих», нельзя обойтись в его реконструкции без достижений такой науки, как семиотика (от др.-греч. σημεῖον – знак; признак; семиотика – область исследований, изучающая знаки и знаковые системы, которые хранят и передают информацию, некоторые культурные явления (ритуалы и мифы), слуховое и зрительное восприятие человека). Всё, что люди сообщают друг другу намеренно или произвольно – это информация. Она всегда имеет знаковую природу и передаётся с помощью знаков, имеющих вербальный и невербальный характер. Именно по наличию таких знаков (маркеров) вёлся отбор необходимого для реконструкции образа поляка источникового материала.

Использование в рамках исследования образа поляков, сформировавшегося в восприятии белорусов в период Нового времени, помимо прочих видов источников, памятников изобразительного искусства, вызвало необходимость обращения к опыту изучения визуального образа «другого» («чужого»), в том числе и с целью освоения новых технологий исследования, его приёмов и методов.

Хотя метод искусствоведческого анализа не является для исторической науки абсолютно новым (он даже нашёл себе место в арсенале нетрадиционных исторических методов), следует отметить, что в мировой историографии на рубеже XX–XXI вв. произошёл т. наз. «визуальный поворот»⁸⁰, актуализировавший изучение визуального образа «другого». Как утверждает российский историк О. С. Поршнева, «одним из базовых проблемных контекстов этого направления является анализ визуального аспекта пропаганды, базирующийся на изучении пропагандистских плакатов, открыток, листовок, карикатур»⁸¹.

В работах российских исследователей достигнуты важные результаты в исследовании механизмов формирования, репрезентации и восприятия визуальных образов стран и народов, формируемых в российских изданиях конца XIX – начала XX в., в условиях увеличения

⁸⁰ Мазур, Л. Н. Указ. соч.

⁸¹ Поршнева, О. С. Указ. соч.

роли средств массовой информации, обострения международных отношений. В рамках нашего исследования также пришлось обратиться к проблеме влияния образа поляков, созданного в российской карикатуре XIX – начала XX в., на генезис образа поляков в восприятии белорусов в данный период⁸².

Большую помощь в её решении оказали совместные публикации польского политолога и историка философии Анджея де Лазари (в 2001–2004 гг. он возглавлял исследование о «Взаимных предубеждениях поляков и русских» в Польском институте международных дел в Варшаве) и российского философа Олега Вячеславовича Рябова⁸³.

Ряд исследователей, работающих в рамках концепции визуального поворота, основывают свои работы на реконструкции «истории образов» и понятии репрезентации. К их числу относятся, прежде всего, известный англо-американский искусствовед Норман Брайсон, статья которого «Семиотика и история искусства», написанная им в соавторстве с нидерландским литературоведом, историком искусства и культуры Мике Балем в 1991 г., была включена в Оксфордскую антологию искусствознания⁸⁴; американский историк искусства Майкл Энн Холли, известная своими работами по историографии и теории истории искусства, («Взгляд прошлого: исторический образ и риторика изображения»)⁸⁵; Кит Мокси – известный американский специалист в сфере понимания отношений образа и изображения, репрезентативного и презентативного, семиотического и несемиотического в исследованиях культур⁸⁶.

⁸² Кротов, А. М. Образ поляка в российской карикатуре XIX – начала XX в. как фактор развития белорусского стереотипа поляка / А. М. Кротов // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2017. – № 4 (103). – С. 34–40.

⁸³ Лазари, А. де. Русские и поляки глазами друг друга : Сатирическая графика / А. де Лазари, О. В. Рябов. – Иваново : Ивановский государственный университет, 2007. – 170 с. : ил. ; Лазари, А. де. «Русский медведь» в польской сатирической графике межвоенного периода (1919–1939) [Электронный ресурс] / А. де Лазари, О. В. Рябов // Границы : Альманах Центра этнических и национальных исследований ИвГУ. Вып. 2 : Визуализация нации. – Иваново : Ивановский государственный университет, 2008. – Режим доступа : <http://cens.ivanovo.ac.ru/almanach/lazari-riabov-2008.htm>. – Дата доступа : 13.04.2023.

⁸⁴ Bal, M. Semiotics and Art History / M. Bal, N. Bryson // The Art Bulletin. – 1991. – Vol. 73. – №2. – P. 174–208.

⁸⁵ Holly, M. A. Past Looking: Historical Imagination and the Rhetoric of the Image | M. A. Holly. – New York : Cornell University Press, 2018. – 256 p.

⁸⁶ Круткин, В. Л. Кит Мокси : о визуальных исследованиях и иконическом повороте / В. Л. Круткин // Вестник Удмуртского университета. – 2011. – Вып. 2. – С. 30–36.

В 1980-х годах к изучению визуальных источников стали проявлять интерес и историки. В этот период историческая наука начала менять свой курс от макроистории к истории повседневности и визуальные источники как раз оказались одними из немногих источников, в которых отражались аспекты социальной действительности прошлого, которые не оставили свой след в других видах источников.

При работе с визуальными источниками важнейшим элементом стало понятие образа. Образ, лежащий в основе визуального документа, историк должен деконструировать и интерпретировать в образной же форме, соблюдая правила исторической репрезентации (репрезентация – действие, в результате которого взгляду или уму кого-либо предстаёт нечто, придание чувственной воспринимаемости отсутствующему предмету или концепту посредством изображения, фигуры, знака и так далее – А. К.).

На основе оценки образа, заложенного в источник, производится реконструкция исторической реальности. Разумеется, в ходе такой реконструкции обязательна верификация визуального источника с другими источниками информации.

Теоретические наработки исследователей, в частности – российских, оказались востребованными в изучении того этапа формирования в восприятии белорусов образа поляков, который приходится на конец XIX – начало XX в. Прежде всего это касается результатов научных исследований российского историка Елены Анатольевны Вишленковой. Её монография «Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому»⁸⁷ являет собой впечатляющий результат применения новых исследовательских практик и технологий в гуманитарном знании. Анализируя гравюры, лубки, карикатуры, этнографические портреты и пр., Вишленкова утверждает, что художники XVIII – начала XIX в., создавая графические образы народов России, показывали действительность не реальную, а желательную. Она приходит к выводу, что в интересующем её ракурсе изобразительное искусство оказывается своеобразным средством социального дизайна, а создаваемые художниками визуальные образы являлись неким способом программирования восприятия реальности. При этом зачастую творчество художников корректировали разного рода «критики» и заинтересованные лица⁸⁸. Е. А. Вишленкова пишет по этому

⁸⁷ Вишленкова, Е. А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому» / Е. А. Вишленкова. – М. : Новое литературное обозрение, 2011. – 384 с.

⁸⁸ Там же. – С. 292–299.

поводу: «Комментарии авторов и издателей (описание изображения, помещение его в зависимость от всего контекста издания, участие лингвистических элементов в художественной композиции) создало полифонию смыслов и поставило художественный образ в зависимость от слова. В результате индивидуальное творчество сменилось коллективным характером сотворения народов для империи (в этом приняли участие люди власти, художники, гравёры, учёные, издатели, продавцы и покупатели картинок)»⁸⁹. Это не лишний раз подтверждает, что любой образ – и художественный, и литературный – был не просто описанием кого-то, чистым нарративом. На каком-то этапе в естественный процесс его формирования начиналось внешнее вмешательство, целью которого было придание этому образу «нужной» направленности. Практически всегда это происходило в ситуациях международных и межгосударственных конфликтов, когда их участникам в идеологических и пропагандистских целях, для мобилизации общественного мнения был необходим образ врага. Для того, чтобы трансформировать негативный гетерообраз в образ врага, не нужно было применять каких-то чрезвычайных, сверхъестественных усилий.

Таким образом, набор технологий, методов исследования, применяемых для изучения образа поляков, сформировавшегося в восприятии белорусов в XVI – начале XX, довольно разнообразен. Представляется, что он является вполне достаточным для решения поставленных научно-исследовательских задач. Необходимым же условием работы по изучению данного образа и его научной реконструкции является необходимость, образно говоря, «влезть в шкуру» людей, менталитет которых изучается, взгляд на предмет исследовательского интереса их глазами, под углом зрения исторической эпохи, в которой они жили. Что же касается научной объективности, разумеется, стремление к ней ставится во главу угла. Однако при этом не следует забывать, что речь идёт об авторской реконструкции собирательного образа польского народа в чужом, отнюдь не комплиментарном восприятии, равно как и о том, что образ этот является не объективным знанием, а мнением, которое не всегда могло иметь под собой основу.

⁸⁹ Вишленкова, Е. А. Указ. соч. – С. 299.

2 ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ В ВОСПРИЯТИИ БЕЛОРУСОВ ОБРАЗА ПОЛЯКОВ

2.1 Миграции поляков на белорусские земли в Средние века и начале Нового времени

Процесс формирования в восприятии белорусов образа поляков начинается с того момента, когда на белорусские земли устремился поток польской колонизации. Мигранты приходили на земли нынешней Беларуси не «бедными родственниками». Освоение ими новых территорий являлось настоящей экспансией, ибо следствием своим имело территориальное расширение зоны обитания польского народа, влияния польского государства и польской культуры. Эта экспансия наносила ущерб интересам «белых русинов». Не соответствовала она, по большому счёту, и интересам правящих кругов ВКЛ, однако эффективных мер противодействия ей, ввиду крайней заинтересованности в использовании военно-политического потенциала Польши, прежде всего – в борьбе с Москвой, последние применять не стали. В результате этнические поляки, умножившись (и продолжая умножаться) численно, стали соседями «белых русинов», предоставив им возможность знакомства с собой, своим образом жизни, традициями, обычаями, нравами. Закономерным результатом такого соседства стал критический взгляд «белых русинов» на поляков и предвзятая их оценка в общественном мнении последних, что создавало базу для формирования образа «чужого»⁹⁰.

Как известно, польская колонизация Беларуси протекала стихийно. Отдельные её факты не регистрируются письменными источниками. Традиция устного народного творчества белорусов тоже никакой информации нам не даёт. Отправной точкой в миграциях славян с территории Польши в исторически более-менее обозримый период условно можно считать утверждение «Повести временных лет», что радимичи, осевшие в Посожье, пришли из ляшских, т. е. польских земель⁹¹. Радимичи заселяли территории, включающие ныне восток Гомельской и Могилевской областей Беларуси, а также западные районы Брянской и Смоленской областей России. Важно отметить, что

⁹⁰ Krotau, A. Geneza białoruskiego stereotypu Polski i polaków... – S. 57–58.

⁹¹ Повесть временных лет / Пер. с древнерусского Д. С. Лихачёва, О. В. Творогова. Коммент. А. Г. Боброва, С. Л. Николаева, А. Ю. Чернова и др. – СПб. : Вита Нова, 2012. – С. 14.

летопись говорит не только о том, откуда пришли радимичи, но и об их родстве с поляками (ляхами): «Радимичи же и вятичи – от рода ляхов. Были ведь два брата у ляхов – Радим, а другой – Вятко; и пришли и сели: Радим на Соже, и от него прозвались радимичи, а Вятко сел с родом своим по Оке, от него получили свое название вятичи»⁹².

И хотя прямых научных подтверждений миграции радимичей с территории Польши, которые устраивали бы всех, пока не найдено, в реконструкции образа поляков это не важно. Поскольку, как уже было сказано, любой образ или стереотип в восприятии – это мнение или суждение, «взятое с потолка», в доказательствах он не нуждается. Именно такое мнение о происхождении радимичей и высказывается в «Повести временных лет». Видимо, какие-то основания для этого в генеалогической традиции восточнославянских племён в древнерусский период всё же были. Кроме того, нельзя не отметить, что летопись весьма уничижительно характеризовала радимичей, создав негативный стереотип, который сохранялся и в период Нового времени⁹³.

Оказавшись в новой для себя этнокультурной среде, немногочисленные радимичи смешались с местным балтским населением, явившись одной из групп, ставших впоследствии основой для формирования белорусского этноса. Но путь, по которому они пришли, будет открыт для новых волн миграции с территории Польши и в последующие века.

Хотя процесс интенсивного переселения поляков на восток стал возможным только после создания благоприятных для этого политических условий, в первую очередь союзного с Великим княжеством Литовским государства – Речи Посполитой, было бы ошибкой считать, что до этого поляков на белорусских землях не было. Об их присутствии здесь уже в XI–XII вв. свидетельствуют данные топонимики. В указанный период, как считает известный белорусский лингвист и краевед А. Ф. Рогалев, складывались основы для возникновения многочисленных географических названий Беларуси от этнических наименований мазуры и ляхи. В частности, согласно наиболее обоснованному на сегодняшний день объяснению названия г. Мозырь на Припятском Полесье, его истоки восходят к

⁹² Повесть временных лет / Пер. с древнерусского Д. С. Лихачёва, О. В. Творогова. Комментар. А. Г. Боброва, С. Л. Николаева, А. Ю. Чернова и др. – С. 14.

⁹³ Жих, М. Радимичи (локализация, происхождение, социально-политическая история) [Электронный ресурс] / М. Жих. – Режим доступа : <https://zapadrus.su/slavm/ispubsm/1792-radimichi-lokalizatsiya-proiskhozhdenie-sotsialno-politicheskaya-istoriya.html>. – Дата доступа : 13.04.2023.

названию племени мазуров. Одна только этнонимическая основа лях-, по подсчётам А. Ф. Рогалева, выявляется в 20 географических наименованиях, которые встречаются по всей территории страны и служат для названия 73 населённых пунктов⁹⁴. Очевидно, что эти географические названия могли возникнуть только при наличии больших или меньших групп польского населения или, в крайнем случае, отдельных переселенцев, сыгравших какую-то значимую роль в судьбе поселений, что отразилось в их названии.

Каким же образом этнические поляки появлялись на землях, ставшими в последствии белорусскими? Польский историк, публицист и политик (в 1918–1919 гг. был министром иностранных дел Польши – А. К.) Леон Василевский, основываясь на сведениях польских хроник, повествующих об очень значительном числе пленников-поляков, которых почти ежегодно захватывали прусы, ятвяги и литовцы, сделал заключение о том, что приток польского населения на земли Великого княжества Литовского имел место с древнейших времён⁹⁵.

Приводили польских пленников в свои владения и русские князья. «Повесть временных лет» рассказывает, например, что в середине XI в., киевский князь Ярослав Мудрый по просьбе польского короля Казимира усмирять восстания населения Мазовии⁹⁶. И хотя об этом прямо не говорится, можно не сомневаться, что Ярослав привёл из Мазовии на Русь «полон» и поселил его, как это обычно делалось, на приграничных к киевскому княжеству землях, т. е. в Припятском Полесье или к югу от него. Потребность в «полоне», который обычно приводился каждым князем из похода в другие земли, объяснялась развитием княжеского, боярского и церковного землевладения, а также тем, что спрос на рабочие руки в те времена не мог быть удовлетворён наёмным трудом⁹⁷.

О выводимых из Польши «полонах» мы читаем и в белорусско-литовских источниках. Правда, сведения эти относятся уже к XIII–XV вв., когда Беларусь стала частью Великого княжества Литовского. Так, в «Повести о князьях Миндовге, Войшалке и Тройдене» рассказывается об одном из литовских набегов на Польшу: «Пошли литовцы от

⁹⁴ Рогалеў, А. Ф. Сцежкі ў даўніну : геаграфічныя назвы Беларускага Палесся / А. Ф. Рогалеў. – Мінск : Палымя, 1992. – С. 34.

⁹⁵ Wasilewski, L. Op. cit. – S. 48.

⁹⁶ Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1372 г. : в 2 ч. Ч.1. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – С. 103–104.

⁹⁷ Krotau, A. Geneza białoruskiego stereotypu Polski i polaków... – S. 59.

Миндовга воевать против ляхов <...> Литовцы разрушили город Ездов накануне Иванова дня, на самое Купалье. Там убили и князя Семовита, а сына его Кондрата пленили, и много пленных взяли, и так вернулись домой»⁹⁸.

О вторжении в Польшу литвинов в 1268 г. сообщает Ипатьевская летопись⁹⁹. Однако без особых подробностей. Более содержательным является сообщение об этом вторжении брата-священника Тевтонского ордена Пётра из Дусбурга в написанной им в 1326 г. «Хронике земли Прусской»: «Сильное войско литвинов вторглось в Польшу и, опустошив огнём и мечом пограничье Брестское, Ленчицкое и Добжиньское, произвело такое побоище христиан, убивая и захватывая в плен, что никто не мог точно установить количества их»¹⁰⁰. Вскоре после этого, пишет Пётр далее, 800 всадников из Литвы разрушили в той части Польши, которая называется Керсов, 10 деревень и, убив многих христиан, ушли с большой добычей¹⁰¹.

«Хроника Быховца» также затрагивает тему литовских набегов на Польшу: «И когда он (князь Тройдень (1269–1282 гг.) – А. К.) был на том княжении (в Райгороде – А. К.), то великие войны вёл с ляхами, с русью и с мазовшанами, и всегда побеждал, и над землями их большие издевательства чинил, <...> и хуже был для тех земель, более лют, чем Антиох сирийский, Ирод иерусалимский и Нерон римский, таким он был жестоким и воинственным»¹⁰².

В 1292 г. князь Витень опустошил Ленчицкую землю, а в 1306–1307 гг. – Калишскую и Серадзкую, лежавшие в глубине Польши. В 1324 и 1326 годах, т. е. в княжение Гедимина, гродненский староста Давид во главе многочисленных литовско-русских войск совершил походы в Мазовию и Бранденбург¹⁰³.

Пётр из Дусбурга сообщал об учинённом Давидом Городенским в Мазовии разорении: «Давид, <...> кастелян Гарты (Гродно), с

⁹⁸ Аповесць пра князеў Міндоўга, Войшалка і Тройдэня // Беларускія летапісы і хронікі. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 1997. – С. 41.

⁹⁹ Полное собрание русских летописей. – Т. 2 : III. Ипатьевская летопись. – СПб. : Типография Э. Праца, 1843. – С. 203.

¹⁰⁰ Пётр из Дусбурга. Хроника земли Прусской / Пётр из Дусбурга. – М. : Ладомир, 1997. – С. 129.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Хроніка Быхаўца // Беларускія летапісы і хронікі. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 1997. – С. 86.

¹⁰³ Антонович, В. Б. Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия / В. Б. Антонович. – Киев : Киевский университет, 1878. – Вып. 1. – С. 43, 47.

сильным войском вошёл в землю Мазовии в XI календы декабря (21 декабря 1324 г.), и город епископа плоцкого, называемый Полт (Плоцк) и 130 деревень упомянутого епископа и князя Мазовии, и многие поместья слугителей церкви и знати, и 30 приходских церквей и часовен с многими молельнями <...> разгромили огнём и мечом. <...> Священников, монастырских и приходских, и прочих людей обоего пола уничтожили они свыше 4 тысяч, одних убивая, других уводя в вечный плен»¹⁰⁴.

Вряд ли можно сомневаться в том, что и все другие походы одним из своих результатов имели привод в Чёрную Русь (разумеется, если такая возможность представлялась) пленённых мазовшан. О большом числе поляков, угоняемых в литовские владения, говорит хотя бы тот факт, что Гедимин (1316–1341 гг.) в 1325 г., выдавая замуж за польского королевича Казимира (будущего короля Казимира III) свою дочь Альдону (в крещении – Анну), отослал в Польшу 24000 пленников, захваченных там ранее¹⁰⁵. Видимо, это были люди, ещё не адаптировавшиеся в литовско-белорусских землях и мечтавшие о возвращении на родину.

Захваты польских пленных продолжались и во время княжения Ягайло (великий князь литовский в 1377–1381 гг. и 1382–1392 гг., король польский в 1396–1434 гг. под именем Владислав II Ягелло). «Хроника Быховца» сообщает: «Сидя на всём Великом княжении Литовском, Ягайло начал войну с Мазовией и с Ляхами из-за того, что взял было князь мазовецкий с ляшскою помощью Дрогичин и Мельник. И многократно ходил он в землю Ляшскую, и вред большой чинил в земле Ляшской и Мазовецкой, и много кровопролития христианам римской веры, начав от границы литовской – вплоть до реки Вислы <...> Предав огню Завихвост, пошёл Ягайло под Апатов и сжёг его, да много других городов и сёл сжёг, вплоть до самой Вислицы, и пань с паненками в плен увёл. Князь Ягайло землю Ляшскую разорил и добра много забрал – и золота, и серебра, и камней дорогих – и, неописуемого богатства набрав, в целости пришёл к столице своей – к Вильно»¹⁰⁶.

Насильственный угон поляков и их осаждение на литовских землях имели место и после налаживания союзных отношений между

¹⁰⁴ Пётр из Дусбурга. Указ. соч. – С. 184.

¹⁰⁵ Kraszewski, J. I. Litwa. Starożytne dzieje, ustawy, język, przysłowia, podania i t. d. : w 2 t. T.1. Historia do XIII wieku / J. I. Kraszewski. – Warszawa : Drukarnia Stanisława Strąbskiego, 1850. – S. 207.

¹⁰⁶ Хроника Быхаўца. – С. 104.

Польским королевством и ВКЛ. Так, прибыв в Польшу для совместной борьбы с крестоносцами, литовцы захватили в неволю часть польского населения, проживавшего на реке Вкре (или Дзялдувка – река в северо-восточной Польше, правый приток Нарева – А. К.)¹⁰⁷.

Таким образом, к началу XV в. на территории белорусско-польского пограничья – Подляшья и Чёрной Руси (верхнее Понёманье) – помимо местного этнического субстрата, впоследствии ставшего исходным материалом для образования белорусского этноса, проживало уже и немалое число поляков. Поскольку исторические источники не сообщают ничего, что говорило бы о межэтнических конфликтах, можно полагать, что здесь местное население и польские мигранты сосуществовали мирно. Возникли благоприятные условия для взаимного изучения с вытекающими из него выводами, умозаключениями, характеристиками, которые откладывались на обыденном уровне массового сознания как местных жителей – «русинов», так и поляков. Начинается процесс стереотипизации и образотворчества – соседи конструировали образы друг друга, складывая их из каких-то важных для себя черт и характеристик, имевших особое значение в качестве отличительных.

Говоря о жизни представителей низов социума в зоне этнического смешения, вряд ли следует сомневаться в том, что и те, и другие находились в одинаковых условиях существования. Данное обстоятельство само по себе устраняло возможные причины конфликтов и вражды на этнической почве, а родство языков, обычаев, традиций и, конечно же, славянского менталитета, доводило до логического конца процесс взаимного сближения. Видимо, не будет ошибкой полагать, что процесс стереотипизации и образотворчества, во всяком случае – в «русинской» среде, в этот период не зашёл далеко, ибо не было факторов, способных вызвать этническую вражду и канализировать на иноплеменников возникшую в ходе сосуществования неприязнь и агрессию. Всем жилось очень тяжело. Вражда князей и войны между ними были нескончаемыми. И древнерусские летописи, и белорусско-литовские, и польские хроники говорят об одном и том же – в ходе военных действий происходили убийства, грабежи мирного населения, массовый увод его на чужие земли победителями, будь то русские, литовцы или поляки. Общее несчастье тоже во многом объединяло простолюдинов, препятствуя формированию образов «чужого». «Чужими», а точнее «другими», были представители элит. А это значит, что сословные

¹⁰⁷ Wasilewski, L. Op. cit. – S. 48.

стереотипы и образы в тот исторический период имели большую актуальность и важность для людей, нежели этнические.

Однако в скором времени ситуация стала меняться. По мере укрепления польско-литовского союза и полонизации государственно-политической модели Великого княжества Литовского колонизационное движение поляков на восток, т. е. на белорусские земли, значительно усилилось. Прежде всего, это были названные выше пограничные территории и главные административно-культурные центры, которые также находились в пограничье¹⁰⁸. Польских осадников поставляла Мазовия и та часть Подляшья, которая после истребления ятвягов была колонизована мазовшанами. Главным образом это была бедная шляхта, которой, по причине её многочисленности, не было места на родине и которая в поисках земли и холмов «покрыла землю как саранча»¹⁰⁹.

Нельзя не отметить, что длительное время, вплоть до XVII в., Мазовия (особенно её северо-восток) и Подляшье, заселённые мелкопоместной шляхтой, были изолированы от культурных центров Польши, что способствовало появлению негативного восприятия мазовшан (мазуров) представителями других польских земель. В нём мазур выступал как бедный, необразованный, упрямый и заносчивый сутяжник¹¹⁰.

Процесс колонизации был стихийным, потому мы не можем ныне, ссылаясь на надёжный источниковый материал, оперировать точными данными. Польский историк конца XIX – начала XX в. Владислав Смоленский, говоря об анонимности участников колонизационного процесса, писал: «Невозможно сориентироваться в толпах «панов» мазовецких: при удалённости и незначительности их знать оных не можем и ничего не можем о них сообщить»¹¹¹. На пути колонизационного потока лежало Подляшье, и именно оно стало первой добычей гонимых нуждой мазовшан.

Великие князья литовские поощряли мазовецкую колонизацию, своими привилегиями наделяя переселенцев прерогативами коронной шляхты¹¹². Это не могло не вызвать недовольства православной магнатории и стремления к противодействию. Для предотвращения массового наплыва безземельной мазовецкой шляхты в земли Великого княжества Литовского была создана законодательная база –

¹⁰⁸ Wasilewski, L. Op. cit. – S. 49.

¹⁰⁹ Smoleński, W. Op. cit. – S. 47.

¹¹⁰ Мазуры // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://bigenc.ru/ethnology/text/216374>. – Дата доступа : 22.02.2021.

¹¹¹ Smoleński, W. Op. cit. – S. 47.

¹¹² Ibid. – S. 122.

статья 3 третьего раздела Статута ВКЛ гласила: «Тэж шлюбуюем и обещуем, иж в землях наших того Великого князьства земля и городов, и мест, и которых-колве дедицств, и держаня, и тэж которых-колве вравов наших або честей и достоинства жадному обчому, але толко приржоным а тубыльцом тых земля наших Великого князьства и вышней мененого не будемъ давати, и потомки наши не будутъ давати в держане и в поживане»¹¹³.

Впрочем, запрет иностранцам, которые не являлись уроженцами ВКЛ, занимать в нём государственные посты и приобретать здесь недвижимость, введённый в статут ВКЛ 1529 г. по инициативе Ольбрехта Гаштольда, судя по всему, касался прежде всего активных носителей и популяризаторов польскости – католических монахов, которые не знали белорусского или литовского языка и своим поведением возбуждали в местном населении вражду к польскости и католицизму¹¹⁴. Но данный запрет вряд ли мог стать действенным фактором сдерживания польского колониационного движения на восток. Подляшские, мазовецкого происхождения шляхтичи, формально являвшиеся гражданами ВКЛ, могли беспрепятственно осваивать белорусские земли. Литовская Метрика фиксирует факты, красноречиво свидетельствующее о присутствии таких шляхтичей на чернорусских землях, в частности – в Новогрудке и Волковыске в I-й половине XVI в.¹¹⁵. Сигизмунд I Старый жаловал белорусские города польским мигрантам и их потомкам ещё до принятия Статута ВКЛ 1529 г. и дело иногда доходило до курьёзного... Так, например, своим привилеем от 6 апреля 1519 г. он пожаловал пану Венцлаву Станиславовичу Костевичу замок Кобрин с волостями, чем вызвал негодование королевы Боны. Как выяснилось, за несколько лет до этого Сигизмунд I уже подарил ей это имение¹¹⁶.

Идущая в авангарде польской колонизации мазовецкая шляхта имела ряд льгот. Скажем, оседавшие на Подляшье шляхтичи-мазуры обязаны были нести военную службу соответственно имеющимся земельным владениям. С десяти влок (1 влока = 30 моргам = 17,955 га)

¹¹³ Статут Великого княжества Литовского 1529 года / под ред. акад. АН Лит. ССР К. И. Яблонскиса. – Минск : Изд-во АН БССР, 1960. – С. 48.

¹¹⁴ Krotau, A. Geneza białoruskiego stereotypu Polski i polaków... – S. 61–62.

¹¹⁵ Lietuvos Metrika. – Knyga Nr. 225 (1528–1547). 6-oji Teismų bylų knyga : (XIV a. pabaigos kopija) – D. 304 / parengė S. Lazutka, I. Valikonytė ir kt. – Vilnius : Vilniaus universiteto leidykla, 1995. – P. 216–217 ; Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 11 (1518–1523) / parengė A. Dubonis. – Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1997. – P. 66–67.

¹¹⁶ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 11 (1518–1523)... – P. 82-83, 145.

они должны были выставлять одного всадника.

Следует отметить, что это было отступлением от статьи 1 второго раздела Статута ВКЛ, обязывавшего даже бедных шляхтичей, не имевших во дворе ни единого человека, отбывать военную службу¹¹⁷.

Однако и при таких льготах с задачей выполнения своих воинских обязанностей подляшская шляхта едва справлялась. В 1561 г. гетман Ходкевич был вынужден распустить собранное ополчение бельской шляхты по причине её «недостатков и бедности»¹¹⁸.

Ситуация не изменилась и в следующем веке. Так, например, французский военный инженер и картограф Гийом Левассер де Боплан, с начала 1630-х до 1648 г. находившийся на польско-литовской службе, писал по этому поводу: «Вообще польское дворянство довольно богато, <...> но в Мазовии, где дворяне чрезвычайно многочисленны и составляют не менее $\frac{1}{6}$ части всего обитающего там населения, они значительно беднее, отчего и происходит, что большинство их занимается земледелием и не считает для себя унижительным ходить за плугом или служить в свите крупного магната, занятие во всяком случае более почётное, чем служить в кучерах, к чему бывают вынуждены менее способные из них»¹¹⁹. Можно не сомневаться в том, что подляшская шляхта была не богаче шляхты мазовецкой, с которой она была генетически связана. В силу этого генеалогического родства она вряд ли отличалась от последней и в образе мировосприятия, и в способе социального поведения.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют о том, что в период Средних веков и в начале Нового времени на ныне белорусские земли прибыло немалое количество мигрантов из Польши, которые инклюдировались в местную славяно-балтскую среду, усиливая славянскую её составляющую. Первыми переселенцами «чуждой крови» древнерусская летописная традиция называет радимичей, прямо указывая на то, что они «из рода ляхов». Регулярный приток польских пленников поступал также на белорусские земли в результате многочисленных походов русичей, а позже – литовско-русских отрядов в Мазовию и через неё. Кроме того, польский этнический элемент принял активное участие в колонизации

¹¹⁷ Статут Великого княжества Литовского 1529 года. – С. 42–43.

¹¹⁸ Baranowski, I. T. Podlasie w przededniu Unii Lubelskiej / I. T. Baranowski // Przegląd Historyczny, 1908. – Т. VII. – З. 1. – С. 53.

¹¹⁹ Боплан, Г. Л. де. Описание Украины от пределов Московии до границ Трансильвании / Г. Л. де Боплан // Страна казаков. К 350-летию Переяславской рады. – Киев : Радуга, 2004. – С. 57.

Подляшья, успешно истребляя, вытесняя и ассимилируя живших здесь ятвягов и подавляя встречный поток галицко-волынской колонизации. Приток польских переселенцев на территорию ВКЛ не прекратился и в последующем, несмотря на попытки властей ему противодействовать. В результате на белорусских землях ВКЛ к середине XVI в. находилось уже немалое количество этнических поляков, в основном мазовецкого происхождения, что создавало предпосылки для формирования в восприятии местного населения совокупного их образа.

2.2 Особенности присутствия поляков на белорусских землях, их образа жизни, социального поведения

К 1569 г. Подляшье, через которое шёл миграционный поток поляков на белорусские земли, уже приобретает откровенный польско-мазовецкий облик. Польская колонизация полностью подавила встречный поток колонизации восточнославянской. Потому не удивительно, что в 1565 г. подляшская шляхта просила короля Сигизмунда Августа о том, чтобы письма, высылаемые к ней из канцелярии короля, были написаны на польском или латинском языке, так как русского языка, на котором их писали, «никто не понимает»¹²⁰. Однако король, видимо под нажимом белорусско-литовских магнатов, отказал.

В 1568 г. дрогичинская шляхта в своей сеймовой петиции просила ввести для королевских писем польский язык. Но и она не нашла сочувственного к себе отношения короля. Тем не менее, уже в следующем, 1569 г., ситуация изменилась. Польский историк Игнацы Барановский писал по этому поводу: «Выехавшие на Люблинский сейм как подданные Литовского государства, вернулись послы земель Бельской, Мельницкой и Дрогичинской гражданами Короны и принесли своим доверителям давно желанную ими весть о присоединении Подляшья к державе Польской. На местах началась присяга шляхты на верность короне. Шляхта, которая уже века как вышла из родной земли и колонизовала Подляшье, которая была столько десятков лет отлучена от державы Польской, вернулась теперь к своей матери, увеличенная многократно как через натуральный прирост населения, так и благодаря притоку русских элементов, которых взволновала своими идеалами и привлекла к

¹²⁰ Proźby szlachty podlaskiej wniesione do króla na sejme 1565 r. w Wilnie i odpowiedź Zygmunta Augusta // Pamiętniki historyczne. – Warszawa : Nakładem i drukiem J. Jaworskiego, 1861. – Т. 1. – S. 60.

польской культуре»¹²¹.

Действительно, к концу второй трети XVI в. большую часть подляшской шляхты составляли люди, которых по крови, вере и духу можно считать поляками. Исчезали так называемые «путные бояре», «отчичи», «служки» – «русины» по происхождению. Всё больше становилось крестьян, имевших польско-мазовецкие корни. Это были наследники свободных крестьян, селившихся на королевских влоках, высоко ценившие свою независимость. Жизненные обстоятельства нередко вынуждали их искать себе новое место для жизни, прежде всего – к востоку от Подляшья. Чаще всего это случалось в результате пожалования королём земли магнатам и шляхте¹²². Однако с 30-х годов XVI в. эмиграция мазовецких крестьян на Подляшье, а стало быть, и далее на восток, стала сокращаться из-за противодействия шляхты, боявшейся вовсе остаться без хлопков. Так что, несмотря на указанные тенденции, весьма значительный процент крестьянской массы составлял элемент «русинский», о чём говорят и статистические данные. Зато среди поляков-колонистов, составлявших значительное меньшинство в новосозданных осадах, было много старшин, войтов, лавников, кузнецов, шинкарей и плотников¹²³.

Таким образом, у оставшегося на Подляшье белорусского населения, крестьянского в своей массе, после польско-мазовецкой колонизации этой земли и последовавшей социальной стратификации теоретически должен был появиться необходимый для народного образотворчества в «русинской» среде иллюстративный материал. По крайней мере, предпосылки для этого были созданы.

Со второй половины XVII в. польский этнический элемент начинает проникать в глубинные районы Беларуси. Об этом свидетельствуют документы архива Радзивиллов. Вот лишь небольшой перечень людей, прибывших из разных областей Польши в имения князей Радзивиллов (княжество Несвижское) по всей видимости во второй половине XVII – начале XVIII в. и переписанных в 1729 г., с указанием прежних мест проживания, а также мест оседания в Беларуси:

1) застянок Сейтовичи – паны Францкевичи (родом из воеводства Брестского), паны Чудеццы (прибыли из воеводства Сандомирского), пан Кшиштоф Менжинский (прибыл из Польши);

2) застянок Плешивичи – Даниэль Заблоцкий (мещанин из Го-

¹²¹ Baranowski, I. T. *Op cit.* – S. 73–74.

¹²² *Ibid.* – S. 317.

¹²³ *Ibid.*

лынки, местечка на Подляшье), Михал Залуский (из земли Рауской), Казимир Земецкий (из земли Бельской);

3) застянок Дубейки – Мартин Дыберовский (из земли Дрогичской), пан Самуэль Яблонский (прибыл из воеводства Краковского);

4) застянок Славков – Казимир Петкевич (боярин из-за реки Нарев);

Ян Ольшимовский (дед его из воеводства Серадского), Мошинцы (из воеводства Сандомирского) и так далее¹²⁴.

Обращает на себя внимание тенденция к обособленному от местного белорусского населения существованию, которую, видимо, было бы неправильно объяснять лишь соображениями экономического целесообразности. При этом небольшое количество людей несомненно польского происхождения проживало в деревнях, и составители реестров их всегда отличали от белорусов¹²⁵. Можно предположить, что и в повседневной жизни также имело место достаточно чёткое разделение сельчан по этнокультурному принципу. Среди шляхты и земян (владельцы земельной собственности или наделов – А. К.) преобладали люди с польскими именами и фамилиями, среди которых нередко встречается фамилия Мазур¹²⁶.

Более тесным, нежели в деревнях, сосуществование поляков (главным образом нешляхетского происхождения) и белорусов было в городах. Однако образотворческие перспективы такового не были использованы. Причиной тому следует считать наличие евреев – объекта этнически и религиозно-культурно чуждого и белорусам, и полякам, социально замкнутого, но экономически активного, т. е. идеального для того, что канализировать на него накапливающийся в обществе негатив. На них и самонаправился процесс народного образотворчества. Причём в формировании образа евреев, как в восприятии «русинов», так и в восприятии поляков прослеживаются одни и те же мотивы, используются одни и те же конструктивные решения и вербальные элементы, что позволяет говорить об

¹²⁴ Konnotacja Ekspedytowanego sejmiku w zamku Nieswiskim wywodu ziemian Księstwa Nieswiskiego w roku 1729, 22.09 // Archiwum Główne Akt Dawnych (AGAD). – Archiwum Radziwiłłów. Dz. XV. Teka 3. Plik 1. b/n.

¹²⁵ Regestr pokonewszczyzny od PP. Ziemian jak Hrabstwa Mirskiego, tak Klucza Swierzanskiego podług przywilejów od J.O. Księżny H. Radziwiłłowej... // AGAD. – Archiwum Radziwiłłów. Dz. XV. Teka 3. Plik 1. b/n.

¹²⁶ Restarz niedobraných czynszów w miescie Mirze w swierzniu, tak ze we włosci od poddanych czynszów <...> jako tez od PP. Ziemian pokoniewszczyzny za rok jeden poczynaicy się od S. Jana Chrzciela w roku 1701 // AGAD. – Archiwum Radziwiłłów. Dz. XV. Teka 3. Plik 1. b/n.

определённой синхронизации в образотворчестве, предполагающей возникновение на ментальном уровне в среде участников этого процесса в отношении общего его объекта – евреев – своеобразного единомыслия. Второй, не менее серьёзной причиной, являются существовавшие сложности в этнокультурной самоидентификации белорусских «русинов». Ситуацию сильно усугубляла также имевшая место полонизация представителей «русинской» шляхты.

Присутствие поляков и польских интересов в Беларуси (и ВКЛ в целом) становилось фактом, с которым нельзя было не считаться. Польские шляхтичи прибывали на Беларусь не «бедными родственниками» или приживалами, а настоящими хозяевами жизни, принося сюда свои социокультурные традиции, принципы бытия, нравы. Даже беглый анализ источников, в которых перечисляются представители «высшего света» белорусских поветов и воеводств, убеждает нас в том, что среди них доминировали носители польских имён и фамилий¹²⁷, которые, скорее всего, в самом деле были поляками. По крайней мере, таким было положение дел в последней трети XVII в.

Явившись на белорусские земли и освоившись на них, польские мигранты потеснили белорусский элемент и в социальном, и в экономическом плане. Они пользовались поддержкой магнатов, которые были не только главными распорядителями земли, но и защитниками, покровителями бедной шляхты, состоящей, в основном, из людей, о шляхетстве которых говорили лишь их собственные, зачастую мнимые родословные¹²⁸. Уровень жизни последних не отличался от уровня жизни местных крестьян. Однако сами они выделялись высокомерием, необузданностью нрава, склонностью к разбою и иному криминалу¹²⁹.

В. Смоленский, представляя в своём исследовании картины социального быта мазовецкой шляхты в воеводстве Подляшском, не скупился на краски: «Привычной ареной драк и убийств были корчма, рынок, сеймик и костёл. Шляхтич мазурский вне дома не расставался

¹²⁷ Volumina Legum : w 10 t. – T. V (Prawa, konstytucye y przywileie Krolestwa Polskiego, Wielkiego Xięstwa Litewskiego y wszystkich prowincyi należących na walnych seymiech koronnych od seymu wiślickiego roku pańskiego 1347 aż do ostatniego seymu). – Petersburg : Nakładem i drukiem J. Ohryzki, 1860.– S. 149–163.

¹²⁸ Krotau, A. Geneza białoruskiego stereotypu Polski i Polaków. – S. 68.

¹²⁹ Processa między szlachta, ziemianami i innemi osobami w sprawach o summy pozyczane od jednych drugim na zastaw gruntów i rozmaitych rzeczy, tudzież o najścia i najazdy, oraz bitwy i kryminały i innych różnorodnych sprawach włączających przed Urząd Zamku Nieswiezkiego, Magdeburgie, sąd Grodzki Ordynacki przez KK Radziwiłłów ustanowiony // AGAD. – Archiwum Radziwiłłów. Dz. XV. Teka 2. Plik 8. b/n.

о суковатой палкой, секирой или ружьём. По малейшему поводу начинал драку. Будучи чувствителен к любому проступку, оскорблениям или клевете, он защищал свою честь, калеча обидчика или убивая его. Врождённую вспыльчивость в нём усиливало пиво, которое он поглощал в большом изобилии. В корчме, подвыпивши, водился и дрался с крестьянами. Тусовался на рынке с горожанами и евреями. Рубил сотоварищей на сеймике. Вспыльчивости своей давал волю даже в костёле. Дома имел тысячу причин для тяжб с соседями: за борозду, за полосу луга, за порчу посевов, пастбища и сады. В постоянных ссорах создал богатый инструментарий проклятий и измышлений, обзавёлся привычкой улаживать дела кулаком или палкой. Он умел мучить поверженного соперника. С утончённой жестокостью он отрезал конечности своей жертве <...> Дети, наученные примером родителей, оскорбляли их, выгоняли из дома и причиняли иные обиды. Суды были завалены жалобами об оскорблениях, побоях, увечьях, травле собаками и т. д.»¹³⁰.

Вряд ли стоит сомневаться в том, что оседавшие на белорусских землях мигранты и в новой этнокультурной среде воспроизводили привычные для себя способы взаимоотношений, формы социального быта, описанные В. Смоленским.

Специфические племенные черты мазуров к XVI веку стали объектом острот поляков из других земель Польши и были «воспеты» в польском фольклоре¹³¹. В. Смоленский отмечал, что в ополчениях и особенно во время выборов королей мазовецкие и подляшские шляхтичи предоставляли возможность шляхте иных воеводств ближе познакомиться с собой, обращая на себя внимание всех окружающих своей бедностью, простачеством, болтливостью, сварливостью, твердолобостью и другими племенными качествами¹³². Несомненно, данные качества колонизирующая белорусские земли мазовецкая шляхта демонстрировала в своей повседневной жизни и «белым русинам», вызывая у них соответствующую морально-этическую оценку и предоставляя богатый и, главное, – живой материал для образотворчества. Психологический эффект на белорусское население, который производили поляки, связанный с формами их социального быта, особенностями социального поведения, их самопозиционирование, многие проявления польского национального характера и менталитета, создавали эмоционально-психологическую

¹³⁰ Smoleński, W. Op. cit. – S. 64–66.

¹³¹ Ibid. – S. 136–147.

¹³² Ibid. – S. 136.

основу для формирования в восприятии белорусов образа поляков.

При этом обращает на себя внимание очевидное присутствие в конструируемом образе элементов, заимствованных из польского стереотипа мазовшан (мазуров). То, что именно их отличительные черты стали распространяться на всех поляков, объясняется численным преобладанием в колонизационном потоке из Польши выходцев из Мазовии. Они-то и стали в глазах белорусов типичными представителями польского народа. Объяснением феномена быстрой адаптации белорусами элементов польского стереотипа мазовшан является не только экстремальный характер поведения мазовецких шляхтичей в любой этносоциальной среде, но и то, что данное поведение неизменно и повсеместно получало негативную оценку. Иными словами, негативно-ироническое отношение белорусов, которое стихийно складывалось в их восприятии к пребывавшей сначала в пограничные земли, т. е. в Подлясье и Чёрную Русь, а потом и в глубинные районы Беларуси мазовецкой шляхте, выражалось в совпадающих по знаку готовых формулировках, в изобилии присутствующих в польском фольклоре и ставших там стереотипными. Их достаточно полно представляет В. Смоленский в 3-й части своего «Очерка истории шляхты мазовецкой», которая называется «Мазуры в свете чужого мнения»¹³³. Поэтому нельзя не согласиться с утверждением известного белорусского литературоведа и критика Олега Лойко, что «знания белоруса о поляке в значительной степени являются знаниями поляка о себе»¹³⁴.

Таким образом, инфильтрация поляков в белорусскую этнокультурную среду привела к формированию предвзятого отношения к ним, ставшего эмоционально-психологической основой для генезиса в восприятии белорусов образа поляков. На начальном этапе в нём тесно переплетались оригинальные черты и элементы польского стереотипа мазовшан (мазуров).

2.3 Воздействие польской шляхетской культуры на «русинское» общество

Общая политическая ситуация в Речи Посполитой и особенно шляхетская идеология способствовали полонизации представителей господствовавшего в ВКЛ сословия. Не касаясь вопроса полонизаторского воздействия и его результатов на литовскую элиту,

¹³³ Smoleński, W. Op. cit. – S. 136–147.

¹³⁴ Łojka, O. A. Op. cit. – S. 104.

приходится констатировать, что на «русинское» боярство это воздействие оказалось чрезвычайно результативным. Солидаризируясь с польской шляхтой, оно решительно и бесповоротно рвало с национальной культурной традицией, частью которой были и образы «чужих». Поэтому нет ничего удивительного в том, что в белорусско-литовских летописях и хрониках, а также в большинстве памятников старобелорусской литературы поляк выступает в образе, близком польскому автостереотипу.

Однако можем ли мы считать образный материал, содержащийся в старобелорусской литературной традиции действительно белорусским? По крайней мере, социальная принадлежность авторов не позволяет ответить на этот вопрос утвердительно. Будучи представителями господствующего класса, они демонстрировали шляхетскую солидарность с польскими «панами-братами» и соответствующие образотворческие усилия.

Для нас не имеет большого значения, делали ли это литераторы-«русины» по собственной инициативе, или исполняли указания владетельных вельмож, материализуя их историографические и художественно-литературные пожелания. Боярство ВКЛ, в конце концов, имело моральные обязательства перед польской шляхтой и её государством, и должно было оправдывать выданный ему «кредит доверия», ибо только так, а не иначе, следует расценивать акт уравнивания в правах шляхты Польши и боярства ВКЛ в результате Городельской унии 1413 г. И хотя православное боярство ВКЛ, в отличие от шляхтичей-католиков, было уравнено в правах с польской шляхтой только позднее, по привилеям короля Польши Владислава Ягайло 15 октября 1432 г. и великого князя Сигизмунда Кейстутовича 6 мая 1434 г., господствующий класс Польши действительно пошёл на беспрецедентную уступку. Произошедший де-факто акт братания трудно переоценить, особенно если помнить о том, что польское шляхетство давалось только тем иностранцам, которые имели выдающиеся заслуги перед Польским королевством. Каковой же в таком случае должна была быть благодарность?

Прямым свидетельством того, насколько успешно шла полонизация привилегированного слоя «русинского» общества, является так называемая «Речь Мелешки» – анонимная литературная пародия на сеймовую речь, будто бы произнесённую реальным историческим лицом, Иваном Мелешко в 1589 г.

Этот острый политический памфлет, исключительно светский по содержанию, насыщенный образными сравнениями, сочными фразеологизмами, пословицами и поговорками, содержит критику

существовавших в Речи Посполитой общественно-политических порядков. В нём также высмеивались нравы пришедших на белорусские земли иноземцев, в первую очередь – поляков и их последователей из числа полонизированной «русинской» шляхты. Анонимный автор вкладывает в уста Мелешки следующие слова: «Много тутако таких ест, што хоть наш костка, однак собачим мясом обрасла и воняет»¹³⁵. Далее он говорит о том, насколько далеко зашёл процесс внедрения поляков в местную общественно-политическую среду и об очевидных уже последствиях этого: «За их баламутнями нашынец выживитися не может <...> ходим как подьвареные, бо ся их боимо, правда не мовимо, ещѣ з подхлебными языками потакаемо»¹³⁶.

Столь резкие слова анонимного автора свидетельствуют не только о том, что полонизация «русинской» шляхты действительно имела место, но и о сопротивлении этому процессу здоровых сил в господствующем классе ВКЛ. Видимо не будет ошибкой предположить, что этими силами являлись представители древних магнатских родов (Гаштольды, Радзивиллы и др.), которые не только не видели в уравнивании в правах с польской шляхтой средство повышения своего социального статуса, но и считали унижительным для себя тот тип отношений в шляхетской среде, который белорусы впоследствии называли «панибратством», всегда употребляя это определение в ироническом смысле. Трудно сказать, в какой степени в XV–XVII вв. представители белорусско-литовской магнатории усвоили польскую шляхетскую философию, в том числе и являющиеся её частью социальные стереотипы и поведенческие шаблоны, но очевидно, что соблюдение некоторых норм шляхетского этикета не приносило удовлетворения и даже претило. К примеру, вынуждаемый этим этикетом к поцелую с каким-либо бедным, но заносчивым шляхтичем аристократ делал это, но потом, не в силах совладать с собой, с омерзением сплёвывал через плечо.

Инкорпорируя боярство «белых русинов» (позднее – белорусскую шляхту) в свою среду и постепенно ассимилируя его, господствующее в Польше сословие лишало «русинов» того социального слоя, на котором, помимо всего прочего, лежала ответственность за сохранение и развитие белорусской культуры, за преумножение её достояния. Того слоя, который в иных исторических обстоятельствах мог бы возглавить процесс

¹³⁵ Прамова Мялешкі // Анталогія даўняй беларускай літратуры: XI – першая палова XVIII стагоддзя / НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы ; Падрыхт. А. І. Богдан [і інш.]. Навук. рэд. В. А. Чамярыцкі. – Мінск : Беларуская навука, 2003. – С. 675.

¹³⁶ Там же. – С. 675–676.

национально-культурного возрождения. Нельзя не отметить, что вслед за представителями благородного сословия в процесс полонизации были вовлечены все те, кто пытался подняться по служебной лестнице, преуспеть в жизни. Обогащая своими усилиями и без того более развитую и в этом смысле слова более высокую польскую культуру, они оторвались от культуры своих отцов и дедов – «культуры русской» – которая превратилась в культуру социальных низов.

В существовавшем в Речи Посполитой социальном разделении шляхтичи считали себя потомками древних сарматов, которым приписывались идеальные качества. Мировоззрение и образ жизни шляхты определялись идеологией сарматизма, полностью оторвавшей её от простонародья – хлопков. Последние же рассматривались шляхтой как потомки скифов, покорённых сарматами. Они были бесправным быдлом, несшим бремя обязанностей и обречённым на рабство¹³⁷.

Инкорпорация белорусской знати в состав шляхты и её ассимиляция во многом облегчалась заложенным в мифологии сарматизма тезисом, что потомки сарматов жили не только в исконно польских землях (Европейской Сарматии), но и в так называемой «Азиатской Сарматии», частью которой являлась Московия¹³⁸. Не лишним будет отметить, что лозунг объединения двух Сарматий стал чуть ли не основным в идеологическом обосновании польско-литовской интервенции в Россию в 1609–1618 гг.

Таким образом, белорусская народность, не успев толком оформиться как самостоятельная этносоциальная общность, оказалась в крайне невыгодном для себя, дискриминированном положении. Представителями социальных верхов, избравшими путь полонизации, традиционная «русинская» культура, о которой можно уже говорить как о белорусской культуре, стала восприниматься как крестьянская, «хлопская» или «хамская»¹³⁹. Таковой она и оставалась в их восприятии на протяжении долгого времени.

¹³⁷ Мицкевич, Г. «Пекло для холопов, рай для евреев». Расцвет и крах Речи Посполитой [Электронный ресурс] / Г. Мицкевич. – Режим доступа : <https://belhistory.by/2020/10/28/peklo-dlya-holopov-rai-dlya-evreev-rascvet-i-krah-rechi-pospolitoy/>. – Дата доступа : 04.02.2022.

¹³⁸ Меховский, М. Трактат о двух Сарматиях [Электронный ресурс] / М. Меховский. – Режим доступа : <https://www.vostlit.info/Texts/rus15/Mehovskij/frametext1.htm>. – Дата доступа : 05.02.2022.

¹³⁹ Кротов, А. М. Особенности существования и развития белорусского стереотипа поляков в конце XVI – I-й половине XIX в. / А. М. Кротов // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2008. – № 4 (49). – С. 66.

2.4 Формирование эмоционально-психологических основ восприятия белорусами поляков

Полонизация белорусской шляхты, уход её представителей в «лоно культуры польской» следствием своим имели то, что в условиях, когда некому было заниматься культурным просвещением белорусов, формировать их мировосприятие и общественное мнение, укоренять в их массовое сознание социальные образы стереотипы, в том числе и образ главного на тот момент «чужого» – поляков, в прогрессивном развитии белорусской культуры имел место застой. Однако традиционная «русинская» культура сохранялась в массах белорусского крестьянства. Впоследствии именно она подпитывала своими жизненными соками культуру новобелорусскую, создававшуюся в рамках белорусского национально-культурного возрождения в XIX – начале XX в.

Соседство с поляками приносило массу проблем, но оно не было для белорусов невыносимым. Так или иначе можно говорить о мирном сосуществовании, об установлении каких-то отношений и связей, хотя, безусловно, о равноправном партнёрстве не могло быть и речи. В условиях этого сосуществования у белорусов появилась возможность наблюдать за жизнью поляков, принадлежащих к разным социальным группам, изучать их национальный характер, образ жизни, особенности социальных коммуникаций, обычаи и, разумеется, приходиться к неким умозаключениям, напрямую связанным с формированием образа поляков. Это был закономерный процесс, проходивший совершенно естественным образом, без вмешательства каких-либо модераторов.

Общее славянское происхождение, схожесть культур, одинаковые условия жизни (если говорить о низах социума) и необходимость взаимодействия в хозяйственной и бытовой сфере во многом нейтрализовали негативные последствия сосуществования, создавали условия для взаимопонимания и взаимодействия, смягчали предубеждение в отношении поляков, существовавшее у белорусов, препятствуя развитию на его базе образа врага. Тем не менее, в целом данное предубеждение вовсе никуда не исчезло. Его постоянно подпитывали и окрашивали эмоционально всё новые и новые факты противоречий, которые порождало вынужденное соседство. Но в условиях политического и экономического преобладания поляков, высокой их пассионарности и национальной сплочённости, которым белорусам не было чего противопоставить, ни о каком межнациональном конфликте, разумеется, не могло идти и речи.

Ошибкой было бы считать, что польский этнический элемент на белорусских землях сознательно противопоставлял себя местному населению. Осваивая белорусские земли и расширяя тем самым для себя новое жизненное пространство, он его просто не воспринимал как конкурента. Белорусы действительно не были таковым. Отсутствие этнического самосознания превращало их в безмолвствующую, пассивную массу, лишённую не только стремления и возможностей, но и всякого права распоряжаться своей судьбой.

Тем не менее, эта масса, как оказалось, имела большой ассимилирующий потенциал. Если процесс полонизации затронул верхи «русинского» общества, то процесс белорусизации всерьёз затронул польское крестьянство и даже мелкую шляхту. Общее славянское происхождение ликвидировало многие препятствия для культурной диффузии, а взаимодействие на бытовом уровне в повседневной жизни не позволяло развиваться отчуждённости.

Тем не менее, некоторые специфические «племенные» черты поляков, свойства их национального характера, нескрываемые (а зачастую и демонстрируемые намеренно) амбиции вызывали раздражение, что способствовало созданию эмоционально-психологических основ для формирования в восприятии белорусов образа «чужого». Поскольку гетерообразам (как и гетеростереотипам), т. е. образам «чужих», присущ негативный характер, вполне естественно, что образ поляка уже на начальном этапе своего формирования имел негативный характер. Белорусы акцентировали своё внимание на всём непривычном, странном, вызывающем в поведении поляков, ведя предвзятый отбор информации, придавая случайному и единичному универсальный характер.

Стихийно начавшийся в восприятии белорусов процесс формирования образа поляков оставил следы в памятниках их устного народного творчества. Пока ещё не шла речь о каком-то более или менее оформленном образе. Это пока ещё только отдельные черты, детали, из которых впоследствии мог быть сложиться такой образ. Но они действительно имели под собой основания. Кроме того, как уже было сказано, изначально в процессе образотворчества использовались заимствования из польской фольклорной традиции, в результате чего в образ поляков, формировавшийся в восприятии белорусов, инкрустировались элементы польского стереотипа мазовшан.

В частности, бедность и заносчивость выходцев из Мазовии, воспетые в польском фольклоре, в белорусском фольклоре были конвертированы в черты, присущие всем полякам. В качестве примера можно привести песенку, записанную и опубликованную этнографом и фольклористом П. В. Шейном:

«Ехаў ляшак маркавяны
Конік бураковы
На ім шапка з пастарнаку,
Жупан лапуховы,
Чабацяты з рэпы,
А шпоры з фасолі.
Пісталеты з качана,
Кулі з бараболі.
Абступілі ляха свінні,
Пачаў лях страляці.
Свінні кулі пахапалі,
Нечым ваяваці»¹⁴⁰.

Эта ироническая песенка в утрированном виде представляет ставший уже стереотипным взгляд белорусов на поляков. Она является не единичным примером совпадения образных характеристик белорусами поляков и самими поляками мазовшан. Достаточно многочисленные пословицы и поговорки демонстрируют ставший уже традиционным подход к объекту образотворчества, основанный на предубеждении. Приведём только некоторые из них:

- «Мудзер лях па шкодзе»¹⁴¹.
- «Пані на ўсе сані» (Насмешливое величание тех, кого не по достоинству называют паней);
- «Паніч, свінны лыч»;
- «Панства іх канпелькамі перабудзем» (Говорили в насмешку шляхтичам, жившим часто хуже крестьян)¹⁴²;
- «Шляхціц, махціц, кундзялеў сын» (Насмешка над чванным шляхтичем. Кундель – кличка собаки);
- «Шляхціц ты Кабылянскі, адна нага у чобаце, а другая ў лапці» (Упрёк в бедности, являвшийся ответом на шляхетскую заносчивость)¹⁴³;
- «Дажыліся палякі, што ні хлеба, ні табакі»¹⁴⁴.

¹⁴⁰ Белорусские песни, собранные П. В. Шейном // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. – СПб. : Типография Майкова, 1873. – Т.5. – С. 568.

¹⁴¹ Сборник белорусских пословиц, составленный И. И. Носовичем // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1874. – Т. XII. – Ч. 2. – С. 80.

¹⁴² Там же. – С. 124.

¹⁴³ Там же. – С. 187.

¹⁴⁴ Federowski, M. Lud Białoruski na Rusi Litewskiej / M. Federowski. – Warszawa : Towarzystwo Naukowe Warszawskie, 1935. – S. 214.

В труде белорусского и польского фольклориста, этнографа и археолога Михала Федеровского «Белорусский народ на Руси Литовской» мы находим пословицу, заслуживающую особого внимания: «Гаварыў бы па-польскі, але язык конскі»¹⁴⁵. Очевидно, что такая пословица могла появиться только на территории смешанного проживания белорусов и поляков, где возникала практическая необходимость во владении польским языком. Именно там, собственно говоря, М. Федеровский и собирал фольклорные материалы. В частности, в 1-й том, на который была сделана ссылка, вошли материалы, собранные в окрестностях Волковыска, Слонима, Лиды и Соколки. Приведённая пословица в достаточно непосредственной иронической форме отражает одну из проблем, связанных с решением этой задачи. Притом использованная для словесно-образного выражения данной проблемы аллегория не вызывает сомнения в белорусском происхождении пословицы, ибо такого рода аллегорические образы и сопутствующая им самоирония являются отличительной чертой юмористического жанра устного народного творчества белорусов, своеобразным проявлением народного духа. При этом очевидно, что белорусы не только не выказывали неприязненного отношения к польскому языку, но и считали знание его социально престижным.

Белорусско-польский культурообмен, разумеется, имел место всюду, где в непосредственном контакте находились представители обоих народов. Однако только на незначительной территории белорусы, находясь в меньшинстве, вынуждены были воспринимать польский язык, римско-католическую веру, осваивать польские обычаи и традиции. Проще говоря, ассимилироваться польским большинством. На большей же части территории страны складывалась совершенно иная ситуация. Низы белорусского социума здесь не были затронуты всерьёз процессом полонизации, продолжая не только сохранять свою культурную самобытность, но и, более того, оказывать ассимилирующее влияние на прибывавших сюда польских мигрантов.

Необходимо отметить, что охарактеризованный процесс культурной диффузии шёл рука об руку с процессом этногенеза белорусов. В известной степени элементы польской культуры, а в их числе также национальные образы и стереотипы, стали вкладом поляков, прежде всего тех, кто был вовлечён в процесс ассимиляции, в формирование белорусской народности. Однако, несмотря на реальные результаты ассимиляции польских мигрантов, с чисто

¹⁴⁵ Federowski, M. Lud Białoruski na Rusi Litewskiej... – S. 214.

формальной точки зрения они всегда считались поляками, и местные жители их называли «шляхтой», «шляхтюками», «ляхами», а также «пшеками». В каждом из этих названий присутствовал негативный подтекст, указывающий на характер складывающегося в восприятии белорусов образа поляков.

Однако поляк не стал для белорусов врагом. Он был соседом, хотя и проблемным, постоянно стремящимся доказать, что «поляк – это не абы что»... С национальными особенностями такого соседа приходилось считаться, равно как и с особенностями его социального поведения. Белорусский крестьянин привык терпеть и приспособливаться. Стерпелся он и с соседством поляка, приспособился к нему. Но, как показывают источники, такому соседству он был не рад. Оно негативно воздействовало на белорусов, вызывало у них состояние, когда желания не соответствуют имеющимся возможностям (хотел бы не иметь такого соседа, но ничего с его присутствием поделать не мог), в психологии называемое фрустрацией. Такая ситуация являлась угнетающей и в какой-то степени травмирующей. Поляки, выражаясь языком психологии, стали внешним фрустратором, постепенно формируя к себе со стороны белорусов отношение, строившееся на предвзятости. Она подпитывала развитие в восприятии белорусов образа поляков, активная фаза которого пришлась на 30-е годы XIX – начало XX в., определяя его негативный характер.

3 ФАКТОРЫ ПРОБУЖДЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ БЕЛОРУСОВ В КОНЦЕ XVI – XVII ВЕКЕ И НАЧАЛО СКЛАДЫВАНИЯ В ИХ ВОСПРИЯТИИ ОБРАЗА ПОЛЯКОВ

3.1 Польский фактор

3.1.1 Полонизация белорусской шляхты и общественно-культурные последствия этого процесса

Вряд ли стоит сомневаться в том, что в канун создания Речи Посполитой на обыденном уровне этнического самосознания белорусов уже существовали некие представления (мнения) о поляках, пока ещё не оформившиеся в более или менее целостный образ. Его формированию мешали проблемы, связанные с самоидентификацией самих белорусов. В частности, в ситуации вынужденного сосуществования с поляками, уровень национальной идентификации которых был несоизмеримо выше, чем у белорусов, последние могли идентифицировать себя по-разному. Одни, подвергнувшись уже польскому ассимиляторскому воздействию, проявляли солидарность с польским народом, и его культурой, католической церковью, наконец. Другие, теряясь ещё в самоопределении, называли себя «тутэйшыми» и демонстрировали тем самым хотя бы то, что не имели польского самосознания. Разумеется, само по себе это ещё не свидетельствовало о качественном сдвиге в деле роста их этнической самоидентификации, но со всей определённой свидетельствовало о том, что процесс этот уже сдвинулся с мёртвой точки.

Кроме того, анализируя данную ситуацию, не следует забывать, что термин «поляк» вообще долгое время был термином не национальным, а политическим и сословным. Причисляя себя к полякам, индивидуум демонстрировал свои общественно-политические амбиции, претензии на высокий социальный статус. Полонизация же открывала «окна возможностей» – широкие перспективы самореализации внутри шляхетского сословия, шансы на равных конкурировать с этническими поляками в разных сферах общественно-политической, хозяйственной и культурной жизни.

Но дело одними амбициями и претензиями, конечно, не ограничивалось. Освоение польского языка, польской шляхетской культуры

стало модой. Как утверждал известный польский историк Юлиуш Бардах, ещё от Длугоша в польской литературе начали использовать для обозначения славян, а особенно поляков, название «сарматы»¹⁴⁶. В XVI в. это название распространяется уже как общее определение политического народа Польской Короны и Великого княжества Литовского. Соответственно, Речь Посполитую считали Сарматией.

Само понятие «Сарматия» в XVI в. имело выраженную интегрирующую функцию, связывающую в единую целостность разные этнические группы господствующего сословия Речи Посполитой. Название это использовалось также для подчёркивания близости шляхты стран, входивших в состав этого федеративного государства. Шляхта, получившая престижное и потому столь ею желанное название «сарматы», действительно имела равные права, независимо от этнической принадлежности и вероисповедания.

В следующем, XVII в., сарматизм приобрёл черты специфически польской шляхетской доктрины, связанной с барокко и контрреформацией. Тогда же в польской шляхетской литературе возникло убеждение, что «сарматы» – это народ избранный, что созданный ими государственно-политический строй является наилучшим в мире и нерушимым во времени, ибо он определён богом. Тогда же сарматизм стал модой и стилем шляхетской жизни, противопоставленным образу жизни иных – тех, кто «сарматами» не являлся.

Увлечённость белорусской части шляхты Речи Посполитой сарматской идеологией предполагала владение польским языком. И хотя на этапе домашнего образования детей наблюдались попытки, предпринимаемые сторонниками старого образа жизни, по передаче детям «русского» (т. е. старобелорусского языка), пробуждения в них привязанности к православной вере, особых перспектив они не имели. Дальнейшая учёба в польских школах, придворное образование, учёба за границей, сталкивали молодых представителей «русинской» шляхты с «высокой» западной культурой в польско-католической её редакции. В результате этих контактов они во многих областях жизни перенимали польскую культуру¹⁴⁷.

Оценка белорусской частью «политического» народа – шляхты – западной культуры как «высокой» во многом носила субъективный

¹⁴⁶ Bardach, J. Wieloszczeblowa świadomość narodowa na ziemiach litewsko-ruskich Rzeczypospolitej w XVII–XX wieku / J. Bardach. / Krajowość – tradycje zgody narodów w dobie nacjonalizmu. – Poznań : Instytut Historii UAM, 1999. – S. 15.

¹⁴⁷ Liedke, M. System edukacji a przemiany językowe i kulturalne szlachty ruskiej Wielkiego Księstwa Litewskiego w II połowie XVI wieku / M. Liedke // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 1994. – №2. – S. 18.

характер. Во-первых, польская шляхта, магнатория и духовенство сделали всё для того, чтобы нововошедшие в этот народ «русины» не разочаровались в сделанном выборе. Проще говоря, польская культура, представлявшая, по глубокому убеждению её распространителей, западную цивилизацию, должна была выполнить на востоке культуртрегерскую миссию, введя в лоно западной культуры новых её приверженцев и дав им всё то, чего они желали.

Что же касается польского языка, то изучение его как общего языка многонациональной шляхты, мода на этот язык, не исключали использования в общении с простыми людьми и в быту местных диалектов. Например, Януш I Радзивилл в 1615 г. в письме к своему брату, польному гетману Литовскому Крыштофу Радзивиллу, писал: «И хотя я сам литвином родился и литвином умру, однако идиому польскую использовать в отчизне нашей вынужден»¹⁴⁸.

Необходима была полная ассимиляция. Инкорпорируя в свою среду белорусскую шляхту и предоставляя ей равные права, польская шляхта, со своей стороны, раз и навсегда решала вопрос об этнических противоречиях внутри господствующего класса Речи Посполитой. Обратной стороной этого процесса, как уже отмечалось, стало лишение белорусов того социального слоя, который в иных исторических условиях мог бы возглавить процесс национально-культурного строительства.

3.1.2 Начало формирования в восприятии белорусов образа поляков как реакция на польское доминирование на белорусских землях и показатель роста этнического самосознания белорусов

Уход представителей белорусской социальной элиты в лоно польской культуры, самоустранение её из национальной культурной жизни, крайне отрицательно отразились на развитии последней. В частности, был «заморожен» процесс создания белорусских национальных образов и стереотипов и, прежде всего, образа поляков. Однако то, что конструирование этого образа перестало интересовать тех, кто прежде всего должен был этим заниматься, не означало полного его прекращения. В белорусской простонародной среде накапливался негатив в отношении поляков, формировалось предвзятое отношение к ним, на основе которого в их восприятии, пусть и

¹⁴⁸ Bardach, J. Op. cit. – S. 15.

медленно, развивался негативный образ поляков. Сам факт присутствия на белорусских землях поляков, как постоянно фрустрирующий фактор, не позволял ему утратить актуальность и, тем более, исчезнуть. Но, что важно отметить, объектом образотворчества и стереотипизации были не только поляки, и даже главным образом не этнические поляки, а местные ренегаты, добровольно избравшие языковую и культурную полонизацию. Памятники белорусского фольклора содержат довольно много сатирических персонажей, изображающих такого рода «панов».

Однако со временем различия, существовавшие как в «хлопской» среде, так и в среде мелкой шляхты начали стираться. Культурная диффузия привела к эрозии привнесённой в белорусские земли культуры и внедрению в неё элементов культуры местного населения, т. е. белорусской. Так, например, польский филолог-славист Юзеф Голембек пишет: «Как Мицкевичу, так и его университетским коллегам очень нравились белорусские песни и на всех вечеринках их пели с большой охотой, и в традиции сохранилась память о том, что Мицкевич любил петь белорусскую песенку “Ой, ляцела цяцера ды цераз лес”»¹⁴⁹.

Интенсивность процесса культурной диффузии, а также бесконфликтный характер белорусско-польского сосуществования на белорусских землях подтверждает появление национальных образов, «кочующих» из белорусского фольклора в польский и наоборот. Подтверждением этому являются заимствованные в качестве «строительного» материала для формировавшегося в восприятии белорусов образа поляков элементы польского стереотипа мазовшан (мазуров). Этим заимствованиям оказалось достаточно, чтобы естественный процесс формирования данного образа был перенаправлен в уже протоптанное самими поляками русло. В результате, как уже было сказано выше, формирующийся в восприятии белорусов образ поляков даже в деталях стал походить на польский стереотип мазовшан (мазуров)¹⁵⁰. И хотя в глазах шляхты из других воеводств мазуры представляли собой наихудший пошиб поляка¹⁵¹, именно они представляли «польскость» (в большом «Словаре польского языка» Витольда Дорошевского она определяется как «польский характер чего-то, комплекс польских признаков»¹⁵²) на «кресах восточных».

¹⁴⁹ Goląmbek, J. Wincenty Dunin-Marcinkiewicz. Poeta polsko-białoruski / J. Goląmbek. – Wilno : Gebethner i Wolf, 1932. – S. 8.

¹⁵⁰ Krotau, A. Geneza białoruskiego stereotypu Polski i Polaków... – S. 62–63.

¹⁵¹ Smoleński, W. Op. cit. – S. 136.

¹⁵² Słownik języka polskiego [Elektronowy dokument]: w 11 t. / Red. nac. W. Doroszewski. – Warszawa : Wydaw. Nauk. PWN, 1996–1997. – Tryb dostępu : <https://sjp.pwn.pl/doroszewski/polskosc;5476593.html>. – Data dostępu : 18.06.2023.

И если в представлении других поляков мазуры не были, мягко говоря, самыми совершенными и достойными представителями «польскости» на «кресах», то подражавшие им белорусы со стороны польского наблюдателя выглядели совсем уж карикатурно. Однако, несмотря на все эти обстоятельства, и в первом, и во втором случае, объектами иронической оценки поляков были не чужаки, а свои люди. Польский историк Ежи Топольский, например, писал, что среди старопольских пословиц, посвящённых национальным меньшинствам, 70 % касалось евреев, немцам посвящалось 18 %, а на литовцев и русинов вкуче приходилось 6 %¹⁵³.

Данный факт свидетельствует о том, что белорусов (впрочем, как и украинцев, и литовцев) поляки не воспринимали как представителей другого этноса. В сарматской системе восприятия «своих» и «чужих» были только шляхта и хлопы. С сарматской же, чисто фантазийной точки зрения, обе социальные страты считались «народами». Этнические перегородки, существовавшие внутри их игнорировались. В шляхетской среде это в значительной степени способствовало полонизации. Что же касается низов социума, то этническое своеобразие хлопов шляхте просто не интересовало, равно как и отношение представителей разных их этнических групп друг к другу. Фактически складывалось, что легитимно существующие общественные страты являлись анациональными.

Идеалом человека являлся шляхтич-сармат – могучий воин, берущий на себя ответственность за судьбу государства и представителей низших сословий, патриот (в сарматской идеологии категория «Отечество» является центральной), убеждённый республиканец, набожный католик, говорящий на «языке сарматов», т. е. на польском.

Названные характеристики данного идеала являются, по существу, элементами автостереотипа. С формальной точки зрения, если учитывать фантазийность сарматского образотворчества, – автостереотип социальный. С фактической же – польский национальный автостереотип, ибо именно польский шляхтич более всего походил на этот идеал, а все остальные, на кого были в конечном счёте распространены права польской шляхты, должны были на него равняться. Т. е. ориентация на идеал являлась по сути не чем иным, как принятием полонизации.

Низы социума «белых русинов» (прежде всего – белорусское крестьянство), которые благодаря тому, что шляхта была зациклена на

¹⁵³ Topolski, J. Polska w czasach nowożytnych. Od środkowoeuropejskiej potęgi do utraty niepodległości (1501–1795) / J. Topolski. – Poznań : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza Poznaniu, 1994. – S. 133.

себе и своих интересах, не подверглись полонизации в сколь-нибудь значительной степени, явились той средой, в которой продолжался процесс формирования образа поляков. Одним из стимулов, катализирующих этот процесс, стало появление нового стресс-фактора в лице псевдо-поляков из числа соплеменников, ставших на путь ренегатства.

3.2. Украинский фактор

3.2.1 Запорожский казак в восприятии белорусов: первый опыт самоидентификации «от обратного»

Так уж сложилось, что этногенез белорусского народа существенно отставал от этногенеза других восточнославянских народов – русских и украинцев. Долгое время этническое самосознание белорусов находилось в зачаточном состоянии и стимулов, способных стимулировать его развитие, не было.

Обычно консолидация автохтонных этнических компонентов и включение в процесс этногенеза чужаков (переселенцев) происходит в рамках общенационального государства. Белорусы же такового не имели. Более того, они сами выступали в роли чужаков, включаемых в процесс этногенеза других народов.

Как известно, фактором, стимулирующим близкородственные автохтонные компоненты к консолидации, может являться также внешняя угроза. В Беларуси и этот фактор в рассматриваемый нами период не действовал – сначала белорусские земли вошли в состав Великого княжества Литовского, которое трудно назвать белорусским, хотя роль, которую играл в нём «русинский» элемент, может вдохновлять на другие выводы. Затем – в состав Речи Посполитой, являвшейся формально «республикой многих народов», на деле же – государством, в котором были созданы условия для принятия этих народов «в лоно культуры польской», т. е. полонизации. После развала Речи Посполитой – в состав Российской империи, в которой официальным статусом обладала концепция триединого русского народа, в соответствии с которой белорусы не считались инородцами, что на деле означало их русификацию.

Не было у белорусов и религии, которая обособила бы их от соседей, как, например, иудаизм у евреев. Православное же христианство долгое время вообще препятствовало тому, чтобы белорусы в русских или украинцах видели чужаков.

У белорусов была только их родина – собственная географическая среда, определявшая особенности их хозяйственной деятельности и быта, а также формируемых на их основе черт материальной и духовной культуры. Но и она в их представлении обычно сужалась до рамок «родного угла» («роднага кута») – малой родины, того «маленького мирка», в котором они (во всяком случае – многие из них) существовали всю свою жизнь.

Поскольку этногенез является сложным процессом и ни один из элементов не является самодостаточным, наличие у близкородственных автохтонных компонентов общей родины не всегда приводит к формированию единой народности. Белорусы могли стать одним из таких исключений, ибо рано или поздно они должны были столкнуться с последствиями своего отставания от тех же русских или украинцев, которые, несмотря на генеалогическую близость с белорусами, демонстрировали совершенно иные жизненные установки, принципы, навыки достижения ясно осознаваемых целей, в том числе национальных, политических, экономических.

Полное «прозрение» наступило только во второй половине XVII в. Большую роль в этом сыграли украинцы, поднявшиеся на освободительную борьбу против Польши. Пламя разгоревшейся войны перекинулось и на белорусские земли.

Для того, чтобы понять, как этот внешний фактор стимулировал процесс этногенеза белорусов, развитие их этнического самосознания, необходимо совершить экскурс в военно-политическую историю региона, частью которого является Беларусь. Представляется, что он необходим для понимания обстановки, в которой приходилось жить, а точнее, выживать белорусам, и выяснения обстоятельств пробуждения их этнического самосознания.

Если исходить из того, что белорусы до событий, начало которым положило восстание под предводительством Б. Хмельницкого в Украине, пребывали в состоянии этнического анабиоза, а роль того, кто их из него вывел, выполнили украинские казаки, вторгшиеся на белорусские земли, следует выяснить, чем же последние отличались от белорусов и почему.

Существует много объяснений этнического несходства. Л. Н. Гумилёв, говоря о нём в своём главном труде «Этногенез и биосфера Земли», писал: «Когда какой-либо народ долго и спокойно живет на своей родине, то его представителям кажется, что их способ жизни, манеры, поведение, вкусы, воззрения и социальные взаимоотношения, т. е. все то, что ныне именуется «стереотипом поведения», единствен-

но возможны и правильны»¹⁵⁴. Нельзя не согласиться с тем, что именно среда, в которой формируется этнос, во многом определяет его облик, характер, стиль жизни. И здесь без обращения к истории формирования этносов вряд ли можно обойтись.

Очевидно, что в формировании украинского этноса приняли участие не только восточнославянские племена, осевшие на нынешних украинских землях в Раннем Средневековье, но и местный этнический субстрат из потомков многочисленных племён, обитавших здесь в древности: скифов, сарматов и пр. Ко времени прихода славян эти народы уже исчезли. Однако, как известно, народы не исчезают бесследно – их гены переходят к тем, кто их ассимилировал, а вместе с ними переходит и жизненная энергия, которую Л. Н. Гумилёв назвал «пассионарностью»¹⁵⁵. В конце древности свой пассионарный след на землях будущей Украины, точнее, в населении этих земель, оставили готы и гунны. В Средние века – авары, угры, половцы, печенеги, хазары, другие кочевники, имеющие условно-собирательное название монголо-татар. Не только пассионарный след, но и гены.

И, в конце концов, вся эта накопленная за века пассионарная энергия перешла к осевшим здесь восточнославянским племенам, на основе которых в будущем стал формироваться украинский этнос. Географическая среда кочевников былых времён стала их родиной. Так или иначе были унаследованы (или воссозданы) формы производственной деятельности, соответствующие этой среде, традиции взаимоотношений с соседями, элементы культуры и пр. В рамках начавшегося этногенеза у предков нынешних украинцев формировался собственный менталитет, этнический характер, неповторимый стереотип поведения.

Этим они стали сильно отличаться от белорусов, этногенез которых имел куда более скромную славяно-балтскую базу, а главное – мало пассионарную.

В традиционной белорусской крестьянской среде механизм самоидентификации срабатывал, прежде всего, в рамках конкретной общины или деревни (родного угла). Как пишет В. Лобач, здесь для самоопределения, в зависимости от ситуации, были важны основные составляющие этнографического плана – язык, религия, одежда, приверженность обычаю, социальная принадлежность¹⁵⁶. В целом, вряд ли будет преувеличением (тем более – ошибкой) считать, что белорус-

¹⁵⁴ Гумилёв, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли [Электронный ресурс] / Л. Н. Гумилёв. – Режим доступа : http://vmk78.narod.ru/Gumilev_Ethnogenez.pdf. – Дата доступа : 17.05.2023.

¹⁵⁵ Там же. – С. 319.

¹⁵⁶ Лобач, В. Восточный сосед. Образ русского в белорусской традиционной культуре / В. Лобач, Ю. Борисёнок // Родина. – 2002. – №7. – С. 46.

ское крестьянство испытывало своеобразный комплекс этнической ущербности¹⁵⁷. Его появлению и развитию содействовали внешние факторы, в числе которых довольно значимую роль с середины XVII в. играл украинский фактор, действие которого значительно всего ощущалось на южных и юго-восточных территориях нынешней Беларуси. По-сравнению с польским и русским влияниями, уже давно противодействовавшими друг другу в Беларуси, украинское влияние проявило себя довольно поздно, однако оно оказалось достаточно сильным и конкурентноспособным. Поэтому его нельзя не брать в расчёт, анализируя процесс пробуждения этнического самознания белорусов¹⁵⁸.

«Открытие» для себя белорусами того факта, что жители нынешних этнических украинских территорий, которых они считали своими, «русскими» людьми (русинами), оказывается, в отношении их, «литвинов», придерживались иного мнения, стало большой неожиданностью. Тип же этнического поведения украинцев, весьма деструктивного, оказался для белорусов не только в высшей степени непривычным, но и имел шокирующий эффект.

Прямым следствием осознания своих отличий от украинцев стали серьёзные перемены в восприятии последних. Данный факт следует рассматривать как настоящую «революцию» в менталитете белорусов, в системе их самоидентификации по линии «свой–чужой». Оказалось, что люди, являвшиеся православными христианами и говорящие с ними на одном языке («русском»), могут быть настолько «другими», что воспринимать их как «своих» становится для белорусов проблемой. Представляется, что этот переломный момент имеет особую важность в процессе этногенеза белорусов, прежде всего – в их этнической самоидентификации. Только на осознании себя отдельным народом, материализующимся в формировании автообраза (или автостереотипа), в восприятии белорусов могли строиться образы других народов, в том числе и интересующий нас образ поляков. Однако в XVII веке большую, нежели последний, актуальность обрели другие образы – украинцев (черкасов) и русских (москалей). В значительной степени формирование этих образов стимулировало и генезис образа поляков. В борьбе с украинцами и русскими, которая развернулась на белорусских землях, они показали новые негативные качества, существенно расширившие представление белорусов о поляках и откорректировавшие складывавшийся в их восприятии образ последних.

Как известно, пламя вспыхнувшей в 1648 г. в Украине казацкой революции сразу же вышло за её пределы, перекинувшись на Бела-

¹⁵⁷ Кротов, А. М. К вопросу о факторах пробуждения этнического самосознания белорусов в конце XVI – середине XVII в. / А. М. Кротов // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2013. – № 4(79). – С. 57.

¹⁵⁸ Там же. – С. 57–63.

русь. Она оказалась втянутой в войну, которая неоднозначно оценивается в научной литературе. Но наиболее обоснованными, на наш взгляд, являются оценки, свойственные современной украинской историографии. Характеризуя историческую реальность середины XVII в., украинские историки объективно оценивают характер украинско-белорусских отношений и раскрывают суть планов вождей казачьей революции, касающихся белорусских земель¹⁵⁹.

Началось всё с того, что украинское казачество, ранее идеализированное продвинутыми в деле мифотворчества поляками как «окраинное русское рыцарство (льцарство)»¹⁶⁰, поднялось на борьбу за свои политические и экономические права. Поляки, образно говоря, «наступили на грабли» – проповедававшаяся их писателями и идеологами (Бартошем Папроцким и др. – А. К.) теория о рыцарском происхождении запорожцев была воспринята последними и легла в основу требований «реестровых» казаков о предоставлении им шляхетских прав¹⁶¹.

Кем же были эти претенденты на шляхетство на самом деле? В «киевскую эпоху» в Приднепровье, в славяно-печенежско-половецкой среде, в результате смешения кровей и культур стали создаваться воинственные общины, ставшие прообразом запорожского казачества. Но наиболее сильное влияние на эту среду оказала татарская

¹⁵⁹ Яценко, В. «Українсько-білоруські» війни [Електронний ресурс]. У 3 частинах. – Ч.1 – литвини захоплюють Київ / В. Яценко // Історична правда. – 25.05.2011. – Режим доступу : <https://www.istpravda.com.ua/articles/2011/05/25/40311/>. – Дата звернення : 19.05.2023 ; Яценко, В. «Українсько-білоруські» війни [Електронний ресурс]. У 3 частинах. – Ч.2 – Хмельницький б'є у відповідь / В. Яценко // Історична правда. – 07.06.2011. – Режим доступу : <http://www.istpravda.com.ua/articles/2011/06/7/41884/>. – Дата звернення : 19.05.2023 ; Яценко, В. «Українсько-білоруські» війни [Електронний ресурс]. У 3 частинах. – Ч.3 – гетьман проти царя / В. Яценко // Історична правда. – 20.06.2011. – Режим доступу : <https://www.istpravda.com.ua/articles/4dff3ce3e371e/>. – Дата звернення : 19.05.2023 ; Україна і Росія в історичній ретроспективі : Нариси в 3-х т. Том 1. Верстюк, В. Ф. Українські проекти в Російській імперії / В. Ф. Верстюк, В. М. Горобець, О. П. Толочко / Інститут історії України НАН України ; Редрада : акад. НАН України В. М. Литвин (голова), акад. НАН України І. М. Дзюба, акад. НАН України Я. Д. Ісаєвич, акад. НАН України О. С. Онищенко, акад. НАН України В. А. Смолій, С. В. Кульчицький та ін. ; Відп. ред. акад. НАН України В. А. Смолій. – Київ : Наукова думка, 2004. – 504 с.

¹⁶⁰ Казаки: правда, мифы или легенда. Ч. 1. [Электронный ресурс] – Режим доступа : https://sonsky.ucoz.ua/publ/kazaki_pravda_mify_ili_legenda_ch_1/1-1-0-135. – Дата доступа: 31.03.22.

¹⁶¹ Ульянов, Н. И. Происхождение украинского сепаратизма / Н. И. Ульянов. – Нью-Йорк : Грифон, 1966. – С. 14.

эпоха¹⁶². Степь («Дикое поле»), ставшая для казаков домом, издавна кормилась разбоем и набегами. Именно она была истинной школой запорожской вольницы, дав ей всё – от воинских приёмов, лексикона, внешнего вида, до обычаев, нравов и всего стиля жизни. Как известно, запорожские казаки не только грабили всех, кто им попадался на их территории, но и осуществляли морские набеги на владения турок. На Чёрном море они грабили купцов независимо от их веры и подданства. Не гнушались казаки и работорговлей.

От начала XVIII в. сохранилось любопытное описание одного из казачьих гнёзд, своего рода филиала Сечи, составленное московским попом Лукьяновым. Ему пришлось посетить Хвастов – стоянку знаменитого казака-характерника Семёна Палея (характерник (укр. характерник, химородник, галдовник, заморочник) – воин, отличавшийся особым боевым мастерством и сверхчеловеческими способностями, занимался ведовством или гаданием, лечением раненых казаков, их психологической и физической подготовкой¹⁶³) и его вольницы. Впечатлённый увиденным, Лукьянов писал: «Вал земляной, по виду не крепок добре, да сидельцами крепок, а люди в нём, что звери. По земляному валу ворота частые, а во всяких воротах копаны ямы, да солома постлана в ямы. Там палеевщина лежит человек по двадцати, по тридцати; голы, что бубны, без рубах, нагие, страшны зело. А когда мы приехали и стали на площади, а того дня у них случилось много свадеб, так нас обступили, как есть около медведя; все казаки – палеевщина, и свадьбы покинули; а все голудьба безпорточная, а на ином и клочка рубахи нет; страшны зело, черны, что арапы и лихи, что собаки: из рук рвут. Они на нас стоя дивятся, а мы им и втрое, что таких уродов мы отроду не видали. У нас на Москве и в Петровском кружале не скоро сыщешь такого хочь одного»¹⁶⁴.

Сохранился отзыв о палеевцах и гетмана Мазепы. По его словам, Палей (Семён Палій или Палей (Палий – в буквальном смысле – «сжигатель»). Настоящее имя Семён Филиппович Гурко – полковник белоцерковский (фастовский), руководитель «Палеевщины» – антипольского восстания на Правобережной Украине в конце XVII – начале XVIII в., названного его именем – А. К.) «не только сам повседневным пьянством помрачаясь, без страха Божия и без разума живет, но и гультайство также единомравное себе держит,

¹⁶² Ульянов, Н. И. Указ. соч. – С. 14.

¹⁶³ Сажнев, Н. Казаки-характерники [Электронный ресурс] / Н. Сажнев. – Режим доступа : <https://nemeton.ucoz.ua/index/0-214>. – Дата доступа : 31.04.2023.

¹⁶⁴ Ульянов, Н. И. Указ. соч. – С. 17.

которое ни о чём больше не мыслит, только о грабительстве и о крови невинной»¹⁶⁵.

Видимо по части «грабительства и крови невинной» мало чем отличались от Палия и другие казаки-характерники, в том числе Северин Наливайко и Иван Золотаренко, которые оставили свой кровавый след на белорусских землях.

Первое «знакомство» белорусов с запорожцами произошло во время Ливонской войны 1558–1583 гг., когда казаки впервые оказались под хоругвями Великого княжества Литовского¹⁶⁶.

Следующий раз казаки появились в Беларуси в конце XVI в., во время восстания Северина Наливайко. В «Баркулабовской хронике» об этом сказано: «В 1595 г. ... 30 ноября... появился Северин Наливайко. При нём было 2000 казаков и 14 гаковниц. Могилёв – город славный ... казаки сожгли... Мещан, бояр, почтенных людей, мужчин, женщин и малых детей – побили, порубили, изнасиловали. Богатства неисчислимы забрали из домов и магазинов...»¹⁶⁷. В 1601–1603 гг. поляки попытались использовать казаков-запорожцев в войне со шведами в Прибалтике. Однако они «ничего доброго не сделали, ни гетману, ни королю не пособили, только на Руси Полоцку великий вред сделали, и город славный Витебск опустошили, ... мещан знатных рубили, и такую содомию чинили, что хуже злых неприятелей или татар»¹⁶⁸. «Витебская летопись» довольно скупо сообщает об этом: «В год 1602. Казаки с атаманом Дубиной за предательство витебских мещан Витебск выбили»¹⁶⁹. Она же сообщает и о том, какую кару за содеянное понесли казаки: «В год 1604. Закованных Дубину, атамана, и двенадцать старших привели к королю, а потом на Заручавских Волотовках трёх из них посадили на кол живьём»¹⁷⁰.

Эту картину дополняет «Баркулабовская хроника»: «В 1603 г. объявились запорожские казаки во главе с гетманом Иваном Куцкови-

¹⁶⁵ Ульянов, Н. И. Указ. соч. – С. 17

¹⁶⁶ Яценко, В. «Українсько-білоруські» війни [Електронний ресурс]. У 3 ч. – Ч.1 – литвини захоплюють Київ...

¹⁶⁷ Баркулабаўская хроніка // Беларускія летапісы і хронікі : Пер. са старажытнарускай, старабеларускай і польскай / Уклад. У. Арлова ; прадм. В. Чамярыцкага. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 1997. – С. 197.

¹⁶⁸ Широкопад, А. Б. Запорожцы – русские рыцари : История запорожского войска / А. Б. Широкопад. – М. : АСТ Москва, 2008. – С. 81.

¹⁶⁹ Віцебскі летапіс // Беларускія летапісы і хронікі : Пер. са старажытнарускай, старабеларускай і польскай / Уклад. У. Арлова ; прадм. В. Чамярыцкага. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 1997. – С. 262.

¹⁷⁰ Там же.

чем (Куцкой). При нём казацкого люду – 4000 <...> В том же году, в городе Могилеве Иван Куцка сдал гетманство, потому что в войске начались своевольства: кто что хочет, то и делает. От его королевской милости и панов-рады приезжал комиссар. Он напоминал и грозил казакам, чтоб они никакого насилия в городе и по селам не чинили. Один мещанин принёс к этому комиссару на руках свою шестилетнюю девочку – едва живую, изнасилованную. Было горько и страшно смотреть. Все люди плакали, молились Создателю, чтобы тех своевольников покарал вечными муками»¹⁷¹. Далее, рассказывая о запорожцах, хронист рисует поведение, аналогичное поведению татар: «А когда казаки запорожские на Низ отсюда выезжали, очень большой вред по сёлам, по городам чинили: женщин, девиц и ребят с собой много забрали. Также коней много с собой забрали. Один казак имел коней 8, 10, 12, ребят – 3, 4, женщин и девиц – 2 или 3»¹⁷².

Надо думать, что и в канун «хмельниччины» (название исторического периода 1648–1657 гг. и восстания под руководством Богдана Хмельницкого, во время которых Речь Посполитая утратила контроль над охваченными антипольским восстанием украинскими землями, на которых возникло украинское казацкое государство Гетманщина, или Войско Запорожское (в официальной его канцелярии – Украина, Русь) во главе с гетманом – А. К.) запорожские казаки не стали другими. Другими стали исторические обстоятельства... Украина начала чувствовать последствия польской экспансии. Рано или поздно она должна была вызвать ответную реакцию запорожской свободолюбивой вольницы. И хотя запорожский казак, ведущий разбойную жизнь, выработавший под влиянием образа жизни и смешения со степняками особый темперамент и характер, был совершенно не похож на коренного малороссиянина, представлявшего иной мир – оседлый, земледельческий, с культурой, бытом, навыками и традициями, унаследованными от киевских времён, в глазах белорусов именно это порождение враждебной степной стихии стало типичным воплощением украинца.

Картина разгоравшегося пожара была бы не полной, если бы мы обошли вниманием проблему положения украинского крестьянства в так называемый «золотой век» – десятилетие перед 1648 г. Даже Натан Ганновер (Натан бен Моисей Ганновер (1610–1683 гг.) – еврейский религиозный деятель, мудрец, историк, писатель, раввин в Яссах), которого уж точно не заподозришь в сочувствии украинцам,

¹⁷¹ Баркулабаўская хроніка... – С. 211.

¹⁷² Там же.

писал об этом положении следующее: «Почти все православные магнаты и паны изменили своей вере и перешли в папскую, а православный народ стал всё больше нищать, сделался презираемым и низким, и обратился в крепостных и слуг поляков и даже <...> евреев»¹⁷³.

Нельзя не отметить, что Ганновер чётко отделяет казаков от «остальных украинцев». Реестровые казаки (всего около 30000), говорит он: «Были освобождены от податей и пользовались вольностями наравне со шляхтой, но остальная беднота православного народа была порабощена магнатами и панами... И так они были унижены, что почти все народы, и даже тот народ, что стоит ниже всех (т. е. евреи – А. К.), владычествовали над ними»¹⁷⁴.

До 1648 г. казачество фактически было явлением посторонним для Украины, жило на степной окраине, в «Диком поле», остальная же часть страны управлялась польской администрацией. Не имея, в отличие от шляхты, гражданских прав, казаки не могли вести с властью переговоры на равных, потому казацкая старшина легализовала свои политические устремления через пламенные декларации о поддержке православия. Таким образом, борьба казаков Запорожской Сечи за свои профессионально-групповые права была превращена в широкую национальную борьбу. А взятая ими на себя роль защитников «русской религии» оправдывала казацкие восстания в глазах не только крестьян, но и немалой части украинских горожан и шляхты¹⁷⁵.

Казацкие выступления, регулярно повторяясь, перерастали в восстания, к которым присоединялись крестьяне и городские низы, притом распространялись они далеко за традиционные очаги казачества – вплоть до Подолья, Волыни и белорусского Могилёва.

Вновь встав на смертный бой в 1648 г., казачество стало бороться уже не только за свои казацкие привилегии и в защиту православия, но и в целях захвата власти, изгнания из Украины «ляхов», «королевят»-олигархов, евреев, униатов и католических ксендзов¹⁷⁶.

¹⁷³ Ганновер, Н. Н. Пучина бездонная. Хроника Натана Ганновера / Н. Н. Ганновер // Еврейские хроники XVII столетия (Эпоха «хмельничины») / Исследование, перевод и комментарии С. Я. Борового. – М. ; Иерусалим : Гешарим, 1997. – С. 85.

¹⁷⁴ Там же. – С. 85.

¹⁷⁵ Камінський Сулима, А. Історія Речі Посполитої як історія багатьох народів, 1505–1795. Громадяні, їхня держава, суспільство, культура / А. Камінський Сулима. – Київ : Наш час, 2011. – С. 88.

¹⁷⁶ Там же. – С. 88–89.

После разгрома коронных войск под Жёлтыми Водами и Корсунем Б. Хмельницкий стал полновластным гетманом. Всё войско упростило его принять эту должность. Казацкая «Летопись Самовидца» рассказывает: «Сразу же казаки разошлись по разным городам, избрав себе полковников и сотников. Где только находились шляхтичи, замковые слуги, евреи, городские власти всех их убивали, не щадя жён и детей, грабили их маетности, жгли и разрушали костёлы, ксендзов убивали, разоряли шляхетские замки и усадьбы, еврейские дворы, не оставляя ни одного целого. Мало кто тогда не обагрил своих рук кровью и не участвовал в грабежах»¹⁷⁷.

В дни восстания польская власть была изгнана, и страна оказалась во власти анархии. Творившийся в ней ужас стал распространяться и на белорусские земли. «Самовидец» свидетельствует: «... в тот час не было милосердия среди народа людского. Не только евреев убивали и шляхту, но и посполитым людям, в тех краях живущим, такая же беда была. Многие в неволю татарскую пошли...»¹⁷⁸.

Всё определялось волей полковников или командиров так называемых «загонов» (военных отрядов), занимавших ту или иную территорию. В силу своего военного опыта и организованности казаки завладели всеми важными постами в ополчении, придав ему своё запорожское устройство, свою субординацию. Поэтому казацкие чины – полковники, сотники – явились властью также для малороссийского населения тех мест, которые были заняты их отрядами... Выработанная и сложившаяся в степи для небольшой самоуправляющейся военно-разбойничьей общины система переносилась теперь на огромную страну с трудовым оседлым населением, с городами, знавшими магдебургское право¹⁷⁹.

Восстания украинцев поляки боялись гораздо больше, чем самих казаков. Коронный гетман Николай Потоцкий писал королю в начале восстания: «Число его (Б. Хмельницкого – А. К.) сообщников простирается теперь до трёх тысяч. Сохрани Бог, если он войдет с ними в Украину, тогда эти три тысячи возрастут до ста тысяч»¹⁸⁰. Предвиденное Потоцким воплотилось в жизнь – большая часть восставших действовала по всей Украине, внося ужас и опустошение в панские поме-

¹⁷⁷ Летопись Самовидца о войнах Богдана Хмельницкого и междоусобиях, бывших в Малой России по его смерти. – М. : Императорское Общество истории и древностей Российских при Московском университете, 1846. – С. 11.

¹⁷⁸ Там же. – С. 12.

¹⁷⁹ Ульянов, Н. И. Указ. соч. – С. 45.

¹⁸⁰ Там же. – С. 34.

стья. В течение нескольких недель «презренное мужичье» сделало то, чего в течение пятидесяти лет не могло добиться ни одно казачье восстание – панская власть в Украине была сметена как ураганом.

Начало «Збаражской войны» 1649 г. вызвало настоящий ажиотаж. «Летопись Самовидца» сообщает: «Из Заднепровья к гетману Хмельницкому прибыли полки... а в них несметное количество войска: в некоторых полках было более двадцати тысяч казаков. Что село, то и сотник, а в иных сотнях было и по тысяче человек. Все поголовно подались в казачество... Это происходило потому, что в прошлом году многие обогатились грабежом шляхты, евреев и других людей. Даже в городах с магдебургским правом присяжные, бургомистры и райцы оставляли свои должности, брили бороды и шли в войско: там считали бесчестьем, если бы кто был небритым с бородой в войске. Так дьявол надсмехался над степенными людьми»¹⁸¹. Вряд ли у нас есть основания подвергать сомнению сказанное казацким летописцем – ажиотаж был вызван, прежде всего, желанием нажиться за счёт грабежей. Те, кто не разделял этого всеобщего ажиотажа, тоже шли. Вынуждены были это делать, во избежание издевательств, побоев и пр.

3.2.2 Борьба Гетманщины за белорусские земли: викарное научение белорусов и его результаты

В результате «хмельниччины» было не только создано новое государственное образование – «Войска Запорожского Украина», но и восстановлено древнее Государство Российское в понимании Украины. Посылая, например, к царю Алексею Михайловичу своих посланников – войскового судью Самойлу Богдановича и переяславского полковника Павла Тетерю, в письме, которое они должны были ему вручить, Хмельницкий писал: «Посланников наших... с товарищами изволь милостиво выслушать и нас, Богдана Хмельницкого, гетмана Войська Запорожского, и всё Войско Запорожское и весь христианский мир российский духовных и светских людей во всяком чину пребывающих, которые от тебя ласки ждут – пожаловать, облагодетельствовать, права церкви, привилегии, всякие свободы и имения духовных и светских людей сущих – кто что имел от веков, от князей и панов благочестивых, от королей польских пожалованным в державе Русской – за что мы кровь свою проливаем, получив то от дедов и прадедов и не давая тому пропасть – просим, да, просим, и до лица

¹⁸¹ Летопись Самовидца... – С. 14.

земли припадаем, очень просим твоё царское величество: изволь, твоё царское величество, подтвердить и грамотами своими государскими укрепить на века»¹⁸².

Во всех переговорах со Швецией и Семигородом (Трансильванией) Хмельницкий добивался признания прав казацкого государства «на всю старую Украину, или Русь (Роксоланию), где греческая вера и язык их ещё существует – до Вислы, чтобы они могли удержать то, что добыли своей саблей»¹⁸³. В связи с этим в украинской политике всё больше активизировалась белорусская проблема.

В 1648 г. русский гонец В. Старый сообщил, что с появлением в Белоруссии отряда казаков полковника И. Шохова «холопы их шляхетские и панские, пограбя пана своего животы, бегают к казакам», а вступившие в ряды казачества белорусские крестьяне и горожане «войско казакам приумножили»¹⁸⁴.

Многочисленные документы свидетельствуют, что показаченные белорусы вместе с казаками громили панские имения и замки, терроризировали и уничтожали шляхту и католическое духовенство. Но не только белорусы присоединялись к казакам. В начале июня 1648 г. русские (торопецкие и хотмыжские) дворяне жаловались в своих челобитных царю: «... людишка наши и крестьянишка... бегают за рубеж в литовскую сторону, пограбя животишка наши и пожигая дворишка у нас, холопей твоих, и самих нас, холопей твоих, бьют и вяжут»¹⁸⁵.

Нельзя, конечно, игнорировать тот факт, что в полиэтническом населении белорусских городов преобладали евреи, поляки и пр. Этнические белорусы концентрировались, главным образом, в деревне. Об их незавидном положении можно только догадываться. Очевидно, что «хлопы», десятилетия терпевшие угнетения польско-литовских панов, снова, как в годы казацко-крестьянской войны, воспользовались моментом для мести им. Кара панов была лютой. Хотя понятно, что факты расправ, карательные акции никто не регистрировал.

Поветы разорялись вследствие как стихийных народных выступлений и действий казацких отрядов Головацкого, Кривошапки, Небабы, Голоты и др., так и карательных мер правительственных войск,

¹⁸² Лист Б. Хмельницького до московського царя Олексія Михайловича 17 лютого 1654 р. [Електронний ресурс] – Режим доступа : http://uahistory.ucoz.ua/publ/zagalni/istorichni_dzherela/list_b_khmelnickogo_do_moskovskogo_carja_ol_eksija_mikhajlovicha/48-1-0-94. – Дата звернення : 31.05.2023.

¹⁸³ Україна і Росія в історичній ретроспективі... – С. 58.

¹⁸⁴ Мелешко, В. И. Могилев в XV – середине XVII в. / В. И. Мелешко. – Минск : Наука и техника, 1988. – С. 226–227.

¹⁸⁵ Там же.

немилосердно подавлявших мятежи в районах Гомеля, Чечерска, Пропойска, Пинска. Разорение Пинского повета и взятие Пинска, например, являлось полномасштабной войсковой операцией правительственных войск ВКЛ.

Неавторизированная рукопись (без начала), рассказывает о бунте города Пинска и об усмирении его в 1648 г. следующее: «...бурмистры, ратманы, лавники, цехмистры и простой народ пинского города, сделав заговор с казаками и предательский бунт против властей, их милостей, королей, Речи Посполитой, и против всех властей, приняв казаков за господ своих, воздвигли преследование на костелы, монастыри и на всех католиков, уговорили чтобы оскверняли костелы, грабили монастыри, убивали католиков обоих полов, не исключая и малых детей, и имущество их насильственно отнимали <...> окна в церкви и монастыре повывбили; вырывая из них свинец, давали казакам на пули для защиты себя против войска нашего лили пули и стреляли...»¹⁸⁶.

Такие бунты были не в одном Пинске. И другие белорусские города, особенно Слуцк, Речица, Бобруйск и Мозырь, жители которых держались православной церкви, примкнувшие к казакам Хмельницкого и подкрепляемые его казаками, брались за оружие. Бобруйск и Речица дважды поднимали знамя бунта. В усмирении этих бунтов проявил себя своей жестокостью гетман Януш Радзивилл.

В частности, в январе-феврале 1649 г. польный гетман Великого Княжества Литовского Януш Радзивилл, до этого не высказывавший поддержки Короне Польской, жестоко подавил восстание на Полесье, штурмом взяв такие города, как Пинск, Туров, Мозырь, жители которых после прихода на белорусские земли казацких отрядов признали власть Б. Хмельницкого и в ходе казацко-крестьянской войны 1648–1651 гг. до последнего сопротивлялись вместе с казаками. Население перешедших на их сторону городов безжалостно истреблялось.

Хмельницкий, отдавая ей предпочтение, в известной степени способствовал появлению в Восточной Беларуси казаческого движения. Но, буквально сразу же, содействие его развитию со стороны Москвы начинает преобладать над содействием Чигирина (в 1648–1657 гг. этот город являлся резиденцией Хмельницкого и столицей гетманской ав-

¹⁸⁶ Исторический памятник о Пинске (найденный ксендзом Антоном Мошинским) [Электронный ресурс] / Текст воспроизведён по изданию : Исторический памятник о Пинске (найденный ксендзом Антоном Мошинским) // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. – М., 1846. – № 5. – Режим доступа : http://vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Polen/XVII/1640-1660/Pinsk_1648/text.htm. – Дата доступа : 05.06.2023.

тономии (Гетманщины) – А. К.). Чтобы использовать белорусскую шляхту как свою социальную опору на белорусских землях, русское правительство поручило могилёвскому шляхтичу Константину Поклонскому («Могилёвская хроника» называет его «поповичем из Чернигова»¹⁸⁷), присвоив ему чин полковника Белорусского. Русский историк С. М. Соловьёв писал об этом: «22 июля выехал на государево имя могилевский шляхтич Поклонский и жалован в полковники; ему поручено было уговаривать земляков, чтоб поддавались государю и служили ему против поляков, для чего велено было тому же Поклонскому всяких служивых людей прибирать к себе в полк и обнадеживать их государским жалованьем»¹⁸⁸. Свой полк Поклонский сформировал в июле–августе 1654 г. из белорусской шляхты, горожан и крестьян Могилёвского, Мстиславского и Чаусского уездов. Активно способствуя бескровному переходу Могилёва и окрестных городов под царскую власть в 1654 г., Поклонский был среди тех, кто получил от царя Алексея Михайловича богатые пожалования.

Хотя могилевчане следили за ходом военных действий и знали уже, что царские стрельцы с казаками руководствуются тактикой выжженной земли, они всё-таки поддались уговорам Поклонского и решили открыть перед русскими городские ворота. Царские власти пытались расположить к себе горожан, раздавая им опустевшие дома евреев и поляков¹⁸⁹. Например, в «Постановлении могилёвского магистрата, на основании указа Алексея Михайловича, об отдаче пану Кондратовичу Шевне дома, оставшегося свободным после бегства из

¹⁸⁷ Магілёўская хроніка Трафіма Сурты і Юрыя Трубніцкага // Беларускія летапісы і хронікі – Мінск : Беларускі кнігазбор, 1997. – С. 292.

¹⁸⁸ Соловьёв, С. М. История России с древнейших времён : в 29 т. Т. 10. Гл. 4. Продолжение царствования Алексея Михайловича [Электронный ресурс] / С. М. Соловьёв. – Режим доступа : <http://www.spsl.nsc.ru/history/solov/main/solv10p4.htm>. – Дата доступа : 03.06.2023.

¹⁸⁹ Постановление могилёвского магистрата, на основании указа Алексея Михайловича, об отдаче пану Кондратовичу Шевне дома, оставшегося свободным после бегства из Могилёва прежнего владельца // Акты, издаваемые Комиссией, высочайше утверждённой для разбора древних актов в Вильне. Т. 34 : Акты, относящиеся во времени войны за Малороссию. – Вильно : Электротипография «Русский Почин», 1909. – С. 47 ; Постановление могилёвского магистрата, на основании указа Алексея Михайловича, об отдаче Прохору Лукиничу дома, оставшегося свободным после бегства из Могилёва прежнего владельца // Там же. – С. 49 ; Постановление могилёвского магистрата, на основании указа Алексея Михайловича, об отдаче Гелияшу Карповичу дома, оставшегося свободным после бегства прежнего владельца // Там же. – С. 50.

Могилёва прежнего владельца» сказано: «Мы войт, бурмистры, райцы и лавники, также и все постольство места Его Царского Величества Могилёва, ... згодне и одностайне, абы дома и кгрунта по шляхте, также вшеляких ляхах, жыдах и мешцанах збеглых и змерлых позоста- лые не ваковали, упатруючы, упалым зас и зубожалым людем вшеля- кого поратованя жычачы и вчесне тому, абы под час трвог и наездов неприятельских ку обороне места було кому ставати...»¹⁹⁰. Из данного документа, как, впрочем, и из других, ему подобных, видно, что свя- занное с «благодеением» новых хозяев города условие – участие в за- щите его от «наездов неприятельских» – делало это приобретение настоящим «данайским даром».

Это объяснялось, во-первых, низкими пассионарными качествами белорусов; во-вторых, тем, что сложившаяся в Беларуси система отно- шений не породила между белорусами и евреями таких экономиче- ских, социальных и политических противоречий, какие в это время су- ществовали в Украине; и, в-третьих, в Беларуси не было силы, которая поставила бы на повестку дня вопрос о создании белорусского государ- ства и превращении титульного этноса в хозяина своей страны – силы, аналогичной украинскому казачеству. Той силы, которая для сплочения собственного этноса стала бы искать кандидата на роль «козла отпуще- ния» и переносить на него (а в этой роли традиционно выступали евреи) ответственность за всё и вся, безнаказанно вымещая на нём все нако- пившиеся обиды. Белорусская социально-культурная среда не способ- ствовала появлению в Беларуси враждебной евреям установки и агрес- сивного (тем более – крайне агрессивного, как в Украине) отношения к ним. Та лютая жестокость, с которой украинские казаки расправлялись с белорусскими евреями, вызывала у белорусов сочувствие к последним и заставляла с большой настороженностью относиться к казакам, видя в них весьма опасных чужаков. Ситуация усугублялась ещё и тем, что ксенофобскому преследованию казаки подвергали не только евреев, но и поляков, и тех, кого за таковых принимали. Практически любой белорус мог стать жертвой расправы лишь на том основании, что он был похож на поляка, или в том, что им сочувствует.

Письма наказного гетмана Ивана Золотаренко, отсылаемые в цар- скую ставку во время кампании 1654 г., рассказывают о тактике, кото- рую он использовал: «Стоя под Гомелем, посылали мы отряды, кото-

¹⁹⁰ Постановление могилёвского магистрата, на основании указа Алексея Михайловича, об отдаче пану Кондратовичу Шевне дома, оставшегося свободным после бегства из Могилёва прежнего владельца... – С. 47.

рые на том берегу Днепра замки и города захватывали и под меч пускали непослушных; а города, которые нам вред чинили, сжечь наказали, прежде всего Речицкий замок, Жлобин, замок Рогачёв сожжён»¹⁹¹. Как утверждает В. Яценко, такая тактика была «визитной карточкой казаков во время войны в ВКЛ»¹⁹².

На этом фоне возникла вражда между Поклонским, которому русское правительство передало во временное управление Могилёв, преобразовав Могилёвский уезд в полковую административно-территориальную единицу (Белорусский казачий полк), и наказным атаманом И. Золотаренко. Последний сначала пытался убедить Поклонского в необходимости пойти на союз по-хорошему, а потом приказал нападать на подвластных белорусскому полковнику казаков и шляхту, опустошать территорию Белорусского полка¹⁹³. Царские власти в разгоравшийся конфликт не вмешивались.

Поклонский жаловался царю, что казаки Золотаренко «приезжают в город Могилев и чинят обиды большие в уезде, хлеб у крестьян ржаной, и вой, и лошади, и всякую животину брали»¹⁹⁴. Алексей Михайлович так послал в Могилёв отряд стрельцов «для оберегания (уезда – А. К.) крестьян от казаков». Но и те не справились. Могилёвский воевода Воейков 12 сентября 1654 г. доносил на Золотаренко, что тот «запретил крестьянам возить хлеб и сено в Могилёв, велел возить к себе, в Войско Запорожское; стрельцы собрали было по селам хлеб и хотели молотить, но наехали козаки, стрельцов выбили, хлеб отняли и многие из них, ограбив крестьян, на службе не остались, разошлись по своим городам»¹⁹⁵.

В те же дни могилевчане дали ясно понять, кого они боятся и на защиту кого надеются. 14 октября бурмистры, радцы, лавники и мещане пришли к Воейкову и говорили: «Из Смоленска государь изволил пойти к столице и своих ратных людей отпустил; а к нам в Могилев ратных людей зимовать не прислано, пороху нет и пушек мало; мы видим и знаем, что государь хочет нас выдать ляхам в руки; а на казаков Золотаренковых нечего надеяться: запустошив Могилевский уезд, все разбегутся, и теперь уже больше половины разбежалось.

¹⁹¹ Яценко, В. «Українсько-білоруські» війни : у 3 ч.– Ч.2 – Хмельницький б'є у відповідь...

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Соловьёв, С. М. Указ. соч. – Т. 10. Гл. 4.

¹⁹⁵ Там же.

Мы на своей присяге стоим, но одним нам против ляхов стоять не уметь»¹⁹⁶.

Но Москва, в конечном счёте, своими вялыми действиями только вселяла в Золотаренко чувство безнаказанности. Начались нападения казаков Поклонского на русских стрельцов, которые вынудили могилевского воеводу Алферова писать царю: «На твою государеву службу полковник не идёт, а люди его твоих государевых солдат в городе на карауле по воротам бьют»¹⁹⁷. Это ухудшило отношение к русским, которые на роль защитников могилевчан явно не годились. Колебаться начал и Поклонский. Трудно сказать, чем он руководствовался в своих планах и к какой цели стремился. В сложных перипетиях военно-политической ситуации тех лет Поклонский, несомненно, имевший немалые амбиции, видел некий «коридор возможностей» для самореализации. Очевидно, что он хотел выбиться в элиту. Не важно какую – казацко-запорожскую, польско-литовскую или русско-московскую. Лишь бы уважили, наделили властью, одарили, признали равным себе. Придёт время – он будет искать шансов и на шведской стороне...

Зимой 1655 г. Януш Радзивилл установил связь с Поклонским, дабы перетянуть его на свою сторону. Для этого Поклонский уже вполне «созрел». Он уверял гетмана, что откроет тому ворота Могилёва и перейдёт со своим полком под его власть¹⁹⁸. И действительно, в феврале 1655 г., во время кампании, начатой гетманом Янушем Радзивиллом, Поклонский с четырьмя сотнями своих казаков перешёл на его сторону. Но большая же часть его казаков отказались идти с ним и остались защищать Могилёв от Радзивилла. Пытаясь оправдать свой поступок, Поклонский писал Золотаренку: «Мы в лучшей вольности прежде за ляхами были, чем теперь живут наши; собственные мои глаза видели, как бездельно поступала Москва с честными жёнами и девицами...»¹⁹⁹.

После разгрома армии Радзивилла и отступления её остатков от Могилёва, Поклонский остался в Восточной Беларуси. Но, в конце концов, битый и русскими, и казаками Золотаренко, опять вернулся к Радзивиллу. Тот же, вместе с другими магнатами, в сложившихся

¹⁹⁶ Соловьёв, С. М. Указ. соч. – Т. 10. Гл. 4.

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ Łatyszczek, O. Od rusinów białych do białorusinów. U źródeł białoruskiej idei narodowej / O. Łatyszczek. – Białystok : Wyd-wo Uniwersytetu w Białymstoku, 2006. – S. 206.

¹⁹⁹ Соловьёв, С. М. Указ. соч. – Т. 10. Гл. 4.

политических условиях (успехи русских войск и вторжение шведов в Речь Посполитую – А. К.) подписал т. наз. Кейданскую унию (17 августа 1655 г.) с шведским королём Карлом X Густавом. Целью этого соглашения была ликвидация польско-литовского союза и выход Великого княжества Литовского из Речи Посполитой. ВКЛ должно было присоединиться к Швеции на конфедеративных правах. Так что, выбирая между Русским царством и Шведским королевством, Януш Радзивилл выбрал последнее. Кейданскую унию в числе 436 «значимых литовских людей» подписал и К. Поклонский, прощённый сеймом Речи Посполитой за прежнюю службу царю. Тем самым он признал верховную власть шведского короля. Затем он перешёл на службу к бранденбургскому курфюрсту Фридриху Вильгельму²⁰⁰, а ещё позже – опять воевал на стороне короля Яна Казимира.

В канун своей измены русскому царю Поклонский совершил страшное преступление. «Могилёвская хроника» свидетельствует: «Поклонский, собравший сколько смог гультайства, утешив себя фантазией обогатится за счёт грабежа, задумал вывести жидов как бы в Литву и приказал всем жидам готовиться в путь. А они, выбираясь со своими богатствами, где моги прятали золотые дукаты, в хлеба запекали, женщины и девушки в косы заплетали. И так выведши за Печёрск, всех жидов приказал порубить и в могилы (курганы которых есть и сегодня) засыпали и много у них богатства понаходили»²⁰¹.

Вполне естественно, что в состав его полка входили разные люди. Надо полагать, среди них было и немало люмпенов и откровенных преступников, что в условиях войны является не только естественным, но и закономерным. Именно они, скорее всего, и стали соучастниками Поклонского в этом преступлении. Остальные же поняли, под командованием какого человека они воюют, и отвернулись от него.

Кампания 1655 г. ещё более ухудшила отношение местного населения к казакам. Оснований для этого они давали достаточно – казацкое войско густо выстилало свой путь пожарищами и трупами. Их репортажи о победах рисуют однотипную и страшную картину: «Которые были в том местечке польские и литовские люди и тех всех

²⁰⁰ Кочегаров, К. А. Константин Поклонский и события в Могилёве накануне русско-польской войны 1654–1667 гг. / К. А. Кочегаров // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2016. – № 1 (63). – С. 56.

²⁰¹ Магілёўская хроніка... – С. 292.

людей под меч положили, и то местечко и предместья сожгли»²⁰². Но всё-таки резня, устроенная казаками в Вильно, затмила всё, что было до неё – здесь они превзошли сами себя.

Возвращаясь из-под Вильно в Беларусь, казаки захватили ряд населённых пунктов (Мир, Кореличи, Еремичи, Рубежевичи, Свержень, Столбцы) и к концу сентября вновь осадили Старый Быхов. Более года защитники крепости успешно отражали напор казаков и русских стрельцов. Обозлённый их решимостью, Золотаренко обещал: «Когда возьмём вас мечом, и малого ребёнка живым не оставим»²⁰³. Однако под Быховом ему самому суждено было погибнуть – он был смертельно ранен засевшим на колокольне католическим органистом Томашем выстрелом из мушкета, как говорит легенда, серебряной пулей «из священной чаши, освящённой и укреплённой специальными заговорами»²⁰⁴.

Здесь хотелось бы вернуться к особому статусу Золотаренко в казацкой мифологии – статусу казака-характерника (казака-колдуна, «чаклуна»). Этот представитель элиты запорожского казачества белорусами действительно воспринимался как посланец ада, которого будто бы не брали ни огонь, ни вода, ни сабля, ни обычная пуля. На смерти Золотаренко ассоциируемое с ним сверхъестественное якобы не закончилось... Тело наказного гетмана было доставлено в Корсунь (ныне Корсунь-Шевченковский Черкасской области – А. К.). Гроб с его телом находился в церкви Святого Николая. В день Рождества Христова, во время службы, при очень большом стечении народа церковь загорелась. В огне, по словам Самовидца, «заживо сгорело боле 430 человек»²⁰⁵. Так что, уничтожив за свою жизнь с помощью огня немало белорусских городов, после смерти Золотаренко и сам потерпел от этой стихии. Как утверждает В. Яценко, белорусы в этой смерти увидели что-то символическое²⁰⁶. В восприятии переживших ужас украинско-казацкого нашествия белорусов образ Ивана Золотаренко закрепился надолго. Его именем белорусские матери ещё долгое пугали своих детей.

Ставшие жестокой реальностью массовые убийства мирных жителей, насилия, грабежи, надругательство над церквями, осуществлявшиеся людьми, говорившими на «русском» языке и считавшими

²⁰² Яценко, В. «Українсько-білоруські» війни : у 3 ч. – Ч.3 – гетьман проти царя...

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ Казаки-характерники – кто они? [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://konsul-777-999.livejournal.com/6863458.html>. – Дата доступа : 26.05.2023.

²⁰⁵ Летопись Самовидца... – С. 25.

²⁰⁶ Яценко, В. «Українсько-білоруські» війни : у 3 ч. – Ч. 3 – гетьман проти царя...

себя православными христианами, заставили белорусов ментально дистанцироваться от них – как от лютых врагов, сродни татарам. Не будет лишним заметить, что в Беларуси наказание смертью через посадение на кол практиковалось только в отношении казаков.

Для белорусов стало очевидным не только отношение к ним украинских «освободителей» от «ляшской неволи», но также оказались вполне ясны и истинные их цели в Беларуси. В частности, универсалом Б. Хмельницкого от 29 января 1656 г. «на полковництво... в Белую Русь до Могилёва, Чаус, Новобыхова и Гомеля и иных городов и местечек, и сил там же находящихся» был назначен Иван Нечай²⁰⁷. В отличие от Ивана Золотаренко, который носил титул наказного гетмана, т. е. начальника над казаками, выступившими в поход, Нечай получил чин полковника Белорусского, что недвусмысленно указывало на административный, прежде всего, характер его полномочий²⁰⁸. Его действия по вытеснению русских из отданных ему Хмельницким во владение белорусских земель²⁰⁹ и, прежде всего, Могилёвского повета, ясно показывают, зачем он сюда был послан. В апреле 1657 г., усугубляя возникший в русско-украинских отношениях конфликт, Б. Хмельницкий принимает под свой протекторат Старый Быхов²¹⁰.

Антироссийская деятельность гетманских властей в Беларуси, о которой в Москву исправно докладывал второй воевода Могилёва Иван Васильевич Бутурлин, вызывает там раздражение. Переговоры между Москвой и Чигирином по белорусской проблеме результатов не дали. И потому в июне 1657 г. в Смоленске было сформировано войско во главе с воеводой Змеевым и подьячим Мининым, которое должно было вытеснить казаков из Смоленского, Дубровинского, Оршанского и Могилёвского поветов²¹¹.

Сразу же после заключения по инициативе гетмана Ивана Выговского в сентябре 1658 г. соглашения между Речью Посполитой и Гетманщиной, предусматривавшего вхождение последней в состав Речи Посполитой в качестве третьего её равноправного члена – «Великого

²⁰⁷ Универсал гетмана Богдана Хмельницкого о назначении Ивана Нечая полковником Белорусским // Сборник статей и материалов по истории Юго-Западной России, издаваемый Комиссией для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Вып. I. – Киев : Тип. Н. Т. Кочак-Новицкого, 1911. – С. 28–29.

²⁰⁸ Україна і Росія в історичній ретроспективі... – С. 64.

²⁰⁹ Там же. – С. 65.

²¹⁰ Там же. – С. 68.

²¹¹ Яценко, В. «Українсько-білоруські» війни : у 3 ч. – Ч.3 – гетьман проти царя...

Княжества Русского», Иван Нечай развернул боевые действия против русских. Закончились они в начале декабря 1659 г. расправой царских властей над казацкими командирами. В борьбе за белорусские земли Великая Русь победила Малую.

Война, в которую была вовлечена Беларусь и белорусский народ, принесла ему огромные страдания, привела к многочисленным жертвам. В этой войне украинцы выступили в качестве нападающей, агрессивной стороны. Потому симпатии белорусов не могли быть на их стороне, особенно учитывая образ действий и тактику в отношении местного населения. Нельзя отрицать того, что в начале войны в среде белорусов зрела неприязнь к полякам и их власти (как ко всякой власти, которая не считает нужным себя менять, прежде всего, – менять своё отношение к подданным), существовали некие иллюзии в отношении украинцев, как православных, «русских» людей. Однако суровая правда войны расставила всё на свои места. Иллюзии и связанные с ними симпатии развеялись как туман.

Запорожское казачество, воплотив собой в глазах белорусов весь украинский народ, показало иную, абсолютно чуждую им хищную природу, продемонстрировало несвойственное национальному характеру и менталитету белорусов отношение к другим («чужим») людям – полякам и евреям. К тем, кому вожди хмельниччины предъявили жестокий, лютый счёт за тот вред, который те причинили украинскому народу, оправдав в отношении их любые кары. Придя в Беларусь, они попытались внушить белорусам, что поляки и евреи являются также и их врагами, и попытались своим примером показать, как с этими врагами следует поступать, призвать следовать этому примеру. Они хотели сделать белорусов соучастниками своих деяний и тем самым уподобить себе. По сути дела, происходила попытка применить на практике социальную технологию, называемую ныне психологами «викарным научением» (викарное научение – научение через прямое наблюдение за чувственно представленными образами и через подражание им²¹²). С точки зрения теории викарного научения, глядя на агрессивное, ксенофобское поведение украинцев в отношении поляков и евреев, белорусы должны были поддаться влиянию этого примера и вести себя точно так же. Это так называемый «субкультурный» тип моделирующего влияния. Представляется, что казаки по причине неразвитости этнического самосознания белорусов поначалу воспри-

²¹² Научение викарное [Электронный ресурс] // Словарь практического психолога. – Режим доступа : https://986.slovaronline.com/1214-научение_викарное. – Дата доступа : 22.05.2023.

нимались последними именно как представители иной субкультуры, а не как чужаки.

В отличие от украинского казачества, являвшегося организованной вооружённой силой, белорусы в тот исторический момент являлись разрозненной социальной массой, не связанной узами этнического или какого-нибудь иного единства. Этим и пытались воспользоваться казацкие вожди. Позиционируя украинское казачество в Беларуси в качестве движущей силы народной борьбы против угнетателей – инородцев и иноверцев, они не только пытались втянуть белорусов в свою борьбу, но и претендовали на признание своего лидерства в этой борьбе, должного авторитета и статуса.

Считается, что успеху викарного научения весьма способствует установление дружеских отношений с тем (или теми), кого подталкивают к воспроизведению такого поведения. Мы видим, что и в нашем случае, по крайней мере – в самом начале распространения хмельниччины на белорусские земли, украинские казаки выказывали в отношении белорусов благорасположение, призывая на борьбу с общим врагом. Вполне вероятно, что они не видели никакой разницы между собой и белорусами и эти призывы-обращения к общей борьбе были вполне искренними.

Однако на деле всё оказалось иначе. Вступление в казачество белорусов не стало массовым. Чаще всего оно было пассивным, следуя логике – в казаки запишусь (на всякий случай), а там авось не доведётся... В конечном счёте отсутствие у показаченых белорусов погромного энтузиазма, а в ещё большей степени – общее восприятие местным населением казаков, не отличавшееся позитивностью, не могло оставаться незамеченным украинцами, что прямо отразилось на отношении последних к белорусам. Не было успешным и привитие белорусам ксенофобии – ни поляки, ни евреи для них не стали врагами. Истребление могилёвских евреев по наущению К. Поклонского не являлось результатом ксенофобского отношения к евреям. Это был, по сути, акт откровеннейшего бандитизма в отношении беззащитных людей, у которых участвовавшим в нём маргиналам было чем поживиться. Более того, источники говорят даже о сочувственном к ним отношении, хотя последнее, следует признать, активных форм и не принимало. Зато украинский казак в коллективном восприятии белорусов, несмотря на общие язык и веру, стал восприниматься как опасный чужак.

Таким образом, как объект викарного научения белорусы оказались «плохими учениками». Тем не менее, приобретённый ими опыт отношений с украинцами стал катализатором роста их этнического

самосознания. Новым фактором, объединяющим белорусов, стало понимание того, что является для них нормальным, а что таковым не является; что является приемлемым, а что ни при каких условиях принять нельзя. Закладывались основы того, что стало неотъемлемой составляющей белорусского национального характера – этнической и конфессиональной толерантности. При этом, вместе с началом понимания своих отличий от других народов, своей самобытности, стереотипных представлений о себе, начался процесс формирования белорусской картины мира, частью которой являлись и образы других народов, в том числе и поляков. Последние, в борьбе с украинцами, а потом и русскими, показали себя не с лучшей стороны, внося негативную лепту в формирующийся в восприятии белорусов образ.

3.3 Русский фактор

3.3.1 Предпосылки распространения на Беларусь русского идеологического и культурного влияния

Связи между землями, впоследствии ставшими русскими и белорусскими, были естественными и давними. Установившиеся на них границы между Великим княжеством Московским и Великим княжеством Литовским (впоследствии – между государствами-преемниками: Русским царством с 1547 г. (Российской империей – с 1721 г.) и Речью Посполитой с 1569 г. вплоть до её окончательного раздела в 1795 г.) проходили не по этническому принципу. Они разъединили древнерусский этнос на части, у каждой из которых началась своя историческая судьба. Однако чувство общности, основанной на генеалогическом родстве, языке, религии, традициях, обычаях и пр., продолжало существовать, определяя характер отношений между белыми «русинами» и русскими²¹³.

Какое-то время взаимовлияния этих частей были примерно одинаковыми, но со временем всё изменилось. Темпы этногенеза русского народа и достигнутые им успехи в государственном строительстве, а также формирование идеи восстановления единства «русского народа» под властью Москвы, которая станет составной частью государ-

²¹³ Русско-белорусские связи : Сборник документов (1570–1667 гг.) / Отв. ред. : Л. С. Абецдарский, М. Я. Волков ; Гл. архивное упр. при СМ СССР. Центр. гос. архив древних актов. М-во высш., сред. спец. и проф. образования БССР. Белорус. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Минск : Высшая школа, 1963. – 534 с.

ственной идеологии в России, рано или поздно должны были превратить русские влияния в Беларуси в действующий фактор влияния на происходившие в ней процессы, в том числе и в значимый фактор этногенеза белорусов, роста их этнического самосознания, формирования их менталитета со всей совокупностью присущих ему этнических образов и стереотипов, в т. ч. и образа поляков.

Москва стремилась перейти от теории к практике, т. е. решить давно стоявшую перед ней задачу объединения под своей властью всех русских земель и восстановления Русского государства в его древних (т. е. древнерусских) границах. Речь шла о возвращении утраченных Россией в Смутное время территорий, а также за контроль над землями нынешних Беларуси и Украины, попавших под власть Великого княжества Литовского в XIV–XV вв.

Все войны Великого княжества Московского с Великим княжеством Литовским, а позже – Русского царства с Речью Посполитой, так или иначе преследовали эту цель. Новая русско-польская война 1654–1667 гг. не была исключением. Она стала результатом вмешательства России в украинско-польский конфликт, преследовавшего цель не только «умножения земель русских», но и «собрания народа русского».

Дважды, 8 июня 1648 г. и в начале 1649 г., Б. Хмельницкий обращался к русскому царю Алексею Михайловичу с просьбой принять Украину под власть России. Но русское правительство не было готово к неминуемой в случае удовлетворения данной просьбы войне с Речью Посполитой. Кроме того, оно опасалось возможных нежелательных социально-политических последствий перехода под «защиту русского царя» в самом украинском обществе. Тем не менее, после второго обращения Москва установила дипломатические отношения с Гетманщиной и стала оказывать Хмельницкому экономическую и военную помощь.

1 октября 1653 г. в Москве Земский собор постановил «гетмана Богдана Хмельницкого и всё Войско Запорожское з городами и з землями» принять под власть русского царя и объявить войну Польше²¹⁴. Уже 23 октября 1653 г. Русское царство торжественно объявило войну Речи Посполитой за освобождение Украины и Беларуси²¹⁵. 8 января 1654 г. включение Украины в состав Российского государства подтвердила и

²¹⁴ Решение Земского собора о воссоединении Украины с Россией. 1 октября 1653 г. // Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы: в 3 т. Т. 3. 1651–1654 гг. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1953. – С. 406–414.

²¹⁵ Греков, И. Воссоединение Украины с Россией в 1654 г. / И. Греков, В. Корольков, И. Миллер. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1954. – С. 83.

одобрила Переяславская рада – собрание представителей запорожского казачества во главе с гетманом Богданом Хмельницким²¹⁶.

Но стремились ли к восстановлению Русского государства руководители Гетманщины? Объективные данные говорят о том, что не стремились. Для них заявление о переходе подконтрольных восставшему казачеству территорий под протекторат России был мотивирован тактическими, а не стратегическими соображениями.

Сложившийся в российской историографии канон, предусматривавший анализ стратегий Б. Хмельницкого исключительно с позиции неуклонного его стремления «воссоединить» Украину с Россией, был связан с политикой России в отношении Украины. Практически с самого начала Переяславская рада 1654 г., являвшаяся своеобразной кульминацией этого единения, превратилась для российских элит в мощный идеологический инструмент, краеугольный камень обоснования власти Москвы над Украиной²¹⁷.

Однако со стороны Б. Хмельницкого всё виделось совершенно иначе. Новообразованное государство, пытаясь выжить в столкновении с более сильным врагом, стремилось найти себе могущественных союзников. Вряд ли в тот момент руководители Гетманщины задумывались о возможных последствиях перехода под власть русского царя.

Есть серьёзные основания полагать, что под царской шубой, образно говоря, на Б. Хмельницком был надет турецкий халат. На сегодняшний день, по причине отсутствия юридических источников (протоколы государственного дивана Османской империи за 1647–1655 гг. сгорели в частых пожарах Стамбула, а документы украинского государственного архива сгорели в Батурине в 1708 г., во время взятия города войсками Петра I²¹⁸), которые дали бы возможность поставить точку в решении этой проблемы, остаётся открытым вопрос о принятии им турецкого протектората в 1648 г.

²¹⁶ Лист Богдана Хмельницкого, посланный из Переяслава царю Алексею Михайловичу, с благодарностью за воссоединение Украины с Россией // Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы : в 3 т. Т. 3. 1651–1654 гг. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1953. – С. 516.

²¹⁷ Маслак, В. И. Политические концепции Богдана Хмельницкого в освещении современной российской историографии / В. И. Маслак // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. – 2014. – № 1 (January-February). – Vol. 1. – Vienna : «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. – 2014. – С. 65–66.

²¹⁸ Прицак, О. Ще раз про союз Богдана Хмельницького з Туреччиною / О. Прицак // *Український археологічний щорічник*. Нова серія. – Київ, 1993. – Вип. 2. – С. 177.

Украинский историк О. Прицак, опираясь на данные других источников, зачастую косвенные, выдвигает тезис о том, что, после подписания в марте 1648 г. договора с крымским ханом Ислам Гиреем III, Богдан Хмельницкий в июле того же года заключил также и договор с Османской Портой. Составной частью этого договора является недатированная украинско-турецкая конвенция, написанная на польском языке²¹⁹.

Украинско-турецкий союз 1648 г. продолжался недолго. В начале августа в Стамбуле, произошли большие изменения: 6 августа в результате заговора был жестоко убит великий визирь Ахмед-паша. Днём позже был свергнут с трона султан Ибрагим I и вскоре тоже убит²²⁰. Тем не менее, как утверждает О. Прицак, несмотря на смерть тех, с кем Б. Хмельницкий успел найти общий язык, в его отношениях со Стамбулом ничего не изменилось. С новыми его хозяевами – янычарскими агами – он вскоре наладил прямые контакты²²¹.

Однако Турция не очень охотно и не очень эффективно помогала Б. Хмельницкому (в марте 1651 г. Войско Запорожское было признано вассалом Турции на самых почётных условиях (военная служба сюзеру без уплаты дани, а Крым был обязан содействовать украинцам – А. К.). К тому же ещё и небескорыстно. В частности, в обмен на свою военную помощь османские «партнёры» просили Хмельницкого отдать Турции г. Каменец-Подольский.

Проще говоря, внешняя политика Б. Хмельницкого была многовекторной²²². Поэтому интерпретировать украинско-русские связи в канун, да и после принятия русского протектората следует несколько в ином свете, нежели традиционно принято. Представляется, что лишь разницей в подходах украинской и русской сторон к тому, что принято называть «воссоединением» Украины с Россией, можно объяснить украинско-русский конфликт, разгоревшийся после смерти Б. Хмельницкого. Но пока он был жив, объединение сил Гетманщины и Русского царства давало свои плоды – к концу лета 1655 г. большая часть восточных земель Речи Посполитой оказалась под властью Москвы и казаков.

Однако уже тогда на белорусских землях сложилась тревожная ситуация, грозившая конфликтом между Гетманщиной и Москвой. Белорусские земли, на которых появились и закрепились казацкие отряды, включались в состав Гетманщины со всеми вытекающими из этого последствиями. И ничего неожиданного в этом не было. Ещё в июне 1648 г. холмский епископ писал, что Хмельницкий именуется себя

²¹⁹ Прицак, О. С. Вказ. тв. – С. 179.

²²⁰ Там же. – С. 183–184.

²²¹ Там же.

²²² Маслак, В. И. Указ. соч. – С. 66.

«князем киевским и руським». В 1650 г. во время торжественного молебна в присутствии Назаретского митрополита Б. Хмельницкого величали «государем Руси»²²³. Б. Хмельницкий претендовал на роль законного лидера законно созданного (или воссозданного) им государства. Он искал юридические лазейки для благовидного объяснения возникновения Гетманщины и своего лидерства в ней. Разумеется, в дальнейшем это грозило конфликтом с Москвой. И этот конфликт не заставил себя ждать...

3.3.2 Русско-польская война 1654–1667 годов и её роль в пробуждении этнического самосознания белорусов

Русско-польская война 1654–1667 гг., спровоцированная анти-польским восстанием в Украине и принятием Гетманщины под протекторат Русского царства, стала затяжным, изнурительным и весьма кровопролитным конфликтом. Она потребовала максимального напряжения сил противников, мобилизации всех их ресурсов. В ходе войны оказалось, что принятие Гетманщиной русского протектората являлось лишь способом найти себе союзника в войне с Польшей. Ставший после смерти Б. Хмельницкого 27 июля 1657 г. гетманом И. Выговский в августе того же года начал борьбу с Москвой. В августе он вступил в переговоры с представителями польского короля и 6 сентября был подписан так называемый Гадячский договор, согласно которому Выговский, став вассалом польской короны, получал титул: «Гетман русский и первый воеводств Киевского, Брацлавского и Черниговского сенатор»²²⁴.

²²³ Таирова-Яковлева, Т. Г. «Отечество» в представлениях украинской казацкой старшины в конце XVII – начале XVIII в. : доклад [Электронный ресурс] / Т. Г. Таирова-Яковлева // Дискуссия : Когда украинцы стали украинцами, а русские – русскими? Складывание украинского, великорусского и общерусского самосознания в Средние века и Новое время // Российско-украинская конференция историков «Украина и Россия : история и образ истории», 3–5 апреля 2008 г. Сессия 3 апреля 2008 г. : материалы. – М. : Институт Европы РАН, 2008. – Режим доступа : <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/feudalism.htm>. – Дата доступа : 12.08.2022.

²²⁴ Гадяцький трактат [Електронний ресурс] / Перекладено з польської мови В. Шевчуком (за виданням : Записки Наукового товариства імені Т. Шевченка. – Львів, 1909. – Т. 89. – С. 82–90). Текст перекладу подано за «Україна. Наука і культура». – Київ, 1991. – Вип. 25. – С. 147–152. – Режим доступу : <https://web.archive.org/web/20090101175125/http://pravopys.vlada.kiev.ua/mova/17/Doc/Nadjacki.htm>. – Дата звернення : 17.06.2023.

Но в Украине разбушевалась война всех против всех. Причём главными действующими лицами были представители украинской старшины, боровшиеся за власть и поместья, и призывавшие себе на помощь поляков, русских, татар и турок. Однако происходившие там события уже не сказывались на ситуации в Беларуси в такой степени, как это было во время казацко-крестьянской войны 1648–1651 гг., ставшей началом катастрофы, постигшей Беларусь и белорусов, приведшей к огромным людским потерям и большим разрушениям.

Царь и его правительство ещё до начала военных действий рассчитывали на помощь белорусов. Своим воеводам Алексей Михайлович указал, приступая к осаде города, посылать туда «листы» с предложением сдаваться. Только в случае отказа воеводы имели право начинать штурм. Он особо обращал их внимание на гуманное отношение к населению. Так, в грамоте от 7 марта 1654 г. воеводам в Новгороде русское правительство чётко излагало свою позицию по отношению к населению Беларуси, которая должна была стать театром военных действий: «А ратным людям приказали б есте накрепко, чтоб они белорусцов крестьянские веры, которые против нас не будут, и их жон, и детей не побивали и в полон не имали, и никакова дурна над ними не делали, и животов их не грабили. И которые белорусцы придут к нам в полки, и вы о тех белорусцев нашим государевым жалованьем обнадёжили и велели их приводить к вере, что им быть нашею <...> рукою навеки неотступно, и нам служить, над польскими и над литовскими людьми промышляли, с нашими ратными людьми сопча за один. И которые белорусцы похотят быть и нам служить вместе с нашими ратными людьми, и вы б тем людем велели быть на нашей службе...»²²⁵. Подобные же указы царь дал и казакам, однако те им никакого значения не придавали.

А. Лобин утверждает, что в архиве главного военного ведомства XVII в. – Разрядного приказа, в столбцах Московского и Новгородского столов, часто попадаются жёсткие царские указы 1654–1667 гг. «сёл не жечь» под угрозой смертной казни²²⁶.

Вступая в войну с Речью Посполитой, Москва предложила православной шляхте из Полоцка и других земель на выбор: поступать на

²²⁵ Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII в. / А. Н. Мальцев. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1974. – С. 30.

²²⁶ Лобин, А. Неизвестная война 1654–1667 гг. [Электронный ресурс] / А. Лобин // Скеписис. Научно-просветительский журнал. 2007. – 16 февраля. – С. 646–660. – Режим доступа : https://scepsis.net/library/id_1104.html#a3. – Дата доступа : 01.06.2023.

русскую службу и ехать к царю под Смоленск за жалованьем, а тем, кто по-прежнему считал себя королевским подданным, было разрешено беспрепятственно ехать в этническую Польшу²²⁷.

Судя по всему, большинство предпочитало поступать на русскую службу. А. Широкоград отмечает: «Значительная часть шляхты Литовской Руси с удовольствием присоединилась к русским войскам. Десятки городов и замков сдались без сопротивления. Другой вопрос, что в ходе последней длительной войны часть перебежчиков решила вновь сменить сюзерена. Некоторые шляхтичи это проделывали по три-четыре раза»²²⁸.

Крестьяне и горожане, привыкшие к частым сменам своего подданства, не проявляли стремления к вооружённому сопротивлению и часто хлебом-солью приветствовали русские войска²²⁹, принимая новую политическую данность, но пытаясь при этом сохранить привычный образ жизни. Вот что просили, например, могилёвские мещане у царя Алексея Михайловича в одном из своих писем к нему: «Бъём челом вашему царскому величеству, чтоб права и привилія месту Могилеву, наданные вцелѣ и не порушены против обещания вашего царского величества объявленные, нам были сохранены и чтоб все мещане, в Могилеве живучие, против давних прав и привилиев через бурмистров, райцов и лавников, также и войта, которые от всех советно на всякой год особно, и то из мещан при обиранье обран быти имеет, одним неразлученным судом и правом магдебурским сужены были. А позыванья, когда кому приговор не полюбитца, чтоб ни до кого иного, но да самого престола вашего царского величества было позволено, и то только в великих делах и в таковой, в которой 15 рублёв будет, а в меньших чтоб допущено не было, для того, чтоб люди убогие

²²⁷ Статьи жителей Витебского воеводства об условиях сдачи русским войскам. Сентябрь 1654 г. // Русско-белорусские связи : Сборник документов (1570–1667 гг.) / Отв. ред. : Л. С. Абецдарский, М. Я. Волков ; Гл. архивное упр. при СМ СССР. Центр. гос. архив древних актов. М-во высш., сред. спец. и проф. образования БССР. Беларус. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Минск : Высшая школа, 1963. – С. 314–315.

²²⁸ Широкоград, А. Россия и Украина. Когда заговорят пушки... [Электронный ресурс] / А. Широкоград. – Режим доступа : http://liv.piramidin.com/politica/shirokorad_a_b/shirokorad_rossiia_i_ukraina/shirokorad_rossiia_i_ukraina.htm#g12. – Дата доступа : 11.06.2023.

²²⁹ Бабятыньскі, К. Адносіны жыхароў ВКЛ да маскоўскага войска ў 1654–1655 г. [Электронны рэсурс] / К. Бабятыньскі // Беларускі гістарычны агляд. Навуковы часопіс – інтэрнэт-версія. – 2007. – Т. 14. Сш. 1–2. – Рэжым доступу : <http://www.belhistory.eu/archives/1831>. – Дата доступу : 24.05.2023.

до убытков не приходили. А суд войтовский со всеми урядниками советный быти имеет»²³⁰.

В числе просьб могилёвских мещан были и такие, которые свидетельствовали об их желании с помощью русской военной администрации, выполнявшей царскую волю, избавиться от конкуренции евреев и поляков – в экономической и общественно-политической сферах соответственно. В одном из писем они «били челом» Алексею Михайловичу, «чтоб жида в месте Могилеве жития никакого не имели»²³¹. В другом письме они уже «били челом», «чтоб ляхи никакими урядниками в месте Могилеве не были и до суженья дел в уряде не заседали»²³². Обе просьбы были удовлетворены. Однако вскоре последовала новая просьба, касающаяся поляков: «Бъём челом вашему царскому величеству, чтоб ляхи, как в месте, також де и во всём уезде Могилевском, никакова старшинства и жития своего не мели»²³³. И опять просители нашли понимание и поддержку у царя и бояр.

«Били челом» могилёвские мещане также и по поводу казаков: «...чтоб казаки в месте Могилеве не жили, но в-ыном каком месте, от вашего царского величества указаном, жития свои мели и в продаванье всякого питья некоторые помешки месту Могилевскому не чинили и в домах своих продаж питью не имели, а на остаток чтоб никакие ни малые обиды мещаном могилевским чинити не дерзали»²³⁴.

Было приговорено чтоб «казакон, кроме службы, не жить в городе»²³⁵.

Таким образом, поначалу позитивные ожидания «белорусцев» в отношении русских действительно подтверждались действиями Москвы. В частности, царь подтвердил права и привилегии жителей Могилёва, а русское войско, в отличие от войска ВКЛ, значительно меньше опустошало окрестности города. Из Могилёва не вывозились люди, что было обычным делом на других территориях. В городе был

²³⁰ Из выписи в доклад, составленный на царском стане под Смоленском. – Челобитные жителей Могилёва царю Алексею Михайловичу о подтверждении их прав и привилегий. Ранее 9 сентября 1654 г. // Русско-белорусские связи : Сборник документов. (1570–1667 гг.) / Отв. ред. : Л. С. Абецедарский, М. Я. Волков ; Гл. архивное упр. при СМ СССР. Центр. гос. архив древних актов. М-во высш., сред. спец. и проф. образования БССР. Беларус. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Минск : Высшая школа, 1963. – С. 304.

²³¹ Там же. – С. 306.

²³² Там же.

²³³ Там же. – С. 307.

²³⁴ Там же...

²³⁵ Там же.

размещён большой гарнизон, который был в состоянии обеспечить его безопасность. Алексей Михайлович жаловал богатых мещан землями и деньгами, обеспечив тем самым поддержку с их стороны. Во время осады Могилёва армией Радзивилла во время зимнего контрнаступления (16 февраля – 11 мая 1655 г.) горожане упорно поддерживали русский гарнизон и несколько раз отклоняли предложения сдаться. За время трёхмесячной борьбы большая часть населения Могилёва погибла, главным образом из-за эпидемии. Тем не менее, благодаря несокрушимой воле горожан и московского воеводы Михаила Воейкова защита города закончилась успешно. Царь Алексей Михайлович оценил верность защитников города – 10 июля 1655 г., во время своего пребывания в Могилёве, он наделил наиболее заслуженных горожан богатыми владениями, ценными подарками – мехами и деньгами, а также подтвердил все торговые привилегии города²³⁶.

Массовый переход белорусского населения на сторону России в ходе кампании 1654 г. имеет своё объяснение. Главную роль в этом сыграла общая военная ситуация, прежде всего – неравенство сил противников. Польско-литовские власти не могли гарантировать своим белорусским подданным защиту и безопасность. Поэтому логичным и закономерным действием последних для спасения своих жизней и имущества стало принятие защиты русского царя. Кроме того, весьма важную роль в расчётах жителей городов (того же Могилёва или Полоцка) играли также надежды на получение новых торговых привилегий и улучшение торгового обмена с Россией. Отчасти лояльное отношение к русским объясняется также религиозным фактором. Жители Вильно, Смоленска, Могилева, Витебска и других городов, во время нахождения под царской опекой, могли вымещать накопившуюся злобу на бывших притеснителей²³⁷.

Царское правительство проявляло заинтересованность в поддержке простого населения, потому защищало его не только от войск ВКЛ, но и от украинских казаков, и своих ратников. Тем не менее, оно стремилось поддержать и шляхту, защитить её от бунтующих крестьян. Однако крестьяне искали защиты, а шляхта – выгод. Не удивительно, что она «держала нос по ветру», пытаясь загодя уловить перемены в политической конъюнктуре. Уловив их, изменяла. Пример К. Поклонского – яркое тому подтверждение. Поводы были разные: случаи насилия со стороны царских ратников; решения воевод, дей-

²³⁶ Бабятыньскі, К. Пазнач. твор.

²³⁷ Лобин, А. Указ. соч.

ствовавших по законам военного времени и ущемлявших шляхетские вольности, и пр. Естественно, далеко не все поветы присягнули русскому царю. И тут начинали действовать законы войны. Так, А. Лобин обращает внимание на действие войска А. Н. Трубецкого против гарнизона и жителей Мстиславля. Встретив сопротивление, воевода не мог гарантировать по царскому указу сохранность «домов и достояния от воинского разорения». Город был взят приступом, а его жители были убиты или взяты в плен²³⁸.

Пока царские войска продолжали наступление в Беларуси (20 ноября 1654 г. штурмом был взят Витебск), в тылу наступающих войск начали свои бесчинства казаки, находившиеся под командованием Ивана Золотаренко. Дело дошло до того, что они стали устанавливать налоги и оброки в свою пользу, что красноречиво свидетельствует о том, что «освобождение» Беларуси от «ляхов» трансформировалось в стремление включить белорусские земли в Гетманщину по праву завоевателя.

14 октября 1654 г. целая делегация жителей Могилева явилась к русскому воеводе Воейкову, сетуя на то, что ратных людей царь приказал из города вывести, сами себя горожане защитить не смогут, а на казаков Золотаренко надеяться нечего: половина из них уже разбежалась и, опустошив Могилевский уезд, все они разбегутся²³⁹.

Однако спустя полгода ситуация на востоке Беларуси изменилась. Боевые действия приводили к тому, что восточная часть Великого княжества Литовского постепенно превращалась в пустошь. К тому же русская военная администрация начала вывозить вглубь России людей даже из тех городов, которые добровольно приняли верховную власть русского царя. Причём переселяли не только представителей шляхты, которые считались наиболее опасным элементом, предрасположенным к бунтарству, но и многочисленных ремесленников с их производствами, крестьян вместе с семьями. Были проведены репрессии против католиков²⁴⁰.

Те, кто ещё недавно приветствовал русские войска, стали массово переходить на сторону Януша Радзивилла. Недовольство новой властью имело место в это время даже в Смоленске. Только могилевчане по названным уже выше причинам сохраняли верность Алексею Михайловичу.

В своей похвальной грамоте от 6 мая 1655 г. царь благодарил войско и жителей Могилёва за оборону города во время осады его

²³⁸ Лобин, А. Указ. соч.

²³⁹ Широкоград, А. Россия и Украина. Когда заговорят пушки...

²⁴⁰ Бабятыньскі, К. Пазнач. твор.

литовскими гетманами Янушем Радзивиллом и Винцентом Госевским²⁴¹. Продолжая доверять могилевским мещанам, 17 января 1655 г. царь из своего стана в Вязьме повелел могилёвскому воеводе М. П. Воейкову отпустить им по их челобитью оружие из Смоленска и Шклова²⁴².

24 января 1655 г. витебский воевода Матвей Васильевич Шереметев писал царю в Вязьму о совместном походе русских ратных людей с витебскими мещанами против поляков в д. Хотимле Витебского уезда²⁴³. В письме, однако, имелась деталь, которая вряд ли его могла порадовать: «...прибежал к нам из деревни Красыни крестьянин Ондрюшка Иванов. А в распросе нам <...> сказал: пришол де в деревню <...> ротмистр пан Микулай Юшковский, а с ним литовские люди конные и пешие; да к нему ж <...> идут писатца изо многих сел и деревень мужики <...> А которые де к ним писатца не идут, и они де тех побивают и волости разоряют...»²⁴⁴.

Так что даже официальные письма царю сообщают, что во время зимне-весеннего наступления 1655 г. польско-литовское войско находило поддержку со стороны партизанствующих крестьян. «Шиши»,

²⁴¹ Похвальная грамота царя Алексея Михайловича войску и населению Могилёва за оборону города во время осады его литовскими гетманами Я. Радзивиллом и В. К. Госевским. 6 мая 1655 г. // Русско-белорусские связи : Сборник документов. (1570–1667 гг.) / Отв. ред. : Л. С. Абецдарский, М. Я. Волков ; Гл. архивное упр. при СМ СССР. Центр. гос. архив древних актов. М-во высш., сред. спец. и проф. образования БССР. Беларус. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Минск : Высшая школа, 1963. – С. 333.

²⁴² Грамота царя с царского стана в Вязьме могилёвскому воеводе М. П. Воейкову об отпуске могилёвским мещанам по их челобитью оружия из Смоленска и Шклова. 17 января 1655 г. // Русско-белорусские связи : Сборник документов. (1570–1667 гг.) / Отв. ред. : Л. С. Абецдарский, М. Я. Волков ; Гл. архивное упр. при СМ СССР. Центр. гос. архив древних актов. М-во высш., сред. спец. и проф. образования БССР. Беларус. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Минск : Высшая школа, 1963. – С. 326–327.

²⁴³ Отписка витебского воеводы М. В. Шереметева на царский стан в Вязьме о принуждении поляками белорусских крестьян записываться в польское войско, о совместном походе русских ратных людей с витебскими мещанами против поляков в д. Хотимле Витебского уезда. 24 января 1655 г. // Русско-белорусские связи : Сборник документов. (1570–1667 гг.) / Отв. ред. : Л. С. Абецдарский, М. Я. Волков ; Гл. архивное упр. при СМ СССР. Центр. гос. архив древних актов. М-во высш., сред. спец. и проф. образования БССР. Беларус. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Минск : Высшая школа, 1963. – С. 327.

²⁴⁴ Там же.

как их называли, воевали против русских гарнизонов и «присяжной» (т. е. присягнувшей царю) шляхты.

Формирование отношений между представителями местной шляхты и пришедшими в Беларусь украинцами и русскими, а точнее – их отношения к украинцам и русским – в ходе развернувшегося конфликта довольно чётко прослеживается на примере Константина Поклонского.

По мнению ряда исследователей, Поклонский намеревался создать из Беларуси «подобную Украине автономную единицу в составе Русского государства»²⁴⁵. Однако его чаяниям противостоял Хмельницкий²⁴⁶, который, как уже было сказано, стремился к инкорпорации белорусских земель в состав Гетманщины и ещё в 1649 г. заявлял о своём праве быть начальником над Войском Запорожским и над Белой Русью.

В июле 1655 г. проблемы Речи Посполитой серьёзно усугубились – шведский король Карл X Густав ввёл свои войска на её территорию. Начался, как эти события называли в польской литературе, «Шведский потоп» (1655–1660 гг.). Ещё до начала вторжения в Речь Посполитую шведский король наладил дипломатические отношения с Б. Хмельницким. Воспользовавшись ослаблением Речи Посполитой в войне с Россией и Гетманщиной, Швеция захватила Варшаву, Краков, ряд других польских городов. Польско-литовское государство оказалось на краю гибели.

Москва была очень обеспокоена успехами Швеции и, не желая её победы над Речью Посполитой, заключила с последней Виленское перемирие (24 октября 1656 г.), давшее ей возможность спастись от полного разгрома как на русском, так и на шведском фронте.

К лету 1658 г. Швеция исчерпала весь свой наступательный потенциал, и угроза с её стороны существенно уменьшилась. Это дало Речи Посполитой возможность использовать перемирие для подготовки к возобновлению войны с Россией.

В 1657 г. умер Богдан Хмельницкий. Гетманом Войска Запорожского был избран Иван Выговский, который попытался резко изменить внешнеполитический курс Гетманщины в сторону Речи Посполитой, чем в конечном счёте спровоцировал длительную гражданскую войну в Гетманщине, ставшую известной как «Руина» («Руина» – исторический термин, введенный казацким летописцем Самуилом

²⁴⁵ Кочегаров, К. А. Указ. соч. – С. 56.

²⁴⁶ Łatyszzonek, O. Białorusini / O. Łatyszzonek // Pod wspólnym niebem. Narody dawnej Rzeczypospolitej / red. M. Kopczyński, W. Tygielski. – Warszawa : Muzeum Historii Polski, 2010. – S. 49–50.

Величко для обозначения периода гражданских войн в Украине (1657–1687 гг.), характеризующегося распадом Гетманщины и общим упадком – А. К.). В сентябре 1658 г. Выговский подписал с поляками Гадячский договор, по которому Гетманщина под названием «Великое княжество Русское» входила в Речь Посполитую как составная часть, наделённая внутренней автономией²⁴⁷. Этот договор фактически означал переход «Великого гетмана княжества Русского» Выговского на сторону поляков в русско-польской войне. Это открыло для них новые военно-политические перспективы.

Переговоры между Россией и Речью Посполитой в Вильно, целью которых было подписание мирного соглашения и межевание границ между ними, имели, по сути, отвлекающий внимание русских характер. Переход на сторону Речи Посполитой Выговского позволил ей возобновить русско-польскую войну.

В 1660 г. Речь Посполитая перехватила стратегическую инициативу. В следующем, 1661 г., ситуация для России продолжала развиваться к худшему. Зимой, в результате восстания горожан, истребивших московский гарнизон, ею был потерян Могилёв. Летом – Борисов. В октябре русская армия потерпела поражение в битве на Кушликовых Горах (близ д. Кушлики, Полоцкий район). В ноябре 1661 г. пал Вильно, русский гарнизон которого во главе с воеводой князем Даниилом Мышецким полтора года держал оборону города, ожидая подхода русского войска. Однако тщетно. Вскоре из завоёванных ранее территорий в Великом княжестве Литовском под русским контролем оставались только Полоцк и Витебск. На заключительном этапе войны стало очевидным истощение сил противников. Их материальные и людские ресурсы были исчерпаны. Этим воспользовались крымские татары и турки, активизировав свои набеги на их земли. Это вынудило Речь Посполитую и Русское царство начать переговоры о мире, которые завершились подписанием 30 января (9 февраля) 1667 г. Андрусовского перемирия на 13,5 лет (по названию д. Андрусово близ Смоленска). России переходил Смоленск, а также земли, в период Смутного времени отошедшие к Речи Посполитой (Дорогобуж, Белая, Невель, Красный, Велиж, Северская земля с Черниговом и Стародубом). Польша также признала за Россией право на Левобережную Украину. Согласно договору, Киев временно, на два года, переходил Москве, но России удалось оставить его себе по Вечному миру 1686 г., выплатив Польше 146 тысяч рублей в качестве компенсации.

²⁴⁷ Гадяцкий трактат...

Под совместное управление России и Польши переходила Запорожская Сечь²⁴⁸. Речь Посполитая и Россия, несмотря на нерешённость многих вопросов и оставшиеся неудовлетворёнными претензии друг к другу, имели общих врагов – Швецию и Османскую империю. Поэтому Вечный мир можно рассматривать как основу польско-русского союза против Швеции во время Северной войны 1700–1721 гг. и против Османской империи в Великой Турецкой войне 1683–1699 гг. Русское царство, присоединившись в 1686 г. к Священной лиге, основанной римским папой Иннокентием XI в 1684 г., стало союзником целого ряда европейских государств, в том числе и Речи Посполитой. Русско-турецкая война 1686–1700 гг. являлась составной частью Великой Турецкой войны (Великая Турецкая война – военные конфликты между Османской империей и союзом христианских европейских государств (Священной лигой), куда входили Священная Римская империя, Речь Посполитая, Русское царство, Венецианская республика и Мальта в 1683–1699 гг. – А. К.), завершившейся заключением Карловицкого мира в 1699 г. Результатом её стало освобождение от турок большей части Центральной Европы и существенное ослабление их военной мощи.

Однако и для Речи Посполитой настали не лучшие времена. Её «золотой век» закончился. Это государство вступило в период серьёзного экономического и политического кризиса. Русско-польская война 1654–1667 гг. и участие в Великой Турецкой войне значительно ослабили её положение в Восточной Европе. Речь Посполитая уже не могла противостоять расширению влияния России и православной церкви на белорусские и украинские земли. Россию же, наоборот, ожидали большие перемены...

«Молох войны», хотя основные боевые действия и велись на территории Украины, опять нещадно прошёл по белорусским землям. Милосердия и великодушия по отношению к белорусам не проявлял никто. В лице украинцев, русских, литовцев, поляков предстали чужаки, принёсшие белорусам разорение, страдание, смерть. В ходе военных действий все они показали своё истинное лицо. В том числе и поляки, которыми следует в данном случае считать всех, кто воевал от имени Польши, защищая не только территорию Речи Посполитой, но и существовавший в ней государственно-политический строй, социальную иерархию, хозяйственный уклад, шляхетские сословные ценности и, конечно же, «святой костёл».

²⁴⁸ Андрусовское перемирие [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/3861440. – Дата доступа : 01.06.2023.

В 1655–1661 гг. на белорусских землях ВКЛ, как и в годы казацко-крестьянской войны, наблюдались все признаки гражданской войны. Наёмники Радзивилла и шляхта грабили и убивали крестьян. Особенно сильно досталось восточным поветам. В частности, в феврале 1655 г. литовские части полковников Лукомского и Лисовского прошли по ним, как по вражеской земле. Полоцкие воеводы сообщали: «А к Дисне, государь, и в Полоцкий уезд литовские люди приходят беспрестанно, и Полоцкой и Дисенской уезды воюют, хлебные запасы и сена возят, и крестьян мучают, и жгут, и в полон емлют, и деревни разоряют»²⁴⁹.

Такое отношение к тем, кого теоретически войска ВКЛ должны были защищать, можно объяснить не только необходимостью самообеспечения продовольствием, фуражом и т. д., но и тем, что с точки зрения властей ВКЛ присягнувшие русскому царю считались предателями²⁵⁰.

«Наступление шляхетского войска сопровождалось насилием, грабежом и избиением белорусского населения», – отмечает белорусский историк В. И. Мелешко. Жлобинский войт в середине октября 1654 г. оповестил жителей Могилёва, что «польское войско, как могло, наипаче же, укрепя великие загоны, нашествия мучительския чинят людем, рубят города и деревни от основания искореняют»²⁵¹. Тревожные вести о зверствах наступающего войска подтвердились от крестьян, бежавших из-за Березины.

В сентябре 1654 г. отдельные отряды польско-литовских войск проникли на левый берег Березины, где начали творить бесчинства. 23 сентября 1654 г. Поклонский доносил, что «ляхи, собравшиеся, на сее сторону реки Березины переправляются и крестьян православные веры в дву местех, в Бобруйску и Свислочи, по той стороне высекли»²⁵².

В самом начале русско-польской войны территория, по которой проходили русские рати, была уже опустошена, а шляхта бежала за Вислу «от внутренних врагов – казаков, крепостных крестьян и своих свинопасов»²⁵³.

Тем не менее, великий гетман литовский Януш Радзивилл решил воспользоваться ситуацией и отправил своих офицеров в зоны, охва-

²⁴⁹ Лобин А. Указ. соч.

²⁵⁰ Там же.

²⁵¹ Мелешко, В. И. Указ. соч. – С. 242–243.

²⁵² Там же. – С. 242.

²⁵³ Похилевич Д. Л. Крестьяне Слонимщины в XVI–XVII вв. и их борьба против феодального угнетения / Д. Л. Похилевич // Наукові записки Львівського державного університету імени Івана Франка. – Т. 17. Серія історична. – Вип. 4. – Львів : Вид-во Львівського ун-ту, 1949. – С. 148.

ченные крестьянским движением. Там они возглавили ряд крестьянских отрядов, заставляя крестьян пополнять ряды «шишей» под угрозой расправы²⁵⁴.

Движение «шишей» не было однородным. С их стороны наблюдались также выступления против шляхты и войск Речи Посполитой. Российские историки Алексей Лобин²⁵⁵ и Олег Курбатов²⁵⁶, которые оспаривают научную ценность книги Г. Сагановича «Невядомая вайна: 1654–1667», считают, что движение «шишей» нельзя рассматривать в отрыве от антишляхетских выступлений 1648–1653 гг., ибо их партизанские и диверсионные действия на территориях нахождения как русских, так и литовских войск, практически ничем не отличались. При этом они делают вывод, что некоторые «шиши» склонны были любого вооружённого воина в их оперативном пространстве рассматривать как врага, посягателя на их родную землю, опустошенную войной, голодом, чумой.

Чаще всего в качестве примера лесных «шишей», в равной степени нападавших на «своих», и «чужих», грабивших и тех, и других, приводят отряд Дениса Мурашки, контролировавший Минский и Ошмянский поветы²⁵⁷. Однако пример этот не кажется удачным. На роль патриота Мурашка явно не годится, т. к. являлся типичным показаченным. Уроженец Случчины Ян Цедровский, служивший Богуславу Радзивиллу, в своих мемуарных записях писал: «1657 года 14 марта. Мы претерпевали необычайные грабежи и наезды от наших собственных мужиков, полковником которых был гультай Денис Мурашка, основавший себе (*sedem belli*) притон в Каменце. Этот безбожный человек и его гультаи, не только мужиков и подданных наших, но и челядь бунтовали и в свой реестр вписывали, и были важнейшей причиной тяжкого голода и разброда всех мужиков. Потом, однако,

²⁵⁴ Мальцев А. Н. «Шиши» на Смоленщине и в Белоруссии в середине XVII в. / А. Н. Мальцев // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова : сборник статей / Академия наук СССР, Отделение истории, Археографическая комиссия ; [редакционная коллегия: В. А. Александров и др.]. – М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1967. – С. 280.

²⁵⁵ Лобин А. Указ. соч.

²⁵⁶ Курбатов О. А. Рецензия на книгу: Сагановіч Г. Невядомая вайна 1654–1667 [Электронный ресурс] / О. А. Курбатов. – Мінск, 1995 // Архив русской истории. – М., 2002. – С. 339–344. – Режим доступа : <http://www.snowforum.ru/forums/?action=view&board=history&id=712141>. – Дата доступа : 13.05.2023.

²⁵⁷ Пьянков А. П. Восстание Дениса Мурашки / А. П. Пьянков // Известия Академии наук БССР. – 1949. – №1. – С.43–50.

усмирились, когда их в Просовичах поколотили, где убито и моих несколько подданных, которые было погультайили»²⁵⁸.

Ещё в 1654 г. Денис Мурашка был сотником в одном из полков И. Золотаренко. Действовал так же, как и его соратники по грабежам, насилию, убийствам. В сентябре 1658 г., после того как Гетманщина раскололась, он открыто перешёл на сторону Речи Посполитой. Совместно с показаченным же шляхтичем, зятем Б. Хмельницкого, Иваном Нечаем и мозырским судьёй Самуэлем Оскерко боролся против царских воевод. Не лишним будет также сказать, что одним из предводителей «шишей» был также оршанский хорунжий Самуэль Кмитич, ставший прообразом Анжея Кмитица – главного героя романа-эпопеи Генрика Сенкевича «Потоп».

Польско-литовские власти втягивали белорусов в войну, которая им была не нужна. Но и отсидеться «в тихом углу» было невозможно – не было уже в Беларуси таких «тихих углов». Да и защищать панов белорусы не хотели. С. М. Соловьёв писал об этом, ссылаясь на источники: «Мужики очень нам враждебны, – пишут поляки, – везде на царское имя сдаются и делают больше вреда, чем сама Москва; это зло будет и дальше распространяться; надобно опасаться чего-нибудь вроде казацкой войны»²⁵⁹.

А. Лобин пишет, что в донесениях неоднократно указывалось, что крестьяне «бунтуются <...> и тешатся все из тое войны и говорят, что селяне заодно с Москвою»²⁶⁰. Он цитирует одно из писем из Вильно: «Неприятель (русские – А. Л.) этот здесь, в этих краях, берет большой перевес. Куда бы ни пришёл он, везде собираются к нему мужики толпами, и уже, как мне известно, десять уездов, где собиралось наиболее податей, обращено в ничто...»²⁶¹.

Как поступали польско-литовские власти в отношении бунтующих крестьян, тем более – имея опыт подавления мятежей в годы казацко-крестьянской войны, не трудно представить. Какие-то крупницы

²⁵⁸ Записная книга Яна Цедровского, собственноручно писанная, памятник исторический XVII века, найденный ксендзом Иосифом Мальшкевичем, магистром богословия, почётным корреспондентом Императорской публичной библиотеки [Электронный ресурс] // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. – М. : Университетская типография, 1855. – Кн. 23. – III. Смесь. – С. 24 – Режим доступа : https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/d/db/Временник_императорского_Московского_общества_истории_и_древностей_российских_Книга_23_1855.pdf – Дата доступа : 03.06.2023.

²⁵⁹ Соловьёв, С. М. Указ. соч.

²⁶⁰ Лобин, А. Указ. соч.

²⁶¹ Там же.

сведений в белорусско-литовских летописях об этом также есть, хотя понятно нежелание хронистов, связанных с шляхтой и магнатами, концентрироваться на страданиях простого народа. Так, например, «Могилёвская хроника» свидетельствует: «В этом же году (1655 – А. К.), а именно 2 мая, Радзивилл, приказав выжечь все предместья (Могилёва – А. К.), пустился наутёк и много людей разного состояния с собою в чужие земли забрал скитаться и все предместья опустошил, ограбил и обратил в руины»²⁶².

Ян Цедровский, на которого уже приходилось ссылаться выше, писал по этому поводу: «1658 года в январе. На силу уничтожилось поветрие, которое началось в октябре 1653 г., в это время зверь достаточно поживился телами людей»²⁶³.

В начальный период войны русские военные власти, выполняя указание царя, действительно проявляли в отношении белорусов снисходительность большую, нежели власти ВКЛ и, тем более, украинские казаки. Следствием этого стало принятие белорусами русской власти: «... не только простой народ, но и шляхта охотно присягали царю, особенно бедные люди, служивые иноземцы, которые не надеялись получить своего жалованья от Речи Посполитой»²⁶⁴.

Рассуждая о причинах, вынуждавших подданных ВКЛ, особенно шляхты, переходить на сторону Москвы, нельзя не согласиться с польским историком Конрадом Бабятыньским, что причиной перехода на сторону Алексея Михайловича была не классовая борьба, а военная ситуация и неспособность Речи Посполитой обеспечить защиту населения и лишь частично религиозный фактор²⁶⁵.

Но, довольно часто присягнувшие царю «белорусцы» нарушали «крестоцелование». Делали это и в частном порядке, как Поклонский, и целыми городами. При этом нарушители знали, что их может ожидать. Так, например, в июле 1654 г. князь Алексей Трубецкой «...город Мстиславль взял и высек, и выжег, а побил в нем болши пятадесяти тысяч (т. е. пятнадцати тысяч человек – А. К.)»²⁶⁶. Михаил Осипович Без-Корнилович в своём краеведческом сочинении «Примечательнейшие места в Белоруссии с присовокуплением и других сведений к ней же относящихся» писал: «Это убийство, в преданиях

²⁶² Магілёўская хроніка... – С. 291–292.

²⁶³ Записная книга Яна Цедровского... – С. 25.

²⁶⁴ Соловьёв, С. М. Указ. соч.

²⁶⁵ Бабятыньскі, К. Пазнач. твор.

²⁶⁶ Ткачоў, М. Старажытны Мсціслаў / М. Ткачоў, А. Трусаў. – Мінск : Полымя, 1992. – С. 22.

народных, называется резью (резнёй – А. К.) Трубецкого, а потомков граждан от ней уцелевших, жители называют Недосеками»²⁶⁷.

«Трубецкая резня» ничем не отличалась от упомянутой выше резни войсками Радзивилла своих соотечественников в Пинске, произошедшей ещё до начала русско-польской войны, по тому же поводу – за предательство.

«Могилёвская хроника» сообщает, что в 1659 г., после сдачи Быхова воеводам Долгорукову, Лабановскому и Змееву «весь люд в городе был высечен под корень»²⁶⁸.

Брест ожидала та же участь. Брестчане не просто изменили – они уничтожили русский гарнизон и отказались признать «вину» перед войсками князя Ивана Хованского. Захватив в январе 1660 г. город, ратники Хованского не только самым беспощадным образом истребили около 1700 человек (в живых осталось только 50 человек, которые были отправлены в плен в Москву – А. К.), укрывавшихся в замке, но и сбросили трупы в ров, выразив своё презрительное отношение. В этнографии это известно, как похороны «заложных покойников»²⁶⁹.

Термин «заложные» впервые был использован в научной литературе русским и советским этнографом Дмитрием Константиновичем Зелениным. Он означает смерть «вредоносных» людей (в данном случае – «изменников и убийц») и отражает особый способ их погребения: их не закапывали в землю, а «закладывали» кольями, ветками, досками, оставляя на поверхности земли. Считалось, что мать-земля тела отступников от крестоцелования принять не может²⁷⁰.

В сентябре 1660 г. только могилевчане сохраняли верность Алексею Михайловичу. Они внесли существенный вклад в успешное отражение польско-литовской осады Могилёва. Однако в конце 1660 – начале 1661 г., т. е. спустя шесть лет нахождения города под властью русского царя, отношение могилевчан к ней изменилось. В их среде зрело недовольство тяготами войны и возник заговор, целью которого была сдача Могилёва войскам Яна II Казимира. Восстание бы-

²⁶⁷ Без-Корнилович, М. О. Примечательнейшие места в Белоруссии с присовокуплением и других сведений к ней же относящихся / М. О. Без-Корнилович. – СПб. : Типография III отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1855. – С. 190.

²⁶⁸ Магілёўская хроніка... – С. 292–293.

²⁶⁹ Зеленин, Д. К. Древнерусский языческий культ «заложных» покойников [Электронный ресурс] / Д. К. Зеленин // Известия Академии Наук. – 1917. – Т. 11. – Вып. 7. – С. 406–407, 409–410. – Режим доступа : <https://www.mathnet.ru/links/bb7cdcb0c35f15b2c47752ecc138e99a/im6068.pdf>. – Дата доступа : 05.06.2023.

²⁷⁰ Там же.

ло намечено на 10 февраля. Накануне, по всеобщему уговору, хозяева домов, у которых квартировали царские служивые люди, должны были вынуть из их ружей кремни.

Но восстание вспыхнуло раньше – 1 февраля. «Могилёвская хроника» повествует: «И когда уже приходило время и час, бургомистр, несший под одеждой палаческий меч, увидел, как московцы отбирают пироги у городских пекарок, перекрестился и начал московцев рубить, а в это время ударили в братский колокол, начался крик, беспорядок, бой, война»²⁷¹. На звуки набата сбежались жители. Из тюрьмы были выпущены пленные поляки, которые присоединились к повстанцам. В результате напряжённого боя, продолжавшегося несколько часов, практически весь русский гарнизон был уничтожен. Отомстить за предательство «по горячим следам» русские не смогли. Их преследовали неудачи, большое влияние на которые оказали внутривосточные волнения в России – экономический кризис, медный бунт 1662 г., Башкирское восстание 1662–1664 гг. Царское правительство не смогло деблокировать русский гарнизон, в течение полутора лет оборонявший Вильно. Отбив пять приступов, 78 оставшихся в живых защитников крепости сдались врагу.

Русско-польская война на белорусских землях имела ещё один аспект, который нельзя оставить без внимания, т. к. прямым его следствием являлось развитие белорусско-русских связей, имевших чрезвычайно важное значение для будущего Беларуси и белорусов.

Российский и советский историк Юрий Владимирович Готье писал: «Походы московских войск в Литву сопровождались взятием в плен не только военных отрядов противника, но и мирных жителей сёл и деревень Белоруссии и Литвы <...> Особенно часто, по видимому, забирались малолетние, сироты, быть может оставленные, забытые бежавшим при приближении неприятеля населением»²⁷².

Долго длившаяся война повлекла привод в Русское царство многочисленных пленников-холопов. Неудивительно, что развилась торговля ими. Как правило, участь «живого товара» разделяли «изменники», т. е. жители изменивших царю поветов, нарушивших присягу. Вследствие нарушения «крестоцелования» они были поставлены вне закона: убить, продать или оставить у себя «на дворе» такого пленника мог решать по своему усмотрению их владелец – русский ратник.

²⁷¹ Могилёвская хроника... – С. 243.

²⁷² Готье, Ю. Замосковский край в XVII в. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси / Ю. Готье. – М. : Типография Г. Лиснера и Д. Совко, 1906. – С. 291.

Таких пленников охотно скупали восточные купцы для отправки в мусульманские страны. Ю. Готье писал, что эта торговля, приняв большие размеры, вероятно, приводила к настолько заметным злоупотреблениям, что вызвало очень строгую правительственную реакцию: 27 мая 1665 г. вышел указ, которым строжайше запрещалось продавать литовских пленников восточным купцам, кызылбашам и горским черкасам, а площадным подьячим Ивановской площади писать крепости на такие продажи²⁷³.

Прибывали белорусские крестьяне в Россию и в качестве переселенцев, ища спокойной жизни на новых землях. Так, в мае 1657 г. боярин Б. И. Морозов, владеец сел Павловское, Иславское, Котельниково с деревнями в Московском и Звенигородском уездах, призвал на свои опустошенные эпидемией земли «белорусцев крестьян и ссуду им дал». В 29 селений боярина было переселено «свыше 1150 православных из ВКЛ белорусов мужского пола»²⁷⁴. Хотя сам Готье считал необходимым понизить эту цифру, поскольку в неё было включено некоторое количество местных людей, женившихся на белорусах²⁷⁵.

А. Лобин утверждает, что белорусские ремесленники и мастера занимали особое место среди переселённых. Поскольку во время эпидемии 1654 г. в Москве умерло большинство специалистов каменного, золотых и оружейных дел, царь Алексей Михайлович приказал переселить из присягнувших областей искусных ремесленников, наделив их дворами и жалованием. В 1660–1670-х гг. в Золотой, Серебряной, Мастеровой и Оружейной палатах трудились порядка 80 белорусов. Несколько человек, находясь в ведении Приказа Каменных дел, строили церкви и дома²⁷⁶.

Опасаясь репрессий за свои симпатии к русским и за присягу русскому царю, люди разных чинов и званий переселялись в Россию. Среди них был, в частности, ставший впоследствии известным как духовный писатель, поэт и богослов Симеон Полоцкий (Самуил Гаврилович (или Емельянович) Петровский-Ситнианович), ряд других видных деятелей, причём не только белорусско-литовского происхождения²⁷⁷.

Говоря об этнической принадлежности пленников и беженцев из Беларуси, источники, как пишет Ю. Готье, чаще всего называют их

²⁷³ Готье, Ю. Указ соч. – С. 295.

²⁷⁴ Там же. – С. 294.

²⁷⁵ Там же.

²⁷⁶ Лобин, А. Указ. соч.

²⁷⁷ Кулецкий, М. Лях и москаль – заклятые друзья. Носили ли войны Речи Посполитой с Москвой в XVII веке этнический характер? / М. Кулецкий // Родина. – 2001. – № 1–2. Темат. вып. «Славянский мир». – С. 79–83.

поляками и литвинами, но на самом деле пленниками из тяглых слоёв населения ВКЛ, поступавших в Москве в холопы и крестьяне, а равно и в добровольных переселенцах, оседавших в дворцовых сёлах следует видеть белорусов; в некоторых случаях, как, например, в описании сёл боярина Морозова, они так и называются. В других же об этом свидетельствуют косвенные данные, вроде того, из каких мест они прибыли или где родились. Что же касается шляхты, то она была представлена всеми национальностями, населявшими Речь Посполитую²⁷⁸.

Добровольное переселение белорусов продолжалось и после войны. В переписных книгах дворцовых сел, например, Можайского уезда 1670-х гг., встречаются «выходцы» (т. е. свободно вышедшие) Оршанского и Витебского поветов. К переселённым крестьянам, холопам и бобылям относились в России так же, как и к своим русским «православной веры».

Рассматривая события казацко-крестьянской войны 1648–1651 гг., русско-польской войны 1654–1667 гг., «Шведского потопа» (1655–1660 гг.), «Руины» (1657–1687 гг.) в контексте социальных отношений, следует отметить, что в условиях того времени грабили и убивали все, в том числе и русские.

Но вряд ли стоит искать в преступлениях (грабежах, насилии, убийствах), совершаемых царскими воеводами и их ратниками, какую-то ксенофобскую подоплёку. Русско-белорусские отношения были далеко не простыми. И это не удивительно. «Притирка» длилась долго. Привычный социальный и государственно-политический уклад не мог быть переформатирован быстро. Ещё медленнее шла перестройка мышления белорусов, которые оказались в геополитических жерновах. Во многом всё стало зависеть от процессов усиления Российского государства, а также ослабления и развала Речи Посполитой.

Таким образом, в ходе борьбы украинцев, поляков и русских за свои интересы в Беларуси все они, хотя в разной степени и по-своему, воспринимали белорусов как чуждый им элемент. Ощущение и осознание этого белорусами стало главным фактором развития их этнического самосознания. Не понимая пока ещё своей этнической уникальности и не осознавая себя отдельным народом, они смогли хорошо прочувствовать, что пассионарные соседи – поляки, украинцы и русские – на деле их своими не считают. Своими они считали только белорусские земли.

²⁷⁸ Готье, Ю. Указ. соч. – С. 297–298.

В конечном счёте белорусы выяснили для себя, что они не являются ни русскими, ни украинцами, ни, тем более, поляками. В ситуации конфликта стало очевидным, что все его участники, борясь за белорусские земли, не воспринимали белорусов как сторону, имеющую интересы, с которыми следует считаться, и даже более того – вообще не брали их в расчёт. В ходе ведения боевых действий комбатанты так или иначе противопоставили себя белорусам, демонстрируя чуждый им стиль поведения и менталитет, совершая в отношении их преступления. Представления белорусов о родстве с теми, кто пришёл на их землю воевать друг с другом, уступили место осознанию того, что в их лице они имеют дело с чуждыми, враждебными силами. Конечно, это не означало, что в развитии этнического самосознания белорусов сразу же произошёл скачок. Однако можно утверждать, что объективно, ввиду появившейся определённости в системе координат «свой–чужой», были созданы условия, в которых катализировался процесс их этнической самоидентификации, со всеми вытекающими из этого следствиями.

«Чужие» в ходе отражения их деятельности в восприятии белорусов не только обретали соответствующие каждому из них стереотипные черты, безусловно негативные, – они характеризовались, сопоставлялись друг с другом, оценивались. Главными «чужими» для белорусов в тот исторический момент стали украинцы. Они пришли в Беларусь как освободители от польской (ляшской) неволи. Как и русские, они говорили о воссоздании державы Русской. Но, в отличие от последних, они имели ввиду не Русское царство, а Гетманщину. Лишь необходимость спасения нового государства от гибели заставила Б. Хмельницкого искать помощи русского царя.

Поскольку присутствие русских войск и украинских казацких отрядов на белорусских землях являлось фактором форс-мажорным, приходилось с этим считаться, «предпочитая» в качестве силы «опекающей и защищающей» того из них, от кого, как представлялось, исходила наименьшая опасность. В контексте сложившейся конкретной военно-политической ситуации того времени – власть того, кто мог обеспечить более надёжную защиту, чем другие, связав её с более понятными обязательствами. Не последнюю роль в этом играли соображения экономической целесообразности и связанных с нею перспектив. На эту роль был только один кандидат – Русское царство. Поэтому и восприятие белорусами русских существенно отличалось от восприятия украинцев. При этом можно говорить сразу о двух образах русских. Первый из них существовал и раньше – образ простого человека – крестьянина, ремесленника, купца, священника. Другой же, но-

вый образ, являлся образом служилого человека – «москаля», который ассоциировался с русским государством, установленными им законами, порядками, правилами. Первый из них являлся этническим гетерообразом, второй же таковым не являлся. Это был социальный портрет «государева человека», имеющий определённую связь с существовавшим в восприятии белорусов образом русских.

Помимо того, что русский фактор катализировал процесс развития этнического сознания белорусов, в ходе русско-польской войны 1654–1667 гг. он спровоцировал поляков на действия в отношении белорусов, представившие их в глазах последних в новой, негативной ипостаси. Эти действия никоим образом не содействовали тому, чтобы рассматривать поляков в качестве защитников, не говоря уже о восприятии их как «своих».

4 ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ В ВОСПРИЯТИИ БЕЛОРУСОВ ОБРАЗА ПОЛЯКОВ В XVIII – ВТОРОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

4.1 Стагнация в развитии образа поляков в XVIII – первой трети XIX века и её причины

Анализируя особенности развития в восприятии белорусов образа поляков в XVIII – начале XIX в., нельзя не коснуться ситуации, которая сложилась в восточноевропейском регионе в последней трети XVII в., в период правления в Речи Посполитой Яна III Собеского (1674–1696 гг.), ознаменовавшийся затяжными войнами с Османской империей. Блистательная победа «короля-сармата» над 200-тысячным войском Кара Мустафы-паши, визиря султана Мехмеда IV Авджи, которое в ходе Великой Турецкой войны осадило Вену, не только прославила его имя, но и выставила Польшу в образе спасительницы европейской цивилизации от османской опасности и «цитадели католицизма» на востоке Европы. Ян Собеский прибыл к стенам города с 25-тысячной армией и в силу своего королевского статуса принял командование объединённым 75-тысячным союзным войском. 12 сентября 1683 г. это войско наголову разгромило турок в битве под Веной, положив предел их экспансии в глубь Европы.

Но за этим пиком начался спад. В последние годы правления Яна Собеского литовские магнаты, махнув рукой на то, что война с Османской империей всё ещё продолжалась, а польско-литовскому оружию перестал сопутствовать успех, начали выяснять отношения друг с другом. В этих условиях, надеясь обрести могущественного союзника в борьбе с османами, Ян Собеский пошёл в 1686 г. на заключение «Вечного мира» с Россией, отказавшись ради этого от претензий на Киев.

После смерти короля в ВКЛ дело дошло до гражданской войны между усилившимися Сапегами и коалицией, составленной конкурирующими магнатскими родами Вишневецких, Радзивиллов, Огинских и Пацов. В итоге в 1697 г. королевский трон занял чужеземец – курфюрст Саксонии Фридрих Август I, принявший даже ради этого католичество. Август II Сильный, как его стали называть в Речи Посполитой, в целях усиления королевской власти пытался провести внутренние реформы, однако они закончились провалом. После вторжения Карла XII в Польшу в 1702 г. и ряда тяжёлых поражений Августа II

часть шляхты перешла на сторону шведского короля. В 1703 г. переметнувшимися была образована Великопольская (с февраля 1704 г. – Варшавская) конфедерация, которая в 1704 г. низложила Августа II, объявив период бескоролья.

Россия, которая являлась союзником Речи Посполитой в Северной войне 1700–1721 гг. против Швеции, воспользовалась её ослаблением и усилила своё влияние в регионе: в результате заключения Нарвского договора между Августом II и Петром I в 1704 г. русская армия заняла Полоцк, превратив его в форпост своего дальнейшего продвижения на запад.

Оставшаяся верной Августу II часть польской шляхты в мае 1704 г. объединилась в Сандомирскую конфедерацию. Дело шло к гражданской войне. Карл XII, возводя на трон Речи Посполитой Станислава Лещинского, сделал её неотвратимой...

В гражданской войне 1704–1706 гг. Станиславу Лещинскому, за спиной которого стоял Карл XII, противостоял свергнутый король Речи Посполитой, а в тот момент – саксонский курфюрст Август II, являвшийся союзником Петра I. Вполне логично, что одним из следствий победы русской армии над шведами в Полтавском сражении 1709 г. стало возвращение Августа II на польский престол, который Лещинский покинул. Речь Посполитая снова вступила в войну на стороне антишведской коалиции.

Стремление Августа ограничить своеволие шляхты и магнатории, а также присутствие саксонских войск на территории Речи Посполитой стало поводом для образования в Королевстве Польском Тарногородской конфедерации, выступившей против короля. То же самое происходило и в Великом княжестве Литовском. Конфликт был улажен при посредничестве России на так называемом «Немом сейме» в 1717 г.²⁷⁹ Шляхта признала Августа II своим королём, но при условии очень серьёзных ограничений королевских полномочий. Кроме того, посредничество Петра I в конфликте между королём и шляхтой превратило недавнего союзника Августа II, по сути, в вассала Петра I. Российская империя, заинтересованная в дальнейшем ослаблении Речи Посполитой, использовала все имеющиеся рычаги для дестабилизации положения в ней²⁸⁰.

²⁷⁹ Грыцкевіч, А. Аўгуст II Моцны (1670–1733) [Электронны рэсурс] / А. Грыцкевіч. – Рэжым доступу : <https://web.archive.org/web/20200613115050/http://jivebelarus.net/history/faces/Augustus-II-the-Strong.html>. – Дата доступу : 08.06.2023.

²⁸⁰ Там же.

На фоне политической нестабильности падал уровень благосостояния населения Речи Посполитой. Воинственный прежде дух её «лучших сынов» – польских шляхтичей – пребывал в угнетённом состоянии.

В период правления сына Августа II, Августа III (1734–1763 гг.), началась полная анархия: шляхта активно срывала сеймы, происходили захваты земли мелких землевладельцев их более сильными «собратьями», прекратились законотворчество и законодательная деятельность, невозможным стал контроль финансов и сбор податей, рушились шляхетские устои и традиции, падали нравы.

После смерти Августа III корона Польши досталась Станиславу Понятовскому, выдвинутому кандидатом на трон Речи Посполитой партией Чарторыйских. Активнейшая поддержка Екатерины II привела к тому, что именно он стал последним королём польским и великим князем литовским под именем Станислав II Август (1764–1795 гг.).

Деятельность нового короля, направленная на стабилизацию положения в государстве, вполне предсказуемо вызвала сопротивление шляхты. С 1767 г. шляхетские группировки, поддерживаемые Россией и Пруссией, стали объединяться в конфедерации. «Кардинальные права», гарантирующие шляхетские свободы и привилегии, подтвердил так называемый Репнинский сейм (назван так по имени представителя Екатерины II Н. В. Репнина, фактически диктовавшего решения – А. К.), работа которого проходила в конце 1767 – начале 1768 г. Однако, провозгласив уравнение в правах православных и протестантов с католиками, сейм вызвал недовольство консервативной части шляхты, и так донельзя раздражённой пророссийской ориентацией короля. Объединившись в Барскую конфедерацию (создана католической шляхтой по призыву краковского епископа Каэтана Солтыка 29 февраля 1768 г. в крепости Бар в Подолии для защиты самостоятельности Речи Посполитой – А. К.), оппозиционеры подняли восстание. 26 марта 1768 г. Понятовский обратился к Екатерине II с просьбой о помощи, спровоцировав интервенцию России, следствием которой стал первый раздел Речи Посполитой в 1772 г. между Россией, Австрией и Пруссией.

В 1792 г. и 1795 гг. состоялись второй и третий разделы, которые привели к полной ликвидации польско-литовского государства.

Пресловутая польская демократия, являвшаяся по-сути шляхетской анархией, привела к тому, к чему и должна была в конце концов привести. Неизвестный поляк в 1794 г., накануне последнего раздела Речи Посполитой, писал своей сестре: «Скоро, любезная сестрица, мы перестанем быть поляками! Всевышняя судьба властна располагать нашей уча-

стью. Пускай послушание займёт место верности и усердия. Должно под притворным покровом послушания питать дух независимости»²⁸¹.

Трудно сказать, какими планами руководствовались Екатерина II и её правительство в отношении Польши, но вполне очевидно, что они не очень понимали, кто такие поляки. Как явствует из приведенного выше отрывка, приличных верноподданных (в традиционном русском понимании) из них не могло получиться по определению. Зависимость от любой власти, тем более от русской, противоречила польскому естеству. Однако всеобщий раздраз и анархия, в которых Польша (и Речь Посполитая в целом) пребывала веками, мог не иметь печальных для поляков последствий только в условиях отсутствия сильных соседей, для которых польские земли и сами поляки представляли бы интерес.

При этом нельзя не заметить, что, несмотря на исключительное самомнение «сарматов» о себе и своём отечестве, которое могло произвести впечатление разве что на их менее европеизированных восточных соседей, в том числе и белорусов, западные европейцы никогда не воспринимали поляков как равных. Ещё придворный поэт Генриха Валуа (под именем Хенрик Валезы являлся королём Речи Посполитой с 21 февраля 1573 г. по 18 июня 1574 г. (формально до 12 мая 1575 г.) – А. К.), Филипп Депорт (1546–1605 гг.), пробывший вместе с королём несколько месяцев в Польше, прощаясь с ней писал:

«Прощай, о Польша, край равнин безлюдный,
Под льдом и снегом спящий беспробудно!
С тобою я прощаюсь навсегда:
Твой воздух, нравы – всё мне так постыло,
Что возвратиться разве только силой
Меня заставит что-нибудь сюда.
Прощайте вы, о странные хоромы,
Курные избы с крышей из соломы,
Внутри которых люди и скоты
Нашли приют – одна семья большая, –
Златого века прелести вкушая,
Исполненные дикой простоты...»²⁸².

²⁸¹ Перевод с копии письма, писанного от 6 декабря 1794 г. Письмо неизвестного поляка к сестре о характере Репнина и об отношениях его к полякам // Сборник императорского Русского Исторического общества. – СПб. : Типография Майкова, 1875. – Т. 16. – С. 68–69.

²⁸² Депорт, Ф. Прощание с Польшей [Электронный ресурс] / Ф. Депорт. – Режим доступа : <http://ursa-tm.ru/forum/index.php?/topic/74634-netolerantnoe-stihotvorenje-o-polshe-xvi-vek/>. –Дата доступа : 08.06.2023.

Тем не менее, стремление поляков к интеграции в европейское культурное пространство, как бы их там не воспринимали, приносило свои плоды. В 30-х – 40-х гг. XVIII в. начинается период польского Просвещения. Расцвет его приходится на время правления короля Станислава II Августа, в том числе и благодаря личному его участию в культурной жизни. Однако после третьего раздела Речи Посполитой начинается упадок польского Просвещения и завершается он к началу 20-х гг. XIX в. Не вникая в особенности последнего, следует отметить, что оно привело, помимо прочего, к осовремениванию общественного и политического сознания шляхты Речи Посполитой, её отказу от идеологии сарматизма и основанной на ней культуры. Реформаторы, большинство которых происходило из шляхты, боролись за распространение равенства, идею которого они считали одной из основ своей культуры, на другие социальные классы. Идеалом шляхты, вместо прежнего христианского, в римско-католической редакции, стала религиозная терпимость. И хотя деятельность реформаторов была сорвана гражданской войной сторонников Конституции и Тарговицкой конфедерации 1792 г. и военным вмешательством России, закончившимся разделом Речи Посполитой, идеи польского Просвещения не только продолжали жить, но и во многом содействовали сохранению польской культуры в последующие десятилетия.

Помимо всяких иных, важных для развития образования и культуры учреждений, в целях расширения области знаний в 1800 г. было создано «Общество друзей науки». В шляхетской среде происходил отказ от религиозного миропонимания и обращение к разуму, как к единственному критерию познания человека и общества. Впервые в истории был поставлен вопрос о практическом использовании достижений науки в интересах общественного развития. Учёные нового типа стремились распространять знание, популяризировать его. Оно должно было выйти из владения некоторых посвящённых и привилегированных, и стать предметом общественных дискуссий и общественной коммуникации.

Тем не менее, несмотря на начавшийся процесс рационализации польского общественного сознания, оно продолжало оставаться мифологизированным. Объяснения этому следует искать в особенностях польского национального характера и менталитета. Место старых мифов стали занимать мифы новые... Вместо сарматского мифа стал рождаться миф о поляках – прирождённых борцах против всякой тирании и деспотии, самоотверженных защитниках свободы и демократии. Начало рождения этого мифа было связано с участием поляков на стороне Франции в Наполеоновских войнах.

Разделы Речи Посполитой, которые привели к исчезновению этого государства с политической карты Европы, стали настоящей трагедией для польского народа. Он переживал один из самых драматических периодов своей истории. Потому Наполеон Бонапарт, успешно сражавшийся с поработителями поляков, воспринимался ими как символ свободы, избавитель от тирании, союзник и покровитель, обучавший их «науке побеждать».

Наполеон, прекрасно разбиравшийся в человеческой психологии, сумел направить энергию польского народа в нужное ему русло: разбив войска российско-прусской коалиции под Аустерлицем, а затем под Прейсиш-Эйлау, и заключив с Александром I в 1807 г. Тильзитский мир, он создал из польских территорий, входивших в состав Пруссии, Великое герцогство Варшавское, в котором польской была разве что армия. Сами поляки шутили по этому поводу: «Княжество Варшавское, король саксонский, армия польская, монета прусская, кодекс французский»²⁸³. Шутка эта не была лишена оснований – Великое герцогство Варшавское было несамостоятельным и управлялось из Парижа. Но, тем не менее, это был шаг к восстановлению польской государственности.

В результате, в лице поляков Наполеон получил верных ему солдат, готовых умереть по первому его слову. Однако дело не только лишь в создании им видимости восстановления польской государственности. Романтический миф вокруг личности Наполеона Бонапарта поляки начали создавать намного раньше.

В июле 1797 г. генерал Бонапарт, командовавший французской армией, сражавшейся в Италии, дал согласие на создание польских легионов из эмигрантов-поляков. Гимном поляков, сражавшихся на стороне революционной Франции, стала «Песня польских легионов в Италии» (знаменитая «мазурка Домбровского»). В 1927 г. она стала официальным гимном Польши и остаётся им по сей день. В песне упоминался Бонапарт, показавший полякам, как одерживать победы. Инициатор создания польских легионов – генерал Ян Домбровский – полагал, что поляки вместе с французами разобьют австрийцев и русских, а затем начнут наступление на Варшаву и отвоеуют независимость²⁸⁴. Но планам этим не суждено было сбыться.

²⁸³ История XIX века в 8 т. Том 2. 1800–1815 годы / под ред. Э. Лависса ; сост. А. Рамбо ; под общей редакцией Е. В. Тарле. – М. : Издательство Юрайт, 2020. – С. 38.

²⁸⁴ Белов, И. Мы все глядим в Наполеоны... Наполеон Бонапарт и польская литература [Электронный ресурс] / И. Белов. – Режим доступа : <https://culture.pl/ru/article/my-vse-glyadim-v-napoleony-napoleon-bonapart-i-polskaya-literatura>. – Дата доступа : 13.04.2022.

Творцами наполеоновской легенды и создателями культа Бонапарта в польской литературе по праву считаются поэты-романтики, в первую очередь Адам Мицкевич. Образ Наполеона, показавший, как миф способен побеждать реальность, был для них сущей находкой. Атмосфера патриотического подъёма, возникшая накануне и в начале Русской кампании Наполеона 1812 г., как её называют во французской историографии, вдохновила на участие в ней около ста тысяч поляков – почти каждый четвертый солдат в армии Наполеона говорил по-польски²⁸⁵. Бонапарт не без пропагандистского умысла объявил эту кампанию «Второй польской войной».

Атмосферу патриотического воодушевления передаёт А. Мицкевич в 11-й книге своей эпической поэмы «Пан Тадеуш», написанной в 1832–1834 гг.:

«Любуется народ героями своими, –
Свободны земляки, блещут на них мундиры;
По-польски говорят солдаты, командиры!

<...>

О братья! Нам ксендзом объявлено с амвона,
Что вольною теперь считается Корона,
И с Польшею уже Литва соединилась,
И созван общий сейм, как в старину водилось»²⁸⁶.

Поэт был свидетелем того, как в его родной Новогрудок входили войска Наполеона, как их встречала местная шляхта и как молодые люди рвались записаться в почти полумиллионную многонациональную армию:

«Хватает молодёжь оружие в жажде битвы,
А женщины творят с надеждою молитвы,
Все шепчутся в слезах, с восторгом умилённым:
«С Наполеоном бог, и мы с Наполеоном»²⁸⁷.

Поход в Россию закончился трагедией. Поляки обманулись в своих ожиданиях. Наполеону изначально они были нужны лишь в качестве «пушечного мяса», а Польша – как очаг постоянной напряжённости у границ России. Он вовсе не хотел восстанавливать независимое польское государство. Поэтому, когда Александр I предложил ему подписать конвенцию, по которой Франция официально

²⁸⁵ Белов, И. Указ. соч.

²⁸⁶ Мицкевич, А. Пан Тадеуш [Электронный ресурс] / А. Мицкевич. – Режим доступа : <https://avidreaders.ru/read-book/pan-tadeush.html?p=11#h12>. – Дата доступа : 13.06.2023.

²⁸⁷ Там же.

обязывалась никогда не восстанавливать независимой Польши, Бонапарт охотно на это пошёл²⁸⁸.

Однако поляки не желали этого видеть. Одержимые мессианским культом Наполеона, они шли за ним, невзирая на объективную реальность. Многие в этом объясняются природной склонностью поляков к романтизации и мифологизации. Мицкевич, в частности, мало интересуясь Бонапартом как живой личностью, видел в нём символ борьбы за независимость Польши. Он сравнивал Наполеона с Христом, а поле битвы при Ватерлоо называл «Голгофой современной Европы»²⁸⁹.

С именем А. Мицкевича связано развитие польского мессианизма – специфически польской философии, для которой характерно, помимо прочего, общее мнение, что польский народ обладает выдающимися способностями, которые особым образом отличают его от прочих народов мира. Польша же трактовалась как Иисус, призванный спасти и объединить грешников, то есть остальные народы Европы. Следует отметить, что первые зачатки мессианизма проявлялись уже в философии сарматизма, утверждавшей, что польский народ должен был сыграть особую роль в истории мира, а Речь Посполитая – быть оплотом христианства, убежищем свободы и житницей Европы.

Идеи польского мессианизма А. Мицкевич развил в своём художественно-публицистическом сочинении «Книги польского народа и польского пилигримства»²⁹⁰. Суть их состояла в том, что поляки призваны были участвовать во всеобщей войне за свободу народов, воскресение которых должно привести к воскресению Польши.

Теоретически шла речь и о белорусском народе, который, чтобы он окончательно не исчез, необходимо было вывести на путь национально-культурного возрождения, а потом уж, с точки зрения польского культуртрегерства, можно было бы, видимо, ставить вопрос и об его этнополитическом развитии.

Разумеется, пассионарность поляков и их побуждение к культуртрегерству в отношении белорусов (равно как и в отношении украинцев) были теснейшим образом связаны со стремлением и дальше вести борьбу против России, но, на этот раз, уже на новом фронте – идеологическом и культурном.

²⁸⁸ Искюль, С. Н. Русско-французская конвенция 1810 г. о судьбе Польши и русско-французские отношения / С. Н. Искюль // *Roczniki Humanistyczne*. – 2020. – Т. LXVIII. – З. 2. – С. 27.

²⁸⁹ Белов, И. Указ. соч.

²⁹⁰ Mickiewicz, A. *Księgi narodu polskiego i pielgrzymstwa polskiego* / A. Mickiewicz. – Paryż : Drukarnia A. Pinard, 1832. – 123 s.

Разумеется, эти воистину революционные перемены в мировоззрении касались только представителей просвещённой элиты польского общества и тех, кто склонен был воспринимать их идеи. Что же касается менталитета остальной его части, тем более простонародья, здесь сложно было ожидать быстрых перемен.

Ещё недавно польская шляхта, вдохновляемая идеологией сарматизма, считала себя избранным народом, а созданный ею государственно-политический строй – наилучшим в мире и нерушимым, ибо он был определён богом. Сарматизм определял стиль шляхетской жизни, моду, вкусы. Зацикленные на своей исключительности, шляхтичи-«сарматы» в упор не видели тех, кто стоял за рамками их сословия, в том числе и хлопов «кресов литовских» – белорусов.

Успешно прошедшая полонизация белорусской части шляхты Речи Посполитой, как уже говорилось выше, не означала, однако, полного отрыва её представителей от белорусских корней. В быту, в общении с простыми людьми, многие из них пользовались местным наречием, понятным всем. Этим наречием худо-бедно владели и жившие на белорусских землях поляки, что являлось закономерным результатом культурной диффузии. Владение языком местного населения, знание его традиций, уклада жизни, позволило избежать нежелательного восприятия «тутэйшим» населением «кресовой» шляхты как совершенно чуждого для него элемента.

Поскольку у белорусов были проблемы с этнической самоидентификацией, несомненно, были проблемы и с идентификацией чужаков. И, прежде всего, механизм идентификации не срабатывал в случае, когда приходилось иметь дело с представителями «кресовой» шляхты. Зато он срабатывал довольно эффективно, когда приходилось иметь дело, например, с этнически и религиозно чуждыми евреями. И тут у белорусов и поляков появлялось место для образотворческого (и не только) сотрудничества.

Памятники устного народного творчества белорусов свидетельствуют, что польский (или считавшийся поляком) шляхтич был колоритной фигурой в белорусской деревне. Но белорусы видели в нём не представителя другого, чуждого и, тем более, враждебного этноса, а, прежде всего, подходящий объект для острот, персонаж для сказок, забавных историй, анекдотов, пословиц и поговорок²⁹¹.

²⁹¹ Князь Радзівіл Каханко // Сержпутоўскі, А. К. Казкі і апавяданні беларусаў Слуцкага павета / А. К. Сержпутоўскі. – Мінск : Універсітэцкае, 2000. – С. 171–172 ; Мужык, пан і ксёндз // Там же. – С. 69 ; Пану навука // Там же. – С. 116–119.

А. К. Сержпутовский, например, приводит сказку «Як чорт тапіў паноў», в которой паны не выступают как абсолютно чужие люди, в противоположность своему же брату-мужику, побывавшему в солдатах, «москалях», и ставшему потому москалём (= чёртом). В ней отчётливо выражает себя понимание анонимными авторами сказки того, что Москва (= Россия) и всё, что связано с ней – внешнее по отношению к местному миру, частью которого является и неопределённой этнической принадлежности шляхтич – пан, выдающий себя за поляка²⁹².

Даже в стрессовой ситуации, когда, чисто теоретически, на стереотипное восприятие белорусскими хлопами поляков должен был воздействовать фактор этнической неприязни, на деле этого не было. Утверждать обратное, во всяком случае, не позволяют источники.

Например, в материалах архива Радзивиллов (Главный архив древних актов в Варшаве) есть жалоба жителей деревни Уречье на некоего поручика Брзовецкого (фамилия красноречиво говорит об его этническом происхождении), адресованная владельцу деревни, и датированная 1774 г. Из неё явствует, что Брзовецкий избивал тех сельчан, которые не могли ему услужить, отбирал у женщин обеды, которые они носили своим мужьям на сторожевые. Рассказывается также о совершённом им тяжком преступлении – убийстве несовершеннолетнего парня: «Как дал обухом (Брзовецкий, А. К.), так он [парень] тот же день истёк кровью»²⁹³.

Как видно из текста данной жалобы, её составители даже не пытались искать объяснения звериной жестокости Брзовецкого в его национальном характере. Хотя логично было бы предположить, что именно это должно было прийти им в голову в первую очередь в ситуации существования напряжённости в межэтнических отношениях. Речь шла в данном случае просто о распоясавшемся преступнике, державшем в страхе всю деревню.

Судя по всему, в восприятии белорусов до разделов Речи Посполитой негативный образ поляков ещё не сложился, хотя эмоционально-психологическая основа такого образа – предвзятое отношение к ним – уже сформировалась. Поляки, не раскрыв пока ещё весь свой потенциал, не стали для белорусов фрустрирующим фактором. Но изменения в этой сфере являлись лишь делом времени. Прежде всего потому, что поляки в условиях развала Речи Посполитой и, тем более, после её гибели, постепенно переставали ассоциироваться с государ-

²⁹² Як чорт тапіў паноў // // Сержпутоўскі, А. К. Казкі і апавяданні беларусаў Слуцкага павеата / А. К. Сержпутоўскі. – Мінск : Універсітэцкае, 2000. – С. 218–221.

²⁹³ Prośby i skargi robotników i włościan // AGAD. – Dz. XIX. U. VII.18. L. 18–19.

ственной властью, с «панскими» законами и порядками. Гибель Речи Посполитой не явилась для белорусов темой для болезненных переживаний, предметом скорби. Сказалась традиция, культивируемая в своё время самими поляками. Вопросы политики были предметом заботы представителей политического народа-шляхты и не должны были интересоваться «хлопов». Они ими и не интересовались.

Без участия, хотя и с вниманием, белорусы смотрели на то, как рушится старый уклад жизни, как многие из прежних её хозяев, шляхтичей, деградируют, опускаясь на социальное дно, особенно в результате пересмотра российскими властями статуса шляхты в 1831–1834 гг. «Але як ён ні круціўся, – гаворит о Петровском, главном своём герое сказка «Дваранін» (из собрания А. К. Сержпутовского) – да-такі да ліха дажыўся, як тыя палякі, што ні хлеба, ні табакі»²⁹⁴.

И хотя, судя по всему, Петровский не был этническим поляком, он полностью разделил судьбу тех, к кому себя причислял: «З ласкі боской естэм пан..., радавіты шляхціц да патопу да прзытым і дво-жанін гэрольдэм утвездзаны»²⁹⁵.

Фольклорный персонаж – люмпенизированный шляхтич – не был фантазийным. Он был в высшей степени реален. Как утверждает И. Сикорска-Кулеша, на протяжении двух последних веков существования Речи Посполитой доля наиболее беднейшей шляхты на «кресах» достигала 90 % от общего числа членов этого сословия²⁹⁶.

В первой трети XIX в. в российских правительственных статистических документах фигурируют, в частности, три категории мелкой шляхты: «на частной службе», «сидящая на чинше» и «околичная», имевшая собственные земли. Использовались и другие определения, образованные, например, от характерных черт мелкошляхетского владения (шляхта загородовая, загоновая, линдовая) или специфических внешних особенностей, типичной одежды (ходачковая (chodaki, польск. – постолы), босая, луковая, шаранчковая (szary, польск. – серый, хотя возможна и другая трактовка – szarańcza, польск. – саранча, перен. тьма, туча), сермяжная). Значительной по численности группой шляхты была шляхта «недвижимого имущества не имеющая» (чиншевая, служебная и дворовая)²⁹⁷.

²⁹⁴ Дваранін // Сержпутоўскі А. К. Казкі і апавяданні беларусаў-палешукоў / А. К. Сержпутоўскі. – Мінск : Універсітэцкае, 1999. – С. 148–149.

²⁹⁵ Там же.

²⁹⁶ Sikorska-Kulesza, J. Deklasacja drobnej szlachty na Litwie i Białorusi w XIX wieku / J. Sikorska-Kulesza. – Warszawa : Ajaks, 1995. – S.11.

²⁹⁷ Ibid. – S. 12.

Естественно, российские власти, до разделов Речи Посполитой и вхождения белорусских земель в состав Российской империи не знавшие такого количества гербовых пахарей и слуг, решили навести понятный русскому дворянину и чиновнику порядок. Правда, произошло это уже после восстания 1830–1831 гг., когда изменилась сама сущность российской политики в «западнорусских» землях.

Термин «поляк», как и во времена существования Речи Посполитой, был лишён собственно этнического содержания. Однако с падением её он лишился и содержания политического. Российские власти стремились к политико-государственной ассимиляции проживавших на белорусских землях поляков. Но общественно-политическая и культурная деятельность местной шляхты до восстания 1830–1831 гг. не только не ограничивалась, но даже поощрялась российскими властями. В результате позиции польского языка и польской культуры в Беларуси даже усилились. Это действовало на белорусов дезориентирующе – создавалось впечатление, что польские паны и их порядки останутся и при российской власти. В этих условиях им приходилось (подсказывала народная память) быть осторожными в выражении чувств и мыслей, касавшихся поляков и всего того, что с ними было связано.

Но и поляки были вынуждены адаптироваться в новом формате своего существования на белорусских землях, интегрироваться в белорусскую этнокультурную среду. Разумеется, эта интеграция была вынужденной. Она выводила их из того привычного пространства, границы которого они ранее определяли сами. Теперь же эти границы приходилось раздвигать и нарушать, что, безусловно, содействовало не только сохранению поляками своих социально-экономических позиций на «кресах», но и развитию белорусско-польских отношений. Интересующиеся этнографической проблематикой на «кресах» польские писатели, публицисты, учёные, – прежде всего местные уроженцы, стали видеть в «кресовом» хлопке национальные особенности, отличающие его от этнического поляка, и описывать их в своих трудах.

Именно к этому периоду относится несколько характерных пословиц, опубликованных М. Федоровским:

- «Наша Польшча была даўней шмат больша»;
- «У нашай Польшчы ўсякі хоча быць большы»²⁹⁸.
- «Палякі былі гайдамакі: мала аб краю дбалі і таму прапалі»²⁹⁹.

Приведенные пословицы имеют весьма серьёзное отличие от приведённых ранее. Они содержат элемент оценки, не свойственной белорусскому фольклору. Как уже было сказано, проблема гибели

²⁹⁸ Federowski, M. Op. cit. – S. 240.

²⁹⁹ Ibid. – S. 214.

польского государства и утраты Польшей независимости не являлась для белорусов актуальной, равно как и поиск причин произошедшего. Поэтому вряд ли данные пословицы могли быть порождены их народным творчеством. К тому же они не зафиксированы белорусскими и российскими фольклористами. Сомнения, возникающие по поводу определения М. Федоровским указанных пословиц, оправданы тем обстоятельством, что к 20-м – 30-м годам XX в. процесс культурной ассимиляции польских мигрантов последней волны уже зашёл достаточно глубоко. Вполне возможно, что и принесённые ими ментальные образы, стереотипы или их элементы могли быть заимствованы местным населением, как это уже было ранее. Потому неудивительно, что даже признанные специалисты с трудом могли отделить белорусское от польского, не рискуя при этом ошибиться.

Таким образом, уход белорусской элиты в лоно польской культуры, самоустранение её из национальной культурной жизни, крайне отрицательно отразились на её развитии. В частности, был «заморожен» процесс создания белорусских национальных образов и стереотипов и, прежде всего, образа поляков. Однако то, что конструирование этого образа когда-то перестало интересовать представителей белорусской культурной элиты, ставших на путь полонизации, не означало полного его прекращения. В белорусской простонародной среде продолжал существовать и даже медленно развиваться негативный образ, который становился частью белорусского этнического мировосприятия. Сам факт присутствия на белорусских землях поляков не позволял ему утратить актуальность и исчезнуть. Но объектом стереотипизации и образотворчества были не только поляки, и даже главным образом не этнические поляки, а местные ренегаты, добровольно избравшие языковую и культурную полонизацию. Памятники белорусского фольклора содержат довольно много сатирических персонажей, изображающих такого рода «панов».

Не очень понятная белорусам политика русских властей в отношении поляков и польскости заставляла их воздерживаться от образных высказываний и характеристик в отношении них. Опыт предков и житейская мудрость подсказывали, что польский и русский «паны» всегда найдут возможность договориться, а белорус, если утратит бдительность и осторожность, при этом точно пострадает. Потому говорить о развитии в восприятии белорусов образа поляков в этот период не приходится.

4.2 Миграции поляков на белорусские земли в XVIII – второй трети XIX века: социальный состав мигрантов, особенности их включения в местную социокультурную среду

В XVI–XVII вв. присутствие в Беларуси так называемой «застянковой» или «загородовой» шляхты было весьма заметным. Её всерьёз затронул процесс ассимиляции, которому содействовало наличие в Беларуси небольшой, но равной шляхте по социальному положению прослойки местных бояр. Белорусский языковед, полонист и славист Вячеслав Леонтьевич Веренич писал по этому поводу: «Из комплекса этнолингвистических признаков, характеризующих польскую шляхту, наиболее устойчивыми оказались вероисповедание, национальная и сословная принадлежность; менее устойчивыми – языковые и этнографические особенности»³⁰⁰. Жители шляхетских околиц – «застянков» и появившихся на основе некоторых из них «шляхетских» деревень всегда считали себя поляками, ходили в костёл, сохраняли некоторые элементы «шляхетских» традиций. Польский язык использовался ими в качестве культового и репрезентативного социального диалекта. В обыденном же общении они пользовались языком местного населения, одновременно обогащая этот язык. Не менее успешным было освоение местных фольклорных традиций, которое в гораздо большей степени, нежели это было с языком, напоминало взаимообмен.

В конце XVII – XVIII в. и, в меньшей степени, в первые шесть десятилетий XIX в. в Беларусь устремляются новые волны польских мигрантов, представлявших собой низы польского социума. Среди них было немало мелких, так называемых «шаранчковых» шляхтичей из Мазовии. Многие из них осели, в частности, в Припятском Полесье, богатом дубовыми лесами. По заключению В. Л. Веренича, эти польские переселенцы были ассимилированы местным, т. е. белорусским, в его полесской разновидности, этническим элементом³⁰¹. Мигранты селились колониями и занимались выделкой клёпки в так называемых будах (производственных помещениях), расположенных близ лесных делянок, а то и на них самих. Жилые постройки

³⁰⁰ Веренич, В. Л. К историко-социологической характеристике польских переселенческих говоров в Полесье / В. Л. Веренич // Польские говоры в СССР : Исследования и материалы : в 2 ч. Ч. 2. / ред. В. В. Мартынов ; АН БССР. Ин-т языкознания им. Я. Коласа. – Минск : Наука и техника, 1973. – С. 131.

³⁰¹ Там же. – С. 134–135.

находились там же. Потому местные жители их называли «будниками» или «буцами». Бытовые условия жизни «будников» были схожи с условиями жизни автохтонного населения – полешуков. Однако переселенцы, в отличие от последних, были католиками. И только принадлежность к конфессии отличала их, подвергшихся интенсивной ассимиляции, от окружающих этнических групп. Другие отличительные особенности были почти полностью ими утрачены, и к середине XX в. сохранились только остатки некоторых из них.

Ассимиляцию «будников» следует расценивать как естественный результат доминирующего воздействия на них местной этнокультурной среды и новую лепту, которую поляки внесли в процесс этногенеза белорусов и их культуры. Местное население, ассимилируя мигрантов, само активно заимствовало элементы их национальной традиции. В том числе национальные образы и стереотипы. Как уже отмечалось выше, близкое происхождение народов и идентичное социальное положение делали процесс заимствований безболезненным и быстротечным. Это является, пожалуй, единственным логичным объяснением почти что полного соответствия польского стереотипа мазовчан (мазуров) и образа поляков в восприятии белорусов на начальном этапе его формирования.

Однако с 60-х годов XIX в. под воздействием российской пропаганды восприятие белорусами поляков стало меняться. Активизация идеологической и пропагандистской работы, имевшей ярко выраженный антипольский характер, была связана с развернувшейся национально-освободительной борьбой польского народа. Непосредственной целью царизма стало недопущение втягивания в неё белорусов, выведение их из-под польских культурных и, тем более, идеологических влияний и возвращение к «русскости». «Вестник Юго-Западной и Западной России» (1863 г.) декларировал: «Каждый, кто только признаёт себя другом России, без сомнения должен желать по возможности полного и скорого торжества русского элемента над польским, или другими словами, окончательного обрусения здешнего края»³⁰².

И вот именно в этот период в Беларусь направился новый поток польских переселенцев. Уже подвергнувшиеся воздействию антипольской пропагандой белорусы, в сознании которых к тому времени уже довольно прочно укоренился негативный образ поляков,

³⁰² Чего мы желаем? // Вестник Юго-Западной и Западной России. – 1863. – Т. 2. – Кн. 6. – Отд. №4. – С. 361.

увидели ещё не подвергнувшийся ассимиляционному воздействию объект теперь уже не только неприязни, но и вражды. Миграцию на белорусские земли совершали, во-первых, участники восстания 1863–1864 гг. (в основном из Подляшья, и Виленщины), которые были вынуждены скрываться от преследований царских властей. Во-вторых, это были безземельные крестьяне из Силезии, Прикарпатья, Мазовии, которых толкало к переселению на белорусские земли чрезвычайно бедственное экономическое положение на родине. Батраков в Польше вербовали в свои имения местные помещики, в большинстве являвшиеся поляками. Последние, в условиях обострившихся национальных и политических противоречий с царизмом и социальных – с местным населением, стремились создать себе опору из польского элемента.

Эти переселенцы, известные под названием «хатэчковых», оседали в имениях польских помещиков. Они получали от последних жильё, средства производства, подъёмные. Белорусская и польская писательница, фольклористка и этнограф Эмма Зыгмунтовна Еленьская (по мужу Дмаховская) в своей этнографической работе «Деревня Комаровичи в Мозырском уезде», посвящённой социально-экономическому описанию полесского села Комаровичи, упоминает одно из селений «хатэчковых» поляков: «В Комаровичах есть посёлок, состоящий из 12 дворов и населённый преимущественно слензаками и кракусами, а также двумя семьями, прибывшими из-под Вильно. Они являлись католиками, говорящими по-польски. Этот посёлок... называют Крыжык. Жителей Крыжыка называют обычно „кшыжаки”, а по-местному – „крыжацкие”. Живут они в полной обособленности, вступая в брачные связи преимущественно со своими, а с местными крестьянами входят только в далёкие сношения. Впрочем, они не отличаются от полешуков ни более высокой моральностью, ни порядком, разве только заметным стремлением к просвещению. Их сыновья почти все посещают начальное училище...»³⁰³.

Как утверждал В. Л. Веренич, владельцы поместий, стремясь привлечь на свою сторону польских батраков, устраивали для молодёжи всякого рода празднества, чаще всего религиозного характера, и обучали их польскому литературному языку. Столь очевидные симпатии помещиков к соплеменникам-переселенцам возбуждали у белорусов подозрительность, подпитывали воспиты-

³⁰³ Jeleńska, E. Wieś Komarowicze w powiecie mozyrskim (odbitka z tomu V «Wisły») / E. Jeleńska. – Warszawa : Druk Józefa Jeżyńskiego, 1892. – S. 19–20.

ваемую у них российской администрацией вражду к полякам. В то же время «хатэчковые» батраки вынуждены были быстро осваивать местный полесский говор, без которого было невозможным общение с полешуками. Однако польские этнографические и языковые особенности они сохраняли в гораздо большем объёме, нежели переселенцы прежних волн миграции, что, впрочем, полностью объясняется недолгим пребыванием в ассимилирующем их белорусском окружении. В глазах его представителей «хатэчковые», равно как и их покровители, были воплощением стереотипа, популяризовавшегося российской пропагандой.

Таким образом, в XVIII в. и, особенно, в XIX в. число польских переселенцев на белорусских землях значительно возросло. Сформировался небольшой, но социально значимый слой белорусских («кресовых») поляков, считавших своей родиной Беларусь и имевших соответствующее этому пониманию мировоззрение. Их отличал от белорусов высокий уровень национального самосознания, развитое чувство человеческого достоинства, активная жизненная позиция, амбициозность. Всё это не способствовало установлению между белорусами и поляками истинно добрососедских отношений. В поляках белорусы видели чужаков, которые явились незвано, непрошено, взяв в свои руки контроль над скудными ресурсами, оттеснив при этом местный элемент на задний план в хозяйстве и социально-политических отношениях.

4.3 Перемены в отношении поляков к белорусам во второй трети XIX века как следствие изменения тактики их борьбы за сохранение своего доминирования в Беларуси

4.3.1 Зарождение феномена «кресовой» польскости и начало романтизации «кресов» в польском общественном дискурсе

«Кресы» занимали особое место в польском национальном мировосприятии. Связано это было с твёрдым убеждением поляков в том, что именно на этих территориях обретало свою физическую материализацию противостояние с Россией, являющейся в их глазах олицетворением азиатского варварства. Политые кровью и потом многих поколений поляков, в восприятии поляков они стали буфером, отде-

ляющим цивилизованную Европу от враждебных ей сил, или, оперируя образами польских национальных мифов – её «оборонительным валом», «передовым бастионом». В соответствии с таким геополитическим представлением осуществлявшие колонизацию этих земель поляки, разумеется, считали себя защитниками данного «бастиона». Потому ничего удивительного нет в том, что в польском национальном мифотворчестве, ещё задолго до эпохи разделов Речи Посполитой, зарождается и развивается процесс героизации и романтизации «кресовой» жизни. Рождался тот политологический и культурный феномен, который пока ещё не нашёл должного освещения в научной литературе – «кресовый» поляк, который родиной своей считал уже не историческую Польшу, а эти новообретённые территории, мечами и трудом его предков присоединённые к «цивилизации польской».

С этим «багажом» убеждений, оваянных легендарно-мифологической традицией, пережив потрясения разделов Речи Посполитой и Наполеоновских войн, в которых они активно, но бесплодно участвовали, в начале 20-х гг. XIX в. поляки вступили в новый период своей культурной истории – период польского романтизма. В это же время стала проявлять себя и тенденция перехода российских властей, которые постепенно стали утрачивать иллюзии в отношении поляков, к антипольскому курсу.

Польское восстание 1830–1831 гг. окончательно склонило царизм к переходу от политики поощрения польскости к политике русификации. Предпринятая российскими властями попытка соединить определённые принципы православной и западной цивилизаций окончилась неудачей³⁰⁴.

Осознание своей ответственности перед Польшей и польским народом за судьбу доверенных им «кресов», чувство долга перед местным населением, которое они взялись опекать, «подтягивать» к польской культуре, приучали поляков чувствовать себя здесь хозяевами. Принятие этой своей роли в совокупности с развитым в них чувством собственника явились психологической базой, на которой стало зиждиться представление «кресовых» поляков о Литве, т. е. белорусско-литовских «кресах», как о Родине. Эмоциональные привязанности и патриотические чувства всё более и более связывали их именно с «кресами». При этом историческая Польша, от которой в культурном отношении они уже значительно отошли, к концу XVIII в. перестаёт

³⁰⁴ Смалянчук, А. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – люты 1917 г. / А. Смалянчук. – Спб. : Неўскі прасцяг, 2004. – С. 55.

восприниматься ими как истинная родина (ojczyzna). Вспомним, хотя бы, с чего начинается свою поэму «Пан Тадеуш» А. Мицкевич: «Litwo! Ojczyzno moja!»... Произошедшая в менталитете «кресовых» поляков метаморфоза, однако, не означала самоизоляцию, обособление от Польши – с ней их по-прежнему связывали многие узы: гражданский долг, национальная самоидентификация, шляхетская идеология и др.

Процесс мифологизации кресов в польской политической мысли и польской литературе, начинается уже после разделов Речи Посполитой. При этом миф «кресов» имел два варианта: северный (польско-литовско-белорусский) – «райский», и южный (польско-украинский) – «адский». Последний не является предметом нашего рассмотрения, хотя, безусловно, и он заслуживает серьёзного к себе отношения. А вот на первом – северном, «райском», надо остановиться подробнее.

Беларусь в нём предстаёт в идиллическом виде именно «польского рая», где нет острых социальных конфликтов, но есть «скромность, простота, серое небо и мгла». Это край «торжественного сосуществования в согласии с богом и природой»³⁰⁵.

Действительно, в Беларуси и Литве польские колонисты не пережили таких потрясений, какие довелось испытать полякам во время «хмельниччины» в Украине, если, конечно, не считать «польское» население тех белорусских земель, на которые восставшая Украина выплеснула свою месть. В то время, как в украинских воеводствах Польского королевства магнатерия своими методами эксплуатации сделала неизбежным взрыв, потрясший до основания польскую государственность, в землях Великого княжества Литовского наблюдалась совершенно иная картина – мирное сосуществование этносов, и, прежде всего, – их элит, их сотрудничество. Отчасти заслуга в том принадлежит Литовскому государству, не допустившему здесь такого правового произвола, какой имел место в Украине. Но куда более важным представляется тот факт, что привилегированный класс ВКЛ, прежде всего его восточнославянская составляющая, добровольно став когда-то на путь полонизации, ко времени такого тяжкого испытания, коим стала «хмельниччина», продемонстрировал свою полную солидарность с польскими «панами-братами».

Хотелось бы отметить, что нельзя воспринимать упомянутую выше полонизацию белорусской элиты как полный регресс в её национальном развитии. Ведь история абсолютного регресса не знает...

³⁰⁵ Antologia polskiej literatury kresowej XX wieku / Wybór tekstów, wstęp i objaśnienia B. Nadaczeka. – Szczecin : Ottonianum, 1995. – S. 13.

Хотя местная шляхта действительно проявляла на попреще польскости немалое рвение, это вовсе не означало, что она полностью национально и ментально перевоплотилась. Польская культура, открыв себя в ходе экспансии, оказалась под встречным воздействием местных влияний – традиций, обычаев, языка. Недооценивать их влияние на трансформацию польского национального самосознания в «кресовый» его вариант, равно как и на развитие «кресовой» польской культуры, было бы недопустимой ошибкой, ибо то, что происходило с польскостью на «кресах», может быть объяснено только активной культурной диффузией. Именно она сыграла определяющую роль в формировании у осевших в «Литве» (Беларуси) поляков «кресового» характера и менталитета.

Несмотря на очевидную фатальность для польского «кресового» элемента начавшейся русификаторской политики царизма, последняя была не единственной для него угрозой. Следует заметить, что ассимиляция поляков на белорусских землях шла уже достаточно давно. Она являлась обратной стороной процесса полонизации местных жителей и являлась закономерным результатом культурной диффузии. Особенно тревожной была языковая ситуация. Инфильтрация русизмов (белорусизмов) в польский язык была настолько значительной, что во второй половине XIX в. даже возникла необходимость исправления этой негативной тенденции. В частности, были подготовлены специальные труды, в которых большое внимание уделялось восточнославянским лексическим влияниям и синтаксическим конструкциям³⁰⁶. В их числе были книга Александра Валицкого «Наши ошибки в речи и письме, совершённые в ущерб польскому языку, и провинциализмы»³⁰⁷, недопущенный цензурой к изданию «Справочник чистого польского языка для литовцев и петербуржцев» Яна Карловича, работа Александра Лентовского «Наши ошибки: о чистоте польского языка в Литве»³⁰⁸.

Оказавшись в белорусской этнокультурной среде, поляки (и все, кто себя к таковым причислял) не могли не испытывать на себе её ас-

³⁰⁶ Grek-Pabisowa, I. Językowa rzeczywistość na dawnych polskich Kresach północno-wschodnich / I. Grek-Pabisowa // Kresy – pojęcie i rzeczywistość : Zbiór studiów pod redakcją K. Handke. – Warszawa : Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy przy Instytucie Slawistyki PAN, 1997. – S.150.

³⁰⁷ Walicki, A. Błędy nasze w mowie i piśmie, ku szkodzie języka polskiego popełniane, oraz prowincjonalizmy / A. Walicki. – 3-e wyd. – Kraków ; Warszawa : Nakład Gebethnera i Wolffa, 1886. – 453 s.

³⁰⁸ Łętowski, A. Błędy nasze : Rzecz o czystości języka polskiego na Litwie / A. Łętowski. – Wilno : Nakładem Księgarni Józefa Zawadzkiego, 1915. – 378 s.

симилирующего воздействия. К тому же, будучи, как правило, носителями народной польскости, они сами были далеки от «высокой» сарматской культуры.

Вопреки ожиданиям идеологов сарматизма, польская колонизация «кресов» захлебнулась, натолкнувшись на встречные влияния. «Рыцари–сарматы» растворялись в преобладающей массе «русинов», в полной мере разделяя с её представителями тяготы обыденной жизни и мало чем уже от них отличаясь. Кажется уместным в связи со сказанным привести небольшой фрагмент из произведения признанного знатока «кресовой» жизни Юзефа Игнацы Крашевского:

«Флеминг посмотрел на весьма невзрачного старика.

– Кто? – спросил.

– Адам Гржымала! – сказал, кланяясь, слуга.

– Шляхтич? – саркастически добавил поскарбий.

– Сама фамилия говорит! – сказал, гордо выпрямившись и глядя вихор, старик. – *De illustrissima stripe Grimalitarum.*

– Шляхтич! – повторил в смущении пожимая плечами Флеминг. Здесь все шляхтичи! В лаптях – шляхчич, в сермяге – шляхтич.

– И в дырявых ботах! Добавил невозмутимый Гржымала»³⁰⁹.

Родоначальник белорусской литературы, Винцент Дунин-Марцинкевич, знал «кресовую» жизнь не хуже Крашевского. И хотя в его презентации шляхта выглядела примерно так же, как в произведениях Крашевского и других современных ему польских авторов, она не вызывала к себе искреннего сочувствия читателя. Её материальная нищета воспринималась им как вполне адекватное и, главное, заслуженное воздаяние за духовное убожество, темноту, глупость, задиристость и спесивость. К тому же это был очень актуальный, «горючий» материал в тогдашней жизни на «кресах», привлекавший к себе общественное внимание.

Объяснение этому может быть только одно – в основе изображения Дуниным-Марцинкевичем поляков лежат стереотипные представления белорусов о них, а не польские автостереотипы и автообразы, окрашенные горечью и разочарованием, которые присутствуют в произведениях национальных польских авторов.

По сегодняшний день ведутся споры о национальной принадлежности В. Дунина-Марцинкевича. Одни называют его поляком, другие – белорусом. Однако тот факт, что поляки, особо щепетильные в

³⁰⁹ Kraszewski, J. I. Pan na czterech chlopach. Historja szlachecka z XVIII wieku / J. I. Kraszewski. – Warszawa : Nakładem M. Glücksberga, 1884. – S. 28.

вопросах подобного рода, не особо претендуют на свои права на В. Дунина-Марцинкевича, говорит сам за себя. Деятельность его также имеет не самую престижную оценку в трудах польских историков и литературоведов. Юзеф Голембек, например, без одобрения характеризует его переводческий эксперимент: «Сопоставляя мицкевичский оригинал с переводом («Пана Тадеуша», А. К.), сразу бросается в глаза чрезвычайная языковая серость данного перевода, чрезвычайное убожество стиля, который всё-таки является большим украшением «Пана Тадеуша». Причина – очень большая бедность языкового материала, которым мог пользоваться Марцинкевич; но есть ведь и другая причина, а именно то, что переводчик не относился с надлежащим почтением к оригиналу и потому «польского шляхтича» сильно охолопил (schłopił), чересчур вольно с этим оригиналом обходясь»³¹⁰.

Действительно, в то время как в самой Польше развивалась и входила в моду концепция польского мессианства (одним из её основоположников был сам А. Мицкевич), основывавшаяся на том, что «польскость» была возвышенной, ведущей идеей человечества, конечным этапом его эволюции, отношение В. Дунина-Марцинкевича к шляхте – её естественной носительнице – походило на издевательство.

Однако с альтернативной, белорусской точки зрения, как индивидуум, в большей степени ощущавший себя, видимо, белорусом, нежели поляком, В. Дунин-Марцинкевич внёс серьёзный вклад в дело реанимации в восприятии белорусов образа поляков, представив в «Пінскай шляхце» комические персонажи, в которых зрители легко могли узнать своих соседей-поляков. Без всякого сомнения, в основу «Пінскай шляхты» были положены стереотипные, достаточно развитые представления белорусов о поляках, выработавшиеся за долгое время сосуществования с ними на одной земле. И хотя отношение Дунина-Марцинкевича к шляхте, которая являлась естественной носительницей «польскости», походило на издевательство, очевидно, что автор в своей пьесе лишь отразил, пусть и в гротескном виде, ту реакцию, которую демонстрировали представители белорусской «туземной» среды в отношении носителей польскости в реальной жизни.

Таким образом, близкое соседство и долгое сосуществование белорусов и поляков на общей территории сделали возможным процесс культурной диффузии, отчасти стиравший этнокультурные различия между белорусами и поляками и способствовавший эволюции осевших на белорусских землях поляков в особую группу, представители

³¹⁰ Goląmbek J. Op. cit. – S. 89.

которой сохранили польскую национальную идентичность, оставались большими патриотами Польши, но родиной своей считали уже не Польшу, а «кресы всходни». Впрочем, последние они никогда ни воспринимали отдельно от Польши. Сформировался феномен «кресовой» польскости, который сыграл важную роль в развитии национального самосознания белорусов.

Оказавшись в результате стечения объективных и субъективных факторов перед угрозой утраты своей национальной аутентичности, поляки на белорусских землях не стали объектом, вызывающим в отношении себя неприязнь и агрессию, а также соответствующие этим психологическим реакциям усилия белорусов на поприще образования. Возможно, именно поэтому они с пониманием отнеслись к процессу национально-культурного возрождения Беларуси и приняли в нём деятельное участие.

4.3.2 Социокультурные аспекты трансформации самосознания «кресовых» поляков

Российские учёные далеки от идеализации целей и задач польской «культурной» работы на «кресах». Они видят в культурных интересах поляков в Беларуси проявление польского экспансионизма, антироссийскую инспирацию – не более того. Вообще в своих оценках современные российские историки и культурологи всё чаще и чаще используют наработки русских учёных и публицистов конца XVIII – начала XX в., которые привлекают их предметной основательностью и вдохновляют, видимо, своим эмоционально-психологическим настроем³¹¹. Образ «коварного ляха» не утратил своей политической актуальности в России и сегодня.

В российско-польских научных и литературных перепалках то и дело, как это было уже на протяжении двух последних столетий, возникает тема Беларуси и белорусов. Польша, вложившая, как представляется полякам, много сил и средств в «воспитание» белорусов, недовольна получившимся результатом. Но поскольку она не брала в расчёт главный фактор «дидактического» процесса – исторический опыт самих белорусов, их этнонациональное сознание (каким бы проблемным оно не представлялось), ошибки в расчётах удивлять не должны.

При этом поляки сетуют на «чёрную» неблагодарность белорусов, на их несознательность, недальновидность и готовность распрощаться

³¹¹ Хорев, В. А. Указ. соч.

со всем тем, что хотя бы формально делает их самобытным европейским народом. Белорусы же, в подавляющем большинстве, с недоумением смотрят на проявления польского «неравнодушия» к белорусским делам и подозревают присутствие в нём корыстной стратегической составляющей. В то же время, отдавая полякам должное, никто не ставит под сомнение вклад их «филологических подстрекателей» в дело белорусского национально-культурного возрождения и отрицать тот факт, что именно их пример привлёк к нему этнических белорусов, в скором времени перенаправивших его в иное русло, ведущее совсем не туда, куда по замыслам пионеров белорусского национально-культурного возрождения оно должно было вывести – к отрыву Беларуси от такого мощного центра притяжения и генератора чуждых польскости влияний, каким являлась Россия.

В то время как российское общественно-политическое мнение фокусировалось на Варшаве, «польская каверза» обретала непривычный для неё вид, распадаясь на региональные разновидности. Вместо одного «польского вопроса» и одного «польского дела» возникали их варианты, и решение оных стало проблемой не одних только русских, но и, стараниями поляков, других народов, своими историческими судьбами с Россией и Польшей связанных. В том числе и белорусов.

Неудачи в вооружённой борьбе с русским царизмом не сломили волю поляков к борьбе. Они продолжили её на культурном и идеологическом фронте. Плацдарм для наступления здесь они готовили давно. Как уже было сказано, в сознании «кресовой» шляхты не только в силу того, что она уже психологически освоилась на «кресах», в чуждом этнокультурном окружении, но ещё и потому, что она владела здесь земельной собственностью, зарождается и развивается чувство «кресового» патриотизма³¹².

Особенно благоприятной для этого генезиса была обстановка на белорусско-литовских «кресах», где польский элемент был серьёзно затронут процессом этнокультурной миксации. И это его представители хорошо понимали. Не могло пройти для польских мигрантов бесследно ни долгое проживание в чуждой этнокультурной среде, ни массовая интеграция в шляхетское сословие представителей местной элиты. Разумеется, чувства родства с белорусами у «кресовых» поляков не появилось. Скорее даже наоборот. Как пишет А. В. Липатов: «Соседство в силу «самого себя» не только сближает, но и отталкива-

³¹² Кралюк, П. История и «Я». Вячеслав Липинский : от «хлопомана» до «хлопобоба» [Электронный ресурс] / П. Кралюк // День – 2003. – 24 января. – Режим доступа : https://vuzlit.com/548539/istoriya_vyacheslav_lipinskiy_hlopomana_hloprofoba. – Дата доступа : 10.06.2023.

ет, не только притягивает, но и разводит, вызывает не только симпатию, но и антипатию»³¹³.

Конечно же, интересы польского и местного элемента на «кресах» не совпадали, как не совпадали и образ их жизни, быт, воззрения, нравы. Но при всём пренебрежении «кресовой» польской элиты к местному хлопю, её представители всё-таки вынуждены были считаться с ним, искать понимание и находить его. Совершенно естественным образом стало формироваться чувство эмоциональной, психологической связи с «кресами», с «тутэйшим» его населением. Но всё же, как показало будущее, это чувство оказалось намного слабее того, которое связывало поляков с польским народом и исторической Польшей.

Произошедшая в менталитете «кресовых» поляков метаморфоза не противоречила глубоко укоренённому в каждом шляхтиче «кресовяке» чувству национального превосходства над культурно и этнически чуждым ему местным простым людом. Он ощущал себя на «кресах» настоящей элитой, тем активным меньшинством, которое обязано было взять на себя ответственность за их судьбу. Михал Ромер – один из видных идеологов краёвого движения утверждал: «Они (краёвые землевладельцы – А. К.) считали себя не отличным и чужим «меньшинством», не частью другого чужеземного народа, а руководителями местной краёвой общественности, от имени которой их предки и даже они сами, особенно во время восстаний, создавали историю этого края как его настоящие граждане»³¹⁴.

Польскость стала признаком избранности, принадлежности к данной элите. Но одно дело – демонстрировать свою «польскость» местному хлопю, другое – шляхте центральнопольской, т. наз. «короняжам».

Подвергнувшиеся деполонизирующему воздействию окружающей среды «кресовяки» ощущали и осознавали своё отличие от «короняжей» – поляков «высшей пробы» и понимали, поддерживая национально-освободительные порывы последних, что при возрождении независимого польского государства (если таковое произойдёт) им достанется роль вспомогательного, второстепенного элемента, которая их, конечно же, не могла удовлетворить. Вряд ли такое государство «кресовяки» смогли бы в полной мере считать своим. Тем не менее, трансформация менталитета «кресовяков», несмотря на всю её значимость, не могла быть радикальной. Она не означала самоизоляцию но-

³¹³ Липатов, А. В. Стереотипы национального восприятия: специфика национальной истории, особенности национальной культуры и адекватная оптика научного рассмотрения / Липатов А. В. // *Studia polonica*. К 70-летию Виктора Александровича Хорева. – М. : Индрик, 2002. – С. 362.

³¹⁴ Смалянчук, А. Ф. Пазнач. твор. – С. 126.

сителей «кресовой» польскости, разрыв с исторической Польши. С ней их по-прежнему связывали многие узы – гражданский долг, национальная самоидентификация, костёл, шляхетская идеология и пр. Это позволяет считать данную трансформацию процессом поверхностным, вынужденным, всегда готовым к возвращению на исходные позиции, своеобразной мимикрией.

Другое дело – «кресы», ставшие уже для многих поляков родными. Здесь польская шляхта, являвшая собой социальную и культурную элиту, могла выполнить соответствовавшую её социально-политическим амбициям ведущую функцию в государственно-политической организации пассивной в политическом смысле белорусской «этнографической массы». Разумеется, с расчётом на то, что в рамках этого процесса она, как ведущая прослойка, должна занимать не просто руководящее положение, а положение привилегированное, сулящее монополию на государственную власть.

Борьба за «польское дело» в Беларуси в сложившейся исторической ситуации на взгляд «кресовяков» была куда более перспективной, нежели борьба за дело общепольское в масштабах бывшей Речи Посполитой. Но эта борьба создавала в Беларуси тот польский вопрос, который история поставит на повестку дня уже после развала Российской империи, и суть которого будет сводиться к тому, существовать или не существовать белорусскому государству. Поскольку этот вопрос затрагивал жизненные интересы белорусского народа, то его нельзя считать тождественным тому польскому вопросу, над решением которого безуспешно бился русский царизм.

Нельзя сказать, что в России упрощали характер польской угрозы. Отнюдь нет. Тем не менее, высокая актуальность придавалась лишь тем её элементам, которые представляли непосредственную опасность русским имперским интересам. Как опасность воспринимался, в частности, сам факт присутствия поляков в Беларуси, ибо он означал присутствие польских культурных влияний, разлагающих «православие, самодержавие, народность». Ещё в канун восстания 1863–1864 гг. митрополит Литовский Иосиф Семашко предупреждал Александра II: «Для России ныне кажется важнее Царства Польского влияние его на западные губернии, а может быть и далее. Оно запустило сюда глубоко когти и препятствует слитию сих губерний с единокровною Россиею»³¹⁵.

³¹⁵ Горизонтов, Л. Е. Русско-польское противостояние XIX – начала XX века в геополитическом измерении / Л. Е. Горизонтов // Европейские сравнительно-исторические исследования / Ин-т всеобщ. истории РАН. – Вып. 2 (2006) : География и политика / отв. ред. А. А. Улунян. – М. : Наука, 2006. – С. 12.

В 1863 г. известный русский публицист, издатель и литературный критик М. Н. Катков писал о многовековом противостоянии между русскими и поляками с искренней убеждённой: «Между этими двумя соплеменными народностями история издавна поставила роковой вопрос о жизни и смерти. Оба государства (русское и польское – А. К.) были не просто соперниками, но врагами, которые не могли существовать рядом, врагами до конца. Между ними вопрос был уже не о том, кому первенствовать или кому быть могущественнее: вопрос между ними был о том, кому из них существовать. Независимая Польша не могла ужиться рядом с самостоятельной Россией. Сделки были невозможны...»³¹⁶.

Утверждение Каткова, что русские и поляки «существовали рядом» основывалось на искреннем его (и не только его) убеждении, что население огромной буферной территории, разделяющей Россию и Польшу, является русским или польским. Он не хотел принять тот факт, что этнографической границы между русскими и польскими землями не существовало, равно как и то, что люди, жившие в буферной зоне, не считали себя ни русскими, ни поляками. Не хотел замечать шедшего здесь процесса формирования новых наций, которые должны были рано или поздно заявить о своём праве на самоопределение. В этом праве он им, судя по всему, и от имени России, и от имени Польши отказывал: «Поляку естественно отстаивать польское дело, а русскому естественно отстаивать русское дело. Польша утратила свою самостоятельность, но она не примирилась с своей судьбой; польское чувство протестует против этого решения, чувство своей народности ещё живо и крепко в поляках; оно всасывается с молоком; оно ревниво охраняется и поддерживается; оно питается и усиливается страданиями. Утратив политическую самостоятельность, поляк не отказался от своей народности, он рвётся из своего плена, и не хочет мириться ни с какой будущностью, если она не обещает ему восстановления старой Польши со всеми ее притязаниями. Ему недостаточно простой независимости, он хочет преобладания; ему недостаточно освободиться от чужого господства, он хочет уничтожения своего противника. Ему недостаточно быть поляком, он хочет, чтобы и русский стал поляком, или убрался за Уральский хребет. Он отрекается от соплеменности с нами, превращает в призрак историю... (Поляку – А. К.) рукоплещут, о нём скорбят; но в самом деле только он один в целом мире может чувствовать призыв своей народности. Ему

³¹⁶ Катков, М. Н. Польский вопрос / М. Н. Катков // Русский вестник – 1863. – Т. 43. – № 1. – С. 476–477.

нечего прибегать к разным теориям, ему нечего толковать о правах народностей и о разных других истинах: ему достаточно назваться поляком, чтобы всякий мог понять, чего он хочет или чего бы должен хотеть...»³¹⁷.

Таким образом, русско-польское противостояние продолжалось, приняв новые формы. Кроме того, поляки, в первую очередь «кресовяки», считавшие уже своей родиной не исторические польские земли, а белорусско-литовские «кресы», осознали необходимость привлечения к своей борьбе непопольское их население. Для этого потребовалось изменить не только своё отношение и к нему, но и к себе. Последнее потребовало немалой воли, поскольку было связано с самоанализом и отказом от некоторых исторически сложившихся установок. Определённая работа в этом направлении была проделана, прежде всего – на попроще белорусского национально-культурного возрождения.

4.3.3 Политическая составляющая польских культурно-просветительских интересов в Беларуси во второй трети XIX века и белорусское национально-культурное возрождение

Воспитанные в духе ненависти к России, «кресовяки», так же, как и все поляки, не готовы были смириться с новой реальностью. Они приняли активное участие в Наполеоновских войнах, в национально-освободительных восстаниях 1830–1831 и 1863–1864 гг. Расплатой стали конфискации имений, тюрьмы, преследование и ссылки в Сибирь. Тем не менее, карательные меры не подавили в поляках воли к сопротивлению. Они попытались взять реванш на другом поле боя – идеологическом и культурном.

Однако и здесь им пришлось иметь дело с весьма подготовленным и искушённым врагом. Идея панславизма, взятая на вооружение российской пропагандой, в смешанной белорусско-польской среде во многих отношениях могла оказаться привлекательной – и для истинных поборников славянского единства, и для тех, кто ради карьерных, например, соображений, готов был мимикрировать в славянофила русской редакции. Как, например, Фаддей Венедиктович (Тадеуш Бенедиктович) Булгарин – не то белорус, не то поляк, который в своё время сражался с Россией на стороне Наполеона, а потом вынужден был взять на себя роль «российского литератора».

Видя опасность подобного ренегатства, некоторые видные представители «кресовой» польскости старались ей противодействовать.

³¹⁷ Катков, М. Н. Указ. соч. – С. 477–478.

Так, например, Игнацы Крашевский утверждал: «Российский панславизм не хочет объединять, он жаждет поглощать. Россия <...> требует от тех, кто хочет с ней связаться, полного отказа от индивидуальных качеств, традиций, языка, веры и принятия качеств русских, русского характера...»³¹⁸.

При этом Крашевский не ограничивался разоблачением методов российского панславизма, его «унификаторского исступления». Он высказывался также и против полонизаторских настроений, убеждал поляков в том, что «Русь», т. е. Украина и Беларусь, имеет право на самоопределение.

Что же касается русификации, то, разумеется, если она и грозила полякам, то в самую последнюю очередь. Во-первых, поначалу российские власти стремились только к политико-государственной ассимиляции проживавших на бывших «кресах» поляков. Во-вторых, если бы царизм и ставил перед собой задачу этнической ассимиляции поляков, то, образно говоря, разгрызть такой «орех» ему было не по зубам. Слишком высокий уровень национального самосознания они имели, слишком неподатливым на такое воздействие был польский национальный характер.

В царствование Павла I и Александра I общественно-политическая и культурная деятельность польской шляхты не только не ограничивалась, но даже поощрялась российскими властями. В результате на белорусских землях усилились позиции польского языка и польской культуры. Не в последнюю очередь благодаря стараниям куратора Виленского учебного округа в 1803–1824 гг. Адама Ежи Чарторыйского – поляка «кресового» происхождения, близкого друга Александра I, поощрявшего создание сети польскоязычных школ – центров воспитания молодёжи в польском патриотическом духе. В 1803 г. в результате реорганизации Главной Виленской школы появляется Виленский университет, скоро ставший центром передовой научной и общественной мысли. Статут этого университета, к слову, был составлен тем же А. Чарторыйским. Благодаря деятельности профессорского состава и тайных товариществ филоматов и филаретов университет стал также центром распространения антисамодержавных и польских патриотических идей³¹⁹.

³¹⁸ Danek, W. *Pisarz wciąż żywy* / W. Danek. – Warszawa : Ludowa spółdzielnia Wydawnicza, 1969. – S. 131–132.

³¹⁹ Кротов, А. М. Белорусские «увлечения» кресовой шляхты : атака на враждебный стереотип (конец XVIII – середина XIX в.) / А. М. Кротов // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2009. – № 4(55). – Ч. 1. – С. 109.

Незатухающее польское национально-освободительное движение пробуждает стремление царизма дискредитировать поляков и польскость в глазах белорусского населения «кресов», начать искоренение всяких польских влияний в «Северо-Западном крае».

В этой ситуации поляки начали выказывать серьёзную обеспокоенность за будущее «кресов», в полонизацию которых ими было вложено столько сил. Как признавал Юзеф Голембек, русификация белорусского народа могла иметь неплохие перспективы, ввиду отсутствия у белорусов сформировавшегося национального самосознания³²⁰.

Ситуацию усугубляло также то, что белорусская шляхта, считая себя неотделимой частью польской шляхты, активно поддержала развёрнутую последней после разделов Речи Посполитой национально-освободительную борьбу против России. Подпитав собой и своими усилиями эту борьбу, она пренебрегла гораздо более важной на тот момент ролью инициатора и, возможно, локомотива белорусского национально-культурного возрождения. В стратегическом смысле, выполняя эту роль, белорусская по происхождению шляхта могла быть гораздо более полезной для шляхты собственно польской, но для этого надо было совершить невозможное – освободиться из-под влияния шляхетской идеологии, круто замешанной на польском патриотизме, с её складывавшейся веками мифологией, проявить самостоятельность. Но, к сожалению, проявить эту самостоятельность было уже некому. Шляхетская солидарность вела сынов Беларуси, вместе с их польскими «братьями», дорогами мученичества, – как позже с героико-романтическим пафосом о них будет сказано, – на виселицы, в тюрьмы и Сибирь. Более чем полвека понадобилось политической и культурной элите «кресов» для того, чтобы осознать, что время полонизаторских влияний в Беларуси уже прошло.

С восшествием на императорский престол Николая I стремление России к уничтожению польскости в Беларуси стало неудержимым. Чтобы такая, по мнению императора, химера, как национальные чувства поляков не привели к очередной «изменнической» войне, нужно было в корне изменить политику, проводившуюся до этого в Царстве Польском и в бывшей зоне польских цивилизаторских влияний – на «кресах». В 1831–1840 гг. вместо действующего до этого времени статута Великого княжества Литовского вводится общероссийское право. В 1832 г., за «заслуги» в подготовке будущих организаторов и участников восстания 1830–1831 гг. был закрыт Виленский университет.

³²⁰ Goląmbek, J. Op. cit. – S. 6.

Одновременно началась ликвидация католических и униатских школ, запрещалось использование польского языка в преподавании. В 1839 г. начинается борьба с церковной унией, закончившаяся включением униатов в православную церковь.

В итоге, после 30 лет упорных усилий, российское самодержавие, как казалось, достигает желаемой цели – умиротворения Польши. Однако поляки не смирились со своей участью. Несмотря на то, что были исчерпаны их физические возможности продолжать вооружённое сопротивление, ослабел, не подпитываемый победами, патриотический энтузиазм, сохранялась воля к борьбе. И царизм это прекрасно понимал. Сам факт присутствия поляков в Беларуси воспринимался как угроза, ибо это присутствие, каким бы пассивным оно ни казалось, означало присутствие польских культурных влияний. Ещё в канун восстания 1863–1864 гг. митрополит Литовский Иосиф Семашко предупреждал Александра II: «Для России ныне кажется важнее Царства Польского влияние его на западные губернии, а может быть и далее. Оно запустило сюда глубоко когти и препятствует слитию сих губерний с единокровною Россиею»³²¹.

Плацдарм для наступления на культурном и идеологическом фронте поляки готовили уже давно. Их целью было противодействие русификации. Однако не путём противопоставления ей полонизаторских влияний, шансы которых были практически нулевыми, а белорусизации. Всё чаще и чаще видные представители «кресовой» польскости начинали писать на белорусском языке, желая тем самым доказать, что белорусы не являются частью русского народа, а обладают своим языком, обычаями и культурным прошлым.

Первоначальные попытки литературного использования поляками белорусского языка имели место уже в первых десятилетиях XIX в. под воздействием польского романтизма, поднявшего лозунг изучения народной поэзии, и пробудившего интерес к этнографии и народной культуре³²².

Невольным основателем белорусской романтической школы Ю. Голембек предложил считать Адама Мицкевича, хотя в своих произведениях тот и определял белорусский народный элемент как литовский³²³.

С Беларусью, как всякого типичного представителя «кресовой» польскости, А. Мицкевича связывала довольно прочная эмоциональ-

³²¹ Горизонтов, Л. Е. Указ. соч. – С. 12.

³²² Goląmbek, J. Op. cit. – S. 7.

³²³ Ibid. – S. 8

ная связь. Частью её была снисходительная привязанность к местным жителям, их культуре и языку, что являлось, кстати говоря, одной из типичных черт, выделяющих «кресовых» поляков из польской национальной общности.

Белорусская романтическая школа в первой половине XIX в. имела довольно многочисленных представителей. Отнести к ней можно тех польских авторов, которые происходили из Беларуси и в своих произведениях давали выражение своим чувствам, привязанности к родной земле: Зорьяна Ходоковского (Адама Чарноцкого), Марию Чарновскую, Игнацы Шидловского, Теодора Нарбута. В числе других авторов, так или иначе проявлявших интерес к белорусской тематике, следует упомянуть Яна Барщевского, Евстахи Тышкевича, Ромуальда Зенкевича, Антони Абрамовича и, конечно же, Яна Чечота.

Ян Барщевский был известен в Польше как популяризатор «кресовой», прежде всего, тематики. Он представлял белорусов людьми, наделёнными ментальностью подавленного, беспомощного, но нечужого полякам племени, органически неспособного вершить свою судьбу и тем самым требовавшего постоянной опеки со стороны нации, находившейся на более высоком уровне развития, т. е. польской³²⁴.

Нельзя не отметить, что такой подход был неоригинальным. Так или иначе, его демонстрировали многие представители «кресовой» культурной и общественной жизни.

Яна Чечота считают первым белорусско-польским поэтом, хотя известен он и своей научной деятельностью. Его заслуга состоит в том, что он вывел литературное творчество белорусов с народного на новый, более высокий, национальный уровень, создав почву для его дальнейшего развития.

Пробовал писать на белорусском языке и Владислав Сырокомля (Людвик Кондратович). Его творчество тесно связано с историей Беларуси, с верованиями, обычаями, устной поэзией белорусского народа. Историко-краеведческий труд Сырокомли «Путешествия по моим бывшим околицам»³²⁵ – типичный, переполненный тоской и горечью взгляд «кресового» поляка на современные ему «кресы».

³²⁴ Кротов, А. М. В. Политическая составляющая польских культурно-просветительских интересов в Беларуси во второй трети XIX в. / А. М. Кротов // Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы: Матэрыялы III Міжнароднай навуковай канферэнцыі (Гомель, 30 верасня – 1 кастрычніка 2010 г.). – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2010. – С. 84.

³²⁵ Syrokomla, W. (Kondratowicz, L.). Wędrówki po moich niegdyś okolicach. Wspomnienia, studia historyczne i obyczajowe / W. Syrokomla (L. Kondratowicz). – Wilno: Nakładem i Drukiem Józefa Zawadzkiego, 1853. – 248 s.

Следует назвать ещё ряд польско-белорусских авторов, хотя и славивших Беларусь на польском языке, но, всё-таки, внёсших значимую лепту в дело белорусского национально-культурного пробуждения: Яна Оношку, Франтишка Рысиньского, Тадеуша Лада-Заблоцкого, Юлиана Ласковского. Все они считали себя поляками, но поляками особой разновидности. Их интерес к белорусам и белорусской культуре, как уже было сказано, возник под влиянием романтизма. Однако подсознательно он был связан и с их белорусским (в географическом смысле) происхождением, и с жизнью в белорусской народной среде. Их научные и научно-популярные, преимущественно этнографического содержания, труды, пробудили интерес к местному населению, его обыденной жизни, истории и вообще подготовили почву для белорусского возрождения.

Усилиями видных представителей «кресовой» польскости начала создаваться та благоприятная культурная среда, которая могла и должна была привлечь к себе к себе местный, тянувшийся к культуре элемент, а потом, образно говоря, «зажечь звёзды» новой белорусской культуры. Такие, например, каким мог быть первый белорусский поэт Павлюк Багрым. Талант этого выходца из простонародья ярко заявил о себе на заре белорусского национально-культурного возрождения.

Белорусская романтическая школа, в отличие от белорусской литературы более позднего времени, имела отчётливо выраженный польско-шляхетский характер. Её развитие приходится на 1840–1865 гг. Именно в этот период появляются произведения, не имевшие ничего общего с польским романтизмом: анонимная «Энеида навыворот» (переделанная и переложенная на белорусский язык «Энеида» Ивана Котляревского), а также сатирическая бурлескная поэма «Тарас на Парнасе», авторство которой сегодня приписывается Константину Вереницыну.

Настоящим явлением в белорусской культурной жизни стал, без сомнения, Винцент Дунин-Марцинкевич, который справедливо носит имя «отца» и «герольда» белорусской литературы. Его заслуга в истории новой белорусской литературы состоит в том, что именно он, в отличие от других современных ему авторов, проявлявших несистематический и не вполне серьёзный интерес к белорусскому языку, стал смело на нём писать. Хотя нельзя не отметить, что на польском языке он писал больше, чем на белорусском.

Двуязычие и даже трёхязычие стали характерны для белорусской культурной и политической жизни. Взять хотя бы идейное наследие Кастуся Калиновского, которое дошло до нас на трёх языках: белорусском, русском и польском. Несмотря на его противоречивость, значение этого наследия велико. Вряд ли у нас есть основания не согласиться, хотя бы отчасти, с утверждением В. Ф. Шалькевича, что

«своей публицистической и идейно-теоретической деятельностью К. Калиновский оказал большое влияние на дальнейшее развитие национального языка, литературы, общественно-политической мысли, национального самосознания и культуры в целом»³²⁶.

Именно Викентий Константин Семёнович Калиновский (употребляемое в настоящее время имя Кастусь впервые появилось в публицистике 1920-х годов, сам Калиновский им не пользовался), выходец из семьи безземельного «кресового» шляхтича, впервые стал использовать белорусский язык в политических, пропагандистских целях. Вообще, пример К. Калиновского доказывает, насколько оправданными могли быть мечты идеологов «кресовой» польскости, ибо он как нельзя лучше воплотил в себе идеальный вариант материализации чаяний «кресовых» поляков в отношении белорусов и их антироссийских, антисамодержавных потенций. Не считая Польшу врагом, он, однако, выступал против слияния с нею Беларуси. Калиновский хотел, чтобы отношения между Беларусью, Литвой и Польшей даже на начальном этапе освободительной борьбы строились на основе равноправия и суверенности³²⁷.

Он вёл упорную и последовательную борьбу с националистическими притязаниями той части польских шляхетских революционеров, которая требовала восстановления Речи Посполитой в границах 1772 г. Тем не менее, несмотря на отсутствие у Калиновского «правильного понимания» польских интересов, представляется нереальным, чтобы личность такого плана в Беларуси смогла сформироваться без польских влияний. Что касается неприязни Калиновского к польским великодержавным амбициям, то она была вполне адекватно оценена самими поляками – его имени мы не видим в сонме польских национальных героев, таких, например, как Ромуальд Траугутт (уроженец тех же «кресов» и герой того же восстания). Но, в конце концов, эта неприязнь меркла на фоне ненависти Калиновского к российскому самодержавию, что делало его, в конечном счёте, личностью, позитивно воспринимаемой польским патриотическим мнением.

Таким образом, в условиях российского господства «кресовые» поляки сделали попытку катализировать процесс белорусского национально-культурного возрождения, оказать содействие развитию национально-политического сознания белорусов и предотвратить тем

³²⁶ Шалькевич, В. Ф. Предисловие / В. Ф. Шалькевич // К. Калиновский : Из печатного и рукописного наследия / Ин-т истории партии при ЦК КП Белоруссии – фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Минск : Беларусь, 1988. – С. 37.

³²⁷ Там же. – С. 12.

самым русификацию Беларуси, грозившую не только потерей всех результатов польской «культурной» работы на «кресах», но и полной их потерей для Польши. Начинается работа по приобщению белорусов к делу противодействия российской экспансии, результатом которого должно было стать политическое обособление Белорусско-Литовского края под руководством польского «кресового» элемента и от России, и от Польши.

В рамках реализации этой политики поляки, пробудив у белорусов интерес к собственной культуре, сообщили первоначальный импульс белорусскому национально-культурному возрождению. Их интерес к нему был мотивирован антироссийскими устремлениями, как к единственно возможной в тот период форме борьбы с русификацией «кресов» и противодействия отторжению их от «цивилизации польской». Развитие белорусскости было связано не только с политическими целями и задачами «кресовяков», но и с польскими национальными интересами вообще. Тем не менее, в рамках реализации этой политики, по крайней мере, части представителей «кресовой» польскости удалось укротить в себе национальное высокомерие и проявить внимание и хотя бы какое-то участие к тем, кого они когда-то взялись опекать. Реакция не заставила себя ждать. Подстёгнутые польским примером, белорусы быстро включились в создание новой белорусской литературы и, в конечном счёте, всерьёз взялись за возрождение собственной национальной культуры.

4.4 Начало борьбы российского самодержавия с польскостью в Беларуси: образотворческий аспект

4.4.1 Транслирование на белорусов русского опыта формирования негативного образа поляков

После разделов Речи Посполитой и включения в состав Российской империи не только белорусских и украинских, но и части исторических польских земель, её подданными стали миллионы поляков. Возникла необходимость трансформировать столетиями формировавшийся в российском обществе стереотипный взгляд на поляков, как на врагов России и русского народа. Параллельно началась целенаправленная работа по «перевоспитанию» поляков если не в патриотов России, то, по меньшей мере, в лояльных русскому царю подданных. Однако эта задача была не из лёгких...

Русский научный писатель и мемуарист, этнограф, историк-краевед Александр Иосифович Подвысоцкий писал по этому поводу: «После раздела Польши, мысль об её восстановлении ни на минуту не покидала поляков. Но напрасно влачили они за полчищами Наполеона; то, чего добивались они ценою собственной крови и разорения родного края, Россия предоставила им в значительной степени добровольно, бескорыстно и даже с ущербом для своих собственных интересов»³²⁸. Однако это не сделало поляков другими.

В результате провала попыток «приручить» поляков и развернувшегося польского национально-освободительного движения царизм начинает борьбу с польскостью и католицизмом, которая была неразрывно связана с политикой русификации «Северо-Западного края». В конечном счёте эта политика способствовала оформлению западнорусской культурной традиции, а также процессу белорусского культурного накопления³²⁹. В её рамках начинается антипольская пропагандистская работа среди белорусского населения. Путём активного разъяснения белорусам истинных целей присутствия польского элемента на их землях и внедрения в их массовое сознание антипольских воззрений катализируется процесс формирования негативного образа поляков.

В 30-х годах XIX в. началась идеологическая война русских с поляками, развернувшаяся, в том числе, и на фронте борьбы за умы белорусов, за их симпатии.

Реакция представителей традиционной белорусской среды на национально-патриотическую активность польского этнического элемента на белорусских землях всегда привлекала внимание польских исследователей. Но «белорусская» тема в польском национально-освободительном движении на «кресах», как правило, всплывает только тогда, когда речь идёт об участии в нём отдельных белорусов (или того, кого хотелось бы таковыми считать). И тут мы можем наблюдать совершенно разные оценки, вплоть до полного отрицания того, что, казалось бы, ещё недавно ни у кого никаких возражений не вызывало.

В частности, ответом на статью белорусского историка А. Д. Гронского «Кастусь Калиновский: конструирование героя», в которой автор попытался опровергнуть устоявшийся за Кастусём

³²⁸ Подвысоцкий, А. Записки очевидца о событиях в Варшаве в 1861 и 1862 годах / А. Подвысоцкий. – СПб. : Печатано в Военной типографии в здании Главного Штаба, 1869. – С. 1.

³²⁹ Смалянчук, А. Пазнач. твор. – С. 56.

Калиновским статус белорусского национального героя³³⁰, стали не только статьи другого белорусского историка, А. Вашкевича³³¹, в которых отстаивался этот статус, но и определённый общественный резонанс, свидетельствующий о том, что этот вопрос находится не только в области профессиональных интересов историков.

За попытками люстрации пантеона белорусских национальных героев внимательно следят российские учёные. К примеру, на сайте Российского института стратегических исследований были размещены материалы беседы известного в России историка и философа Э. А. Попова, являющегося ведущим научным сотрудником Черноморско-Каспийского регионального информационно-аналитического центра в г. Ростове-на-Дону с А. Д. Гронским, в которых читаем: «Участников польского восстания 1863–1864 гг. уже давно записали в пантеон белорусских национальных героев. Это тянется ещё с советских времён, но тогда польские повстанцы назывались белорусскими по причине только того, что они пытались вовлечь в антирусское восстание белорусских крестьян. Советские историки воспринимали это как национально-освободительную и социальную борьбу белорусского народа против царизма. Сейчас польские повстанцы объявлены белорусскими, потому что их действия пытаются представить именно как выступление ради возрождения белорусского государства»³³².

Поскольку этот и подобные ему споры касаются, прежде всего, представителей «кресовой» элиты, вряд ли имеет смысл сомневаться в интернациональном происхождении последней, равно как и в том, что воспитаны представители этой элиты были в польском патриотическом духе, который подпитывался польскими традициями, идеалами, национальных мифами. Но этот дух в указанный период имел уже и особенности – и общеевропейские, и региональные, «кресовые».

³³⁰ Гронский, А. Д. Кастусь Калиновский: конструирование героя / А. Д. Гронский // Беларуская думка. – 2008. – №2. – С.82–87.

³³¹ Вашкевіч, А. Як Гронскі расправіўся над Каліноўскім / А. Вашкевіч // АРСНЕ Пачатак : часопіс – 2008. – №7–8 (70–71). – С. 51–72 ; Вашкевич, А. За что боролся Калиновский? / А. Вашкевич // Деды. – 2011. – №6. – С. 299–304.

³³² Попов, Э. А. Белорусскому обществу навязывают антиисторические представления об общей истории в антирусском духе [Электронный ресурс] / Э. А. Попов – Режим доступа : <https://riss.ru/analitica/beloruskomu-obshchestvu-navyazyvayut-antiistorichnyye-predstavleniya-ob-obshchey-istorii-v-antiruskom-dukhe/>. – Дата доступа : 12.05.23.

Что касается особенностей общеевропейских, то поляки к интересующему нас времени уже стали известными в Европе (да и в мире) революционерами, пассионариями. Так что в их борьбе без особого труда можно найти общеевропейские мотивы революционной борьбы с угнетателями всех мастей. А лучшего применения своей революционной пассионарности, чем борьба с Российской империей, являвшейся в то время «жандармом» Европы, найти было бы трудно.

Что же касается особенностей региональных, «кресовых», то можно утверждать, что в сознании «кресовой» шляхты не только в силу того, что она уже психологически освоилась на «кресах», в чуждом этнокультурном окружении, но ещё и потому, что она владела здесь земельной собственностью, зарождается и развивается чувство «кресового» патриотизма³³³, о чём уже шла речь. Особенно благоприятной для его развития была обстановка на белорусско-литовских «кресах».

Однако несмотря на то, что поляки мало преуспели в распространении своих национальных ценностей и идеалов в белорусской «хлопской» среде, обстоятельства той национально-освободительной борьбы, которую они вели против российского самодержавия, заставляли их втягивать в эту борьбу и белорусских крестьян.

Гродненский историк О. В. Карпович довольно убедительно показал в своей статье «Социально-сословный состав участников восстания 1830–1831 гг. в Минской губернии»³³⁴, что повстанческое руководство прилагало активные усилия для увеличения численности своих отрядов за счёт крестьян. Наряду с обычными призывами и агитацией к крестьянам следовали и приказы к помещикам поставить одного пешего от 5 «душ» и конного от 20 (в Вилейском уезде); одного кантониста с 7 «душ» (в Дисненском уезде)³³⁵.

Затем крестьян насильственно сгоняли в повстанческие отряды, где в обстановке устрашения приводили к присяге. Российские власти были хорошо осведомлены о происходящем и прекрасно понимали, в каком безвыходном положении находились крепостные крестьяне, вынужденные вступать в повстанческие отряды³³⁶.

Основываясь на материалах Национального исторического архива Беларуси и уже опубликованных источниках, О. В. Карпович утвер-

³³³ Кралюк, П. Указ. соч.

³³⁴ Карпович, О. В. Социально-сословный состав участников восстания 1830–1831 гг. в Минской губернии / О. В. Карпович // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. История и политология. – 2012. – №2. – С. 22–32.

³³⁵ Там же. – С. 23.

³³⁶ Там же.

ждает, что в Минской губернии в восстании приняло участие 120 крестьян (1 повстанец на 3019 представителей этого социального слоя). При этом он признаёт, что их могло быть и больше, но, поскольку власти лояльно относились к крестьянам-повстанцам, то зачастую отпускали их по домам, не внося в списки³³⁷.

Документы Национального исторического архива Беларуси говорят об очень активном участии в этом восстании шляхты и католического духовенства. В деле об участниках восстания 1831 г. по Дисненскому уезду, например, говорится: «Вооружение обязаны были готовить сами помещики и сверх этого, таковое также заготовлялось и исправлялось в местечке Лужках в монастыре <...> Шляхта обязана была сама вооружаться, и шла вообще с охотой; крестьян же посылал всякий помещик»³³⁸.

Что касается помещиков, которым, в отличие от неимущей шляхты, было что терять, горячий энтузиазм выражали не все из них. В указанном деле, после перечисления «злых возмутителей» из числа помещиков, говорится: «Прочие же помещики уезда <...> хотя чувствовали нелепость своего предприятия, но не смели уже отстать, опасаясь мщения прочих»³³⁹.

Довольно отчётливую картину участия в восстании 1830–1831 гг. разных слоёв и групп «кресового» населения рисуют и донесения, поступавшие Киевскому генерал-губернатору от офицеров, командовавших подразделениями, отправленными на борьбу с повстанцами на территорию бывшего Великого княжества Литовского.

Анализ этих источников показывает, что в северных районах Великого княжества Литовского активность крестьян в повстанческом движении была весьма велика, но она очень сильно убывала с севера на юг и, особенно, – на юго-восток. В одном из них, например, идёт речь об участии в восстании крестьян Ковенщины: «В конце минувшего месяца (апреля 1831 г. – А. К.) появились в Тельшинском уезде вооружённые скопища крестьян, которые, препятствуя набору рекрут, производили грабежи, буйства и впоследствии обнаруживались в окрестностях Шавля и Россиенах (уездные города – А. К.), где толпы крестьян под предводительством некоторых помещиков разграбили казначейство и распустили арестантов, а в местечке Эйраголы распу-

³³⁷ Карпович, О. В. Указ. соч. – С. 24.

³³⁸ Дело об участниках восстания 1831 года по Дисненскому уезду // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 561. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

³³⁹ Там же. – Л. 20.

стили рекрут и арестантов <...> Дерзость их простиралась до того, что они в Россиенах объявляли временное правление под названием Временного Польского...»³⁴⁰.

Пример довольно красноречивый, но нельзя в данном случае не отметить, что речь идёт о жемайтах, которые составляли подавляющее большинство населения упомянутых в донесении территорий – Россиен, Тельшей, Шавлей и Эйрагол.

Ситуация в уездах, где доминировало белорусское население, была иной. Вот что писал 20 августа 1831 г. Виленский и Гродненский временный военный губернатор ген.-лейт. Матвей Храповицкий Киевскому военному губернатору ген.-лейт. Б. Я. Княжнину: «Имею честь уведомить, что с переходом отряда Дембинского (во время восстания 1830 г. в чине полковника командовал кавалерийской бригадой, затем был произведен в дивизионные генералы, а в августе 1831 года назначен губернатором Варшавы – А. К.) в Царство Польское не оставалось больше в Литовских губерниях регулярного польского войска, больших сборищ повстанцев также не видно было, кроме того, что местами иногда показывались в лесах человек по 20 худо вооружённых мятежников, кои занимались грабежом и производили разные неистовства, нападая на мирных поселян и преимущественно на евреев, из них некоторых повесили. Для истребления их взяты были все возможные методы, но до сего времени грабители сии ещё не совершенно уничтожены. В начале августа <...> мятежники собрались в значительном числе около м. Налибоки (Столбецкая волость Минского уезда – А. К.), под командой Пашковского, куда послан был подполковник Больценталь (командир 2-го Тептярского казачьего полка – А. К.) с командою казаков и егерей, но ген.-майор Шабельский (командир 1-й бригады 2-й уланской дивизии – А. К.) с тою же целью командированный из Минска, предупредил его, разбил и разогнал эту шайку»³⁴¹.

О том, что ситуация в Минской губернии является спокойной, писал 17 августа 1831 г. Киевскому генерал-губернатору Минский временный военный губернатор Н. А. Долгоруков: «Что касается до Высочайше вверенной мне Минской губернии, то ныне в оной всё

³⁴⁰ Дело по отношению дежурного генерала 1-ой армии Карпова о выступлениях крестьян, чинящих грабежи и препятствующих набору рекрут. 1 апреля – 15 июля 1831 г. // Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве. – Фонд 533 (Киевский военный губернатор). Оп. 4. Д. 131. Л. 2.

³⁴¹ Там же. – Л. 26.

спокойно, только в Пинском уезде продолжают ещё скрываться небольшие партии мятежников, спасшихся от поражения, нанесённого им <...> в последних числах июля при Невеле. В смежных со здешнею губернией лесах Налибоцких также скитаются вооружённые разбойники, против коих делаются ныне поиски. Войску, мною в сию сторону посланному, на днях удалось настигнуть и разбить одну из их шаек»³⁴².

18 августа 1831 г. командир 4-го резервного кавалерийского корпуса ген.-лейт. Ф. В. Ридигер сообщал Киевскому генерал-губернатору о том, что повстанцы были недовольны отношением к себе даже со стороны представителей привилегированного сословия, не изъяслявших должного патриотизма: «Сами поляками своих неизвестно за что повешено 80 человек и 3 дамы, в том числе много из знатных фамилий, жители вообще прибытию наших войск очень довольны, патриоты же косятся»³⁴³.

Если уж говорить о крестьянах, то об их отношении к происходившей борьбе и об их участии в ней красноречиво свидетельствует эпизод, упоминаемый в деле об участниках восстания 1831 года по Дисненскому уезду: «Из числа мятежников – крестьян Дисненских, оставивших свои команды, были многие видимы на рынке в Дисне с дровами и картофелью для продажи, и говорили, что их помещики отпустили»³⁴⁴.

Российские власти в данной ситуации сочли за полезное для себя проявить к крестьянству «необходимое участие» и соответствующую тяжести его положения мягкость. Такое отношение, само по себе, конечно, благорасполагало крестьян, но ещё больше их благорасполагало вознаграждение, выдававшееся этими властями за поимку повстанцев. Так, в Минском уезде крестьяне поймали 8 беглых пленных польских солдат, за что каждый крестьянин получил по 25 рублей ассигнациями³⁴⁵.

Нельзя не упомянуть также об очень интересном и показательном новом явлении: появились образцы якобы эпической народной поэзии, воспевающие борьбу белорусов с поляками. Российский этнограф, фольклорист и литературовед Н. А. Янчук, изучив их, выразил сомнение по поводу их оригинальности, отметив, что по отношению к эпической поэзии белорусы находились в крайне неблагоприятных усло-

³⁴² Дело по отношению дежурного генерала 1-ой армии Карпова о выступлениях крестьян... – Л. 36.

³⁴³ Там же. – Л. 25.

³⁴⁴ Дело об участниках восстания 1831 года по Дисненскому уезду... – Л. 49.

³⁴⁵ Карпович, О. В. Указ. соч. – С. 24.

виях, не способствовавших её развитию: «Эпическая поэзия белорусов, по крайней мере песенная, очень бедна, да и то, что выдаётся за таковую, вызывает нередко сильные подозрения насчёт подлинной народности своего происхождения»³⁴⁶. Он вполне убедительно изобразил их как подделки, появившиеся на свет «под влиянием ещё не остывшего возбуждения и раздражения после первого польского восстания (1830 г.)»³⁴⁷. Говоря об одном из таких «произведений», он отметил его «крайне неуклюжий склад» и констатировал, что его автор (он назвал его «виршеплёт» – А. К.) был «незнаком даже с языком того народа, под речь которого он хотел подделаться»³⁴⁸. Н. А. Янчук также высказал свои соображения по поводу появления этих подделок и их тиражирования властями: «Эти враждебные полякам произведения особенно понравились начальству, и они были напечатаны. И замечательно, что вторично они всплывают в печати тоже после второго польского мятежа, в начале 60-х годов, а затем опять исчезают, не получая распространения в народе, как явная фальшь»³⁴⁹. Энтузиазм, с которым местная молодёжь, в основном – гимназисты, поучаствовали в «записывании» подобных «эпических произведений», говорит о неприязни, которую белорусы испытывали по отношению к полякам, и готовности использовать любую возможность, чтобы дать ей выход.

С поощрения российских властей и полагаясь, в случае необходимости, на их защиту, белорусы, оказывается, могли позволить себе, пусть и в неочевидной форме псевдоисторических поэтических «произведений», говорить о традициях народной борьбы с поляками. Данный факт является подтверждением тому, о чём уже говорилось выше – поляки являлись фрустрирующим белорусов фактором, и толерантность последних была «напряжённой». Своё истинное отношение к полякам они вынуждены были скрывать, что являлось одним из способов социальной мимикрии. Со временем же для белорусов, вынужденно приспособившихся к той роли, которую им отвели польские власти, такая мимикрия стала делом привычным. При этом их внимание было постоянно приковано к фрустратору, зафиксировано на нём. Однако историческая память и житейская мудрость подсказывали им, что выражать его не стоит. Теперь же, в условиях проводимой царизмом борьбы с польским инсургентством стали исчезать причины, вынуждавшие белорусов воздерживаться от критического отношения к полякам и польскости, де-

³⁴⁶ Янчук, Н. А. Указ. соч. – С. 4.

³⁴⁷ Там же. – С. 16.

³⁴⁸ Там же. – С. 8.

³⁴⁹ Там же. – С. 16.

лавшие толерантность белорусов «напряжённой». Как оказалось, они были не прочь внести свою лепту в эту борьбу.

Документы показывают, что во время январского восстания 1863 г. российские власти в своей борьбе с повстанцами полагались на белорусских крестьян ещё больше, чем это было во время предыдущего восстания. Так, например, в «Деле о конфискации оружия и билетов на право хранения его у лиц нерусского происхождения» констатируется: «Что касается крестьян казённых и временнообязанных, то <...> они показали на деле преданность свою правительству»³⁵⁰. И далее, в приказном порядке: «Поручить военным уездным начальникам и подведомственной им уездной полиции, чтобы они сделали старательный и строгий осмотр казённых и частных лесов <...> Осмотр этот и поиски по лесам должны быть произведены немедленно <...> и для таковых могут быть употреблены сельские караулы, а также крестьяне вообще по наряду, под наблюдением военных команд»³⁵¹. Крестьянам предписывалось «тщательно наблюдать, дабы отнюдь не было никакого оружия <...> в дворовых, фольварковых управлениях, у дворовой полиции, в шляхетских околицах и у иных обывателей, какого бы звания и состояния они ни были, – живущих в черте сельского общества и приписанных к оному»³⁵². Следует полагать, что из местных, кроме как на крестьян, в этом важном деле полагаться больше не было на кого. Документ также свидетельствует о том, что наибольшее недоверие властей среди обитателей чащоб (разумеется, помимо самих повстанцев) вызывали лесники и лесная стража.

Другие документы расширяют список неблагонадёжных. Так, например, в предписании Виленского генерал-губернатора от 20 марта 1864 г. говорится: «Злоумышленники не имели бы никакой возможности скитаться в лесах, если бы им из ближайших мыз (обособленных помещичьих усадеб – А. К.), еврейских корчем и расположенных в глухих местах застенков, шляхетских околиц и деревень не доставляли необходимые для жизни припасы»³⁵³. Здесь же даётся и указание,

³⁵⁰ Дело о конфискации оружия и билетов на право хранения его у лиц нерусского происхождения // НИАБ. – Фонд 1527. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.

³⁵¹ Там же. – Л. 7.

³⁵² Там же. – Л. 7–8.

³⁵³ Предписание Виленского генерал-губернатора по устройству военно-гражданского управления в уездах Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской и Могилёвской губерний и о принятии мер к повстанцам и лицам, вернувшимся из повстанческих отрядов. 20 марта 1864 г. // НИАБ. – Фонд 1528. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.

как следует поступать с теми, кто укрывал инсургентов: «Дабы лишить злоумышленников, могущих ещё скрываться в лесных трюсбах, землянках и шалашах всякой возможности продолжать свои преступные действия, и окончательном очищении от них страны <...> взыскивать немедленно с владельца того имения, на землях которого он скрывался, по 200 рублей серебром штрафа»³⁵⁴. Предусматривалась и награда тем, кто был готов сотрудничать с властями: «Нашедших оружие вознаградить денежными выдачами. Тем же, которые откроют и задержат бродяг, выдавать за каждого по 5 рублей серебром»³⁵⁵.

Надо полагать, польститься на такую награду – конечно же, значимую для крестьянского бюджета или для бюджета шляхтича, подобного тем, которых изобразил В. И. Дунин-Марцинкевич в «Пінскай шляхце», но незначительную для богатых людей, могли лишь прагматически мыслящие крестьяне, не обременённые шляхетскими представлениями о чести и о патриотическом долге.

Возможно, белорусское крестьянство и проявило бы большее участие в польском повстанческом движении, но его верхушка ничего не сделала для реального облегчения положения крестьян. Её нежелание решить интересующие крестьянство проблемы, угрозы в адрес крестьян³⁵⁶ и даже насилие³⁵⁷ оттолкнули их от активного участия в этом движении.

В то же время российская пропаганда стала широко апеллировать к негативному опыту белорусов, накопленному за долгое время сосуществования с поляками на одной земле, развивая и обогащая формирующийся в их массовом сознании негативный образ поляков. В ходе подавления польского национально-освободительного движения на «кресах» царские власти смогли не только удержать белорусского крестьянина от участия в мятежах, но и привлечь его на борьбу с польскими повстанцами.

Таким образом, несмотря на успех, достигнутый Россией в борьбе с польским инсургентством, в русской общественно-политической

³⁵⁴ Предписание Виленского генерал-губернатора по устройству военно-гражданского управления... – Л. 11.

³⁵⁵ Там же.

³⁵⁶ Мужичья правда, №6 // К. Калиновский : Из печатного и рукописного наследия. – Минск : Беларусь, 1988. – С. 58 ; Мужичья правда, №7 // Там же. – С. 61 ; Приказ-воззвание Виленского повстанческого центра к народам Литвы и Белоруссии. 11 июня 1863 г. // Там же. – С. 73–74.

³⁵⁷ Письмо командиру повстанческого отряда в Трокском повете Ф. Вислоуху. 16 июня 1863 г. // К. Калиновский : Из печатного и рукописного наследия. – Минск : Беларусь, 1988. – С. 115.

мысли присутствовало твёрдое убеждение, что оно не искоренено и что поляки будут продолжать борьбу. В России прекрасно понимали, что пассионарность поляков и их побуждения к культуртрегерству в отношении белорусов (равно как и в отношении украинцев) были теснейшим образом связаны со стремлением и дальше вести борьбу против России, но, на этот раз, уже на новом фронте – идеологическом и культурном. Понимали также, что поляки борются не только за восстановление польского государства, но и за восстановление его в тех границах, где в прошлом огнём, мечом и католической пропагандой распространялось польское влияние, т. е. в «истиннорусских» пределах, включавших белорусские и украинские земли. Потому в общественно-политической мысли России всё чаще и чаще стали раздаваться голоса в пользу того, что рано или поздно Польша должна отделиться от России и в качестве основного довода приводилось то неоспоримое обстоятельство, что польский народ был народом иной культуры, вероисповедания, обладавшим самостоятельными государственно-политическими традициями. При этом, однако, подчёркивалось, что благожелательность русских в решении польского вопроса будет напрямую зависеть от польских притязаний. Для того, чтобы эти притязания не распалялись, с поляками нужно было вести работу – «успокаивать и умирять их»³⁵⁸.

Инициатива «филологических подстрекателей» из числа «кресовых» поляков по поддержке белорусского национально-культурного возрождения была должным образом воспринята в правящих кругах России, которые сделали всё для того, чтобы эту инициативу перехватить. Выполняя взятую на себя идеологическую и пропагандистскую работу, российские чиновники, священники, публицисты, мастера художественного слова, делали это не «из-под палки», а с патриотическим вдохновением и креативом. В итоге ход белорусского национально-культурного возрождения показал нежизнеспособность доктрин «литвинскости» и «краёвости». Для тех, на кого они были рассчитаны, эти конструкции польской политической мысли оказались малопривлекательными. Белорусы не стали под знамёна «краёвости», но проявили неожиданное для поляков рвение на попроще национально-культурного возрождения.

³⁵⁸ Катков, М. Н. Указ. соч.

4.4.2 Вклад поляков – уроженцев Беларуси в создание в российской литературе и публицистике XIX века негативного образа поляков и его влияние на восприятие их белорусами

Представляется весьма интересным и показательным тот факт, что большую роль в развитии образа поляков в восприятии русских в XIX в., активно использовавшегося государственной властью в качестве пропагандистского инструмента, и, опосредованно через него, в формировании в восприятии белорусов образа поляков, сыграли польские ренегаты, являвшиеся уроженцами Беларуси, – Фаддей Венедиктович Булгарин (Ян Тадеуш Кшиштоф Булгарин)³⁵⁹ и Осип Антонович Пржецлавский (Юзеф Эмануэль Пржецлавский)³⁶⁰.

Пропагандистское воздействие этого образа на белорусскую этническую среду, в которой какое-то время формировались и сами его создатели, было весьма эффективным. И Булгарин, и Пржецлавский хорошо знали особенности восприятия белорусами поляков, хорошо знали самих поляков, их национальный характер и менталитет. И, в конечном счёте, это знание позволило им подвести логическую основу под тот социальный, политический и культурный феномен, который в глазах российского обывателя являли собой поляки. Будучи инструментом манипулирования массовым сознанием, общественными ценностями и реальным поведением людей, данный стереотипизированный образ выступил одной из форм внедрения в сознание белорусов идеи противостояния восточных славян с поляками, являвшимися орудием Запада в борьбе с православной Россией, и единства с русским народом – кровного, религиозного, исторического. С некоторой долей условности можно сказать, что шёл процесс стереотипизации сознания белорусов, его трансформация с помощью средств, достаточных для того, чтобы идеологические и политические цели российского самодержавия, касающиеся Беларуси и белорусов, были достигнуты.

Имя Фаддея Венедиктовича Булгарина в литературном мире середины 40-х гг. XIX в. стало синонимом ничтожества. Литературный марафон по его дискредитации для многих из тех, кому он помогал публиковаться и кого защищал, оказался вполне успешным. Кроме доносов на Булгарина в обществе не хотели видеть ничего другого. Российская светская тусовка того времени верила в то, во что хотела

³⁵⁹ Кротов, А. М. Поляки в глазах Фаддея Булгарина...

³⁶⁰ Кротов, А. М. О. А. Пржецлавский о поляках...

верить – даже если это была ложь. Но созданная ею Булгарину репутация пережила века и режимы: в советское время каждый школьник знал, что Булгарин – это осведомитель жандармерии, отравлявший жизнь многим известным людям своего времени и, прежде всего, – А. С. Пушкину. Знают о Булгарине, как пишет Владимир Шумхин, и по сей день: «Продажный писака» <...> «Разводит опиум чернил / Слюною бешеной собаки» <...> «Агент III отделения»³⁶¹.

Действительно, отношения Пушкина и Булгарина не были простыми. И хотя эти два талантливый и очень амбициозных человека спорили между собой, были у них и основания для взаимодействия, сотрудничества. Для обоих литература стала профессией и состоялись они, прежде всего, как русские литераторы. Оба они были широко известны в тогдашнем обществе – но один этим обществом был любим и буквально купался в лучах своей славы, другим же демонстративно пренебрегали, хотя и не переставали пользоваться выгодами от общения с ним. Как пишет И. Козлов: «У Пушкина была своя родина и покровительство первого лица России, Булгарин же был непобеждённым поляком побеждённой Польши»³⁶².

Открыто не любил Булгарина и Николай I, хотя его роман «Иван Выжигин» был любимым романом императора³⁶³.

Едва только Пушкин позволил себе шутку о том, что Булгарина пора бы уже убить, его друг – барон А. А. Дельвиг, который Пушкину был «как никто на свете ближе»³⁶⁴ по совершенно пустячному поводу вызвал Булгарина на дуэль. Однако тот отказался стреляться с подслеповатым Дельвигом, сказав: «Передайте барону Дельвигу, что я на своей жизни видел больше крови, чем он чернил»³⁶⁵. Дельвиг был крайне раздосадован формой отказа и написал Булгарину ругательное письмо с подписями многих известных литераторов того времени из числа их общих знакомых. Но убивать Булгарина не пришлось. Как пишет И. Козлов, количество слов перешло в их качество, незавидное

³⁶¹ Шумхин, В. Фаддей Булгарин [Электронный ресурс] / В. Шумхин. – Режим доступа : <http://his.1september.ru/2003/17/15.htm>. – Дата доступа : 24.08.2022.

³⁶² Козлов, И. Фаддей Булгарин [Электронный ресурс] / И. Козлов // 7 дней. – 2013. – 25 сентября (№39). – Режим доступа : http://7dney.by/ru/issues?art_id=1692. – Дата доступа : 24.04.2023.

³⁶³ Кротов, А. М. Поляки в глазах Ф. Булгарина... – С. 33.

³⁶⁴ Пушкин, А. С. Письма. Плетнёву П. А. 21 января 1831 г. [Электронный ресурс] / А. С. Пушкин. – Режим доступа : https://rvb.ru/pushkin/01text/10letters/1831_37/01text/1831/1577_389.htm. – Дата доступа : 24.04.2023.

³⁶⁵ Козлов, И. Указ. соч.

для Булгарина³⁶⁶. Сначала А. С. Пушкин написал злую эпиграмму, в которой назвал Булгарина «Видоком Фигляриным» (Франсуа Эжен Видок – французский преступник, ставший впоследствии первым главой Главного управления национальной безопасности, а потом и одним из первых частных детективов и «отцом» уголовного розыска в его современном виде; его имя в России стало нарицательным, в значении «осведомитель, доносчик» – А. К.):

«Не то беда, что ты поляк
Костюшка лях, Мицкевич лях!
Пожалуй, будь себе татарин,
И тут не вижу я стыда;
Будь жид – и это не беда;
Беда, что ты Видок Фиглярин»³⁶⁷.

Интересно, что эта эпиграмма была напечатана в «Сыне отечества» Булгариним, правда, с заменой имени: вместо «Видок Фиглярин» – «Фаддей Булгарин» при следующей заметке: «В Москве ходит по рукам и пришла сюда для раздачи любопытствующим эпиграмма одного известного поэта. Желая угодить нашим противникам и читателям и сберечь сие драгоценное произведение от искажений при переписке, печатаем оно»³⁶⁸.

Но вскоре князь П. А. Вяземский, близкий друг Пушкина и его постоянный корреспондент, сам известный поэт, литературный критик и публицист, расставил точки над «і»:

«Фиглярин – вот поляк примерный,
В нем истинных сарматов кровь:
Смотрите, как в груди сей верной
Хитра к отечеству любовь.
То мало, что из злобы к русским,
Хоть от природы трусоват,
Он бегал под орлом французским
И в битвах жизни был не рад.
Патриотический предатель,
Расстрига, самозванец сей –
Уж не поляк, уж наш писатель,
Уж русский, к сраму наших дней.

³⁶⁶ Козлов, И. Указ. соч.

³⁶⁷ Пушкин, А. С. Эпиграмма «Не то беда, что ты поляк» [Электронный ресурс] / А. С. Пушкин. – Режим доступа : <http://pushkin-lit.ru/pushkin/stihi/stih-676.htm>. – Дата доступа : 28.05.2023.

³⁶⁸ Там же.

Двойной присягою играя,
Поляк в двойную цель попал:
Он Польшу спас от негодя
И русских братством запятнал»³⁶⁹.

Ф. Булгарин, до того, как стать российским литератором, действительно прошёл сложный жизненный путь: воевал в русской армии против «ворогов России», воевал в наполеоновской армии, в том числе и против России. Получил орден Почётного легиона и, от самого Наполеона Бонапарта, – чин капитана. Попал в плен к пруссакам. А те пленных поляков передали русским и их пригнали в Россию. Вскоре поляки были амнистированы, и началась вторая жизнь Фаддея Венедиктовича –стряпчего и литератора, который уже в 1830-е годы имел полное право заявить, что все грамотные люди в России знали о его существовании.

Конечно, Булгарин не был ни платным агентом, ни, тем более, штатным осведомителем III-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Он был экспертом, который осмеливался высказывать свои мысли, делился этими мыслями и наблюдениями со своими читателями. В числе последних были и весьма, кстати, в то время немногочисленные жандармские офицеры. Иногда они у него специально спрашивали его мнение. А он всегда был наблюдателен... «Экспертизы» со временем всё больше походили на доносы. Булгарин успешно доказал свою благонадежность, отмылся от звания кавалера Почётного легиона, но «Видока Фиглярина» из него всё-таки не получилось – он был слишком неловким пакостником: всё время «светился», «подставлялся». Как пишет В. Шумхин: «Таких презирали не только жертвы, но и «хозяева»³⁷⁰. В 1853 г. обер-полицмейстер орал на пожилого уже литератора, посмеявшегося напечатать в «Пчеле» что-то о плохих дорогах: «Я тебя в смиренный дом на четыре месяца засажу!.. Когда случится революция, мы тебе на “Северной пчеле” голову отрубим»³⁷¹.

Столь пространный экскурс в биографию Ф. Булгарина, историю его отношений с «высшим светом» Санкт-Петербурга, с цитированием уничижительных характеристик Булгарина его представителями, является целесообразным по причине того, что в литературе они видели,

³⁶⁹ Вяземский, П. А. Фиглярин – вот поляк примерный... [Электронный ресурс] / П. А. Вяземский – Режим доступа : <https://www.culture.ru/poems/41879/figlyarin-vot-polyak-primernyi>. – Дата доступа : 24.08.2022.

³⁷⁰ Шумхин, В. Указ. соч.

³⁷¹ Там же.

прежде всего, поляка, со всем присущим набором характеризующих его черт и качеств. Поляка продолжают видеть в нём и в наши дни. Часто с его именем связывают общие рассуждения о польском национальном характере, польском менталитете. Вот, например, И. Козлов в своей статье о Булгарине пишет: «Это очень тонкий вопрос – национальное самосознание. Особенно когда речь идет о поляках. Удивительна <...> резкая самостоятельность и твердость польской исторической концепции, заложенная в генетике каждого носителя этой нации <...> Поляков никогда не смущало их численное несоответствие в конфликтах с Россией или той же Германией <...> Восстания для них всегда были способом выживания и самовыявления. Обречённые на поражения и, казалось бы, утратившие своё существование, они внезапно собирались с силами в нацию с совершенно особой европейской культурой. Их никогда не тяготила относительная малочисленность, они всегда ощущали себя великой нацией, пусть даже самой малой из всех существующих на земле. Эта черта, характерная для поляков, для многих является привлекательной, но для многих – неприятной и чужой <...> Генетический код польской элиты сломать не удалось никому. Поляки, а, пожалуй, кроме них ещё и евреи, не растворяются в новой национальной среде, они не ассимилируются. И никогда не забывают о своей исторической родине, где бы они ни находились. Кто-то это принимает и с восторгом к этому относится, а кто-то нет. С точки зрения науки, данный факт объяснить невозможно»³⁷².

Пожалуй, многое в Ф. Булгарине и его жизни, а также в реакции русской элиты на него, можно объяснить, исходя с того, что он был поляком. Это довольно просто и, главное, привычно. Но был ли он поляком действительно? Чтобы разобраться в этом, нужно отказаться от тянувшегося за Булгариным шлейфа сделанной ему репутации. Его жизненный путь, оставленное им литературное наследие, его труд на поприще издательской деятельности заставляют признать в нём человека умного, наблюдательного, самостоятельно и оригинально мыслящего, талантливое. Как основоположник жанра авантюрного плутовского романа и мастер нравоописательных очерков он оставил литературный материал, который трудно переоценить. В них предстают образы многих территорий европейской части Российской империи, стереотипные черты народов, их населяющих, а также образы этих народов в восприятии друг друга. В том числе это касается и образа поляков в восприятии русских и белорусов.

³⁷² Козлов, И. Указ. соч.

Определённость по части этнического происхождения, а точнее – этнической природы самого Булгарина позволит говорить о представленном в его сочинениях художественно-публицистическом образе поляков, либо как об интерпретации польского автостереотипа, либо как о русском редуцированном образе поляков, либо как об их образе в восприятии белорусов.

Вопреки расхожим мнениям о Ф. Булгарине и ставшими уже стереотипными взглядам на его творчество будем исходить из того, что он был, прежде всего, уроженцем Беларуси (Фаддей (урождённый Ян Тадеуш Кшиштоф) Булгарин родился 24 июня (5 июля) 1789 г. в имении Перышево, Минского воеводства Великого княжества Литовского – А. К.). Он рос вдали от Польши, в белорусской этнографической среде и не мог не испытывать воздействия с её стороны. Даже польский фактор воспитательного воздействия на него имел ярко выраженный «кресовый» оттенок. Показательно, что, когда Булгарину в его «Иване Выжигине» понадобилось изобразить родину своего героя, он изобразил именно Беларусь. Более того, он показал и образ типичного «кресового» поляка – «белорусского помещика Гологордовского»³⁷³.

Во второй главе «Ивана Выжигина» («Г. Гологордовский и его семейство») он даёт короткую «историческую» справку: «Когда Белоруссия принадлежала Польше, г. Гологордовский изъявлял большую привязанность к России и даже доказывал, что он происходит от древней русской фамилии, поселившейся в сем краю во время Мстислава Удалого. По присоединении сей страны к России г. Гологордовский вдруг сделался приверженцем древнего польского правления и начал выводить род свой от камергера польского короля Попеля, съеденного мышами на озере Гопле, разумеется, по писаниям...»³⁷⁴. Выразительными штрихами Булгарин изображает особенности социальных порядков при польском владычестве: «Г. Гологордовский весьма сожалел о тех блаженных временах, когда сильный барин мог безнаказанно угнетать бедных шляхтичей и, называя их братьями своими, равными, бить батогами на подосланном ковре, в знак отличия от мужиков, сажать их в домашнюю тюрьму и отнимать имение по выдуманым притязаниям. Он особенно жалел о перемене обычаев на сеймиках, то есть на выборах дворянских. В старину богатый помещик привозил с собою, на нескольких телегах, бедных, но буйных и вооружённых шляхтичей, заставлял их выбирать

³⁷³ Булгарин, Ф. Иван Выжигин. Главы из романа / Ф. Булгарин // Фадзей Булгарын ; Уклад., прадм., камент. А. Фядуты. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2003. – С. 334.

³⁷⁴ Там же. – С. 340–341.

себя и своих приятелей в разные звания, бить и рубить своих противников. Это называлось золотой вольностью»³⁷⁵.

Далее Булгарин делает короткую нравоописательную зарисовку: «Г. Гологордовский, в знак польского своего происхождения, носил длинные усы, которые он часто поглаживал, особенно когда разговаривал о важных предметах, то есть о дворянских выборах, процессах и ссорах со своими соседями. Всех он почитал гораздо ниже себя, не смотря на то, что многие из них были богаче его и полезнее для отечества своими заслугами и поступками. Гордость свою г. Гологордовский основывал на древности своего рода, которую он доказывал не историческими доводами о знаменитых подвигах, но судебными протоколами, в которых записаны были, в течение четырехсот лет, жалобы на разбои его предков и решения, осуждающие их на виселицу»³⁷⁶.

Рисуя образ жены Гологордовского, Ф. Булгарин избрал мягкие тона, но результат получился не менее выразительным: «Госпожа Гологордовская почитала себя гораздо выше своего мужа по происхождению. Говорила, что она никогда бы не вышла за него замуж, если бы не была принуждена к тому каким-то особенным обстоятельством, в котором русский гусарский полковник играл важную роль <...> (Гологордовская – А. К.) никогда ни о чём не просила своего мужа: она забирала в лавках всё, что ей было надобно или что нравилось, хотя вовсе не было надобно, и отсылала купцов к мужу, который должен был платить долги женщины, несмотря на то, что весьма неохотно уплачивал свои собственные <...> Г-жа Гологордовская была очень добрая барыня, хотя и вовсе не занималась хозяйством <...> Она верила, от всего сердца, что её ласковое слово и улыбка дороже всякому, нежели хорошая пища, одежда и жалование. Она очень любила читать нежные романы, ещё более любила рассуждать с мужчинами о любви, а всего более любила наряжаться...»³⁷⁷.

Под стать маменьке рисует Булгарин и образы двух дочерей Гологордовского – Петронеллы и Цецилии, которые «были прекрасны собою, ловки в обращении с мужчинами, смелы, как драгуны, резвы и веселы»³⁷⁸. Но при том ещё «обе они имели очень доброе сердце и даже не любили на прогулках проезжать через деревню, чтобы не видеть нищеты»³⁷⁹.

³⁷⁵ Булгарин, Ф. Иван Выжигин... – С. 341.

³⁷⁶ Там же. – С. 343.

³⁷⁷ Там же. – С. 344–345.

³⁷⁸ Там же. – С. 345.

³⁷⁹ Там же.

Помимо дочерей ввёл Булгарин в семейство Гологордовского ещё и двух сыновей, наделив их качествами, с которыми, по его же утверждению, «в свете всё теряют и ничего не приобретают»³⁸⁰.

Самым близким к г. Гологордовскому человеком был еврей Йосель – арендатор мельниц и корчем во всём имении, всеобщий стряпчий целого дома, тайный поверенный господ и слуг, имевший, как пишет Булгарин, два могущественных талисмана для заведывания сердцами: деньги и водку»³⁸¹.

Уместно сказать, что тема антисемитизма, которая довольно чётко прослеживается в сочинениях Булгарина и которая вполне может стать предметом специального исследования, всегда поднималась им в связи с вопросом польского присутствия в Беларуси. Впрочем, в «Иване Выжигине» есть констатация, объясняющая всё во взглядах Булгарина на этот вопрос: «Он (Йосель – А. К.) был нужен всем, начиная от господина до последнего пастуха в деревне; все были ему должны, и все имели более охоты занимать, нежели платить <...> Жид-арендатор почитался после господина первым лицом в имении и для самого г-на Гологордовского был необходимее, чем голова на плечах <...> Невзирая на такую тесную связь, жид, зная характер г-на Гологордовского, изгибался перед ним, льстил его гордости, присягою утверждая, что он одного только г-на Гологордовского почитает истинным барином и вельможею в губернии. Таким образом, пользуясь его доверенностью, жид, как истинный вампир, сосал кровь усыпленного человечества в имении Гологордовского, богател и, подобно болоту, принимая в себя всю живительную влагу, иссушал окружающие источники богатства и порождал нищету и бесплодие»³⁸².

В «Путевых заметках на поездке из Дерпта в Белоруссию и обратно весною 1835 года»³⁸³ Булгарин поднимает тему участия в нравственном воспитании жителей Речи Посполитой, в т. ч. и белорусов, иезуитов, которые, будучи изгнанными из католических государств, сделали главной квартирой своего ордена в Европе Полоцкий иезуитский коллегиум. Ответственность за это он возлагает на королей Стефана Батория и Сигизмунда III. Булгарин заключает, что иезуиты, влияние коих на нравственность и умы было неограниченным, воспи-

³⁸⁰ Булгарин, Ф. Иван Выжигин... – С. 344–346.

³⁸¹ Там же. – С. 344.

³⁸² Там же.

³⁸³ Булгарин, Ф. Путевые заметки на поездке из Дерпта в Белоруссию и обратно весною 1835 года / Ф. Булгарин // Фадзей Булгарын ; Уклад., прадм., камент. А. Фядуты. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2003. – С. 171–223.

танием юношества по-своему и введением унии, стоившей стольких слёз и крови, нанесли первый удар по Польше, «от которого она исчахла и скончалась»³⁸⁴. «Полагая, что нравственность целого поколения зависит от матерей, иезуиты совершенно овладели умами женщин и более всего действовали через них. Зная все домашние тайны и имея везде своих учеников и приверженцев, иезуиты вскоре овладели целою Польшей и нравственно господствовали в ней вместе с женщинами. Мастера своего дела!» – заключает Булгарин³⁸⁵.

Видимо не случайно в «Путевых заметках» Булгарин коснулся темы роли женщин в судьбе Польши. Как не случайно первая часть первого тома его первого собрания сочинений, открывавшаяся разделом «Статьи исторические», начинается со статьи «Марина Мнишек, супруга Димитрия Самозванца»³⁸⁶. Булгарин, излагая все авантюрные подробности судьбы Марины Мнишек, пишет: «Нельзя не удивляться твёрдости Марины. Оставленная войском и супругом, друзьями и родными, без денег, без всяких способов, одна в чужой земле, наполненной её врагами, она не покорилась бедственным обстоятельствам, но умом своим и постоянством успела не только избежать гибели, но даже переменить течение дел, направление умов и обратить их в свою пользу... Одним внушала через своих приверженцев пункты, на которые король не мог никогда согласиться, другим объявляла о намерении короля завладеть Россиею и подчинить её Польше: всех смущала и возбуждала к раздорам»³⁸⁷. Признавая, что во время кратковременного царствования в России Мнишек «снискала себе любовь многих русских бояр своею вежливостью, умом и красотою... даже подавала мужу своему благие советы более заниматься государственными делами, сблизаться с русскими и обходиться с ними ласково»³⁸⁸, Булгарин морализаторски заключал: «Одна смерть прекратила гордые замыслы Марины, для которых она жертвовала всем: отечеством, ближними, кровными и даже женским стыдом... Гордость её, высокомерие,

³⁸⁴ Булгарин, Ф. Путевые заметки на поездке из Дерпта в Белоруссию и обратно весною 1835 года. – С. 201.

³⁸⁵ Там же. – С. 202.

³⁸⁶ Кузовкина, Т. История на службе у Булгарина [Электронный ресурс] / Т. Кузовкина // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia X* : «Век нынешний и век минувший» : культурная рефлексия прошедшей эпохи : В 2 ч. – Тарту : Tartu Ülikooli Kirjastus, 2006. – Ч. 1. – С. 86–113. – Режим доступа : <http://www.ruthenia.ru/document/541933.html>. – Дата доступа : 24.08.2022.

³⁸⁷ Булгарин, Ф. Марина Мнишек, супруга Димитрия Самозванца / Ф. Булгарин // Фадзей Булгарын ; Уклад., прадм., камент. А. Фядуты. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2003. – С. 277.

³⁸⁸ Там же. – С. 263.

пронириливость, разврат, вовсе не женское бесстрашие, непреклонная твёрдость или лучше сказать упрямство приводят в удивление. История представляет не много женских характеров, подобных Марине: природа производит их столь же редко, как грозные, опустошительные явления в физическом мире»³⁸⁹.

В последующие десятилетия введённый Ф. Булгариным в литературный оборот образ поляков получит дальнейшее развитие в русской литературе, закрепится в ней и сыграет значимую роль в культивировании в российском обществе антипольских настроений. Но во второй четверти XIX в. никто из русских писателей, пожалуй, не смог бы так метко, иронично и зло показать самые характерные проявления польскости, самые уязвимые для критики элементы польского национально-го характера, образа мыслей, поведения, как это сделал Булгарин. Он знал поляков лучше, чем кто-либо из его русских «коллег по цеху».

Потому представляется весьма вероятным, что поляк не разрешил бы себе такое негативное изображение своих соплеменников, такую ироничную презентацию польского национального характера и польских нравов, даже если и был бы способен – ему бы помешало это сделать неистребимое в поляках чувство национальной солидарности, неискоренимая вера в святость того, что называется польскостью. Возможно, это обстоятельство стало одним из аргументов, которыми руководствовались недруги Булгарина из «высшего света», называя его предателем³⁹⁰.

Николай Иванович Греч, которого с Булгариным связывали многолетние деловые и дружеские отношения, в 12-й главе своих мемуаров «Записки о моей жизни» писал о нём: «В молодости он был любезен, остёр, добродушен, обходителен; эти качества исчезали в нём с каждым годом, и с каждым годом увеличивалось в нём чувство зависти, жадности и своекорыстия, заглушая добрые его свойства. Я приписываю странности и причуды Булгарина его воспитанию, обстановке и последовавшим обстоятельствам его жизни, но в самой основе его характера было что-то невольное дикое и звериное»³⁹¹.

Н. И. Греч правильно рассмотрел в особенностях натуры Булгарина влияние среды, в которой он формировался как личность, но он не видел, или не хотел видеть эту самую среду, тем более фокусировать на ней своё внимание. Необходимые ему объяснения предпочи-

³⁸⁹ Булгарин, Ф. Марина Мнишек, супруга Дмитрия Самозванца. – С. 292.

³⁹⁰ Вяземский, П. А. Указ. соч.

³⁹¹ Греч, Н. И. Записки о моей жизни [Электронный ресурс] / Н. И. Греч. – Режим доступа : <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Gretch/Gr-12.htm>. – Дата доступа : 24.08.2022.

тал искать в стереотипных представлениях о поляках. Например, заметив в Булгарине исключительную жадность к деньгам, «имевшую целию не столько накопление богатства, сколько удовлетворение тщеславию»³⁹², он в качестве объяснения этому приводит слова Фридриха II, сказавшего о поляках: «Нет подлости, которой бы не сделал поляк, чтобы добыть сто червонцев, которые он потом выбросит за окно»³⁹³.

Ни Гречу, ни кому-либо другому из «собратьев» Булгарина «по цеху» в голову не могло прийти, что Булгарин был таким же «поляком», как и «русским» – ведь в их системе взглядов, в их мировосприятии какие-то белорусы не присутствовали вообще, тем более такие, которые бы проникли в их собственную великосветскую среду. И если уж Н. И. Греч всё-таки узрел в личности Булгарина влияние окружения, в котором тот вырос, он ошибся в его определении – он не смог увидеть в Булгарине, в его типаже, порождение именно белорусской, «кресовой» среды. Тем более, признать в нём её выдающегося представителя.

Однако если сегодня попытаться рассмотреть в поведении Ф. Булгарина проявление белорусского национального характера и белорусского менталитета, многое в нём становится понятным, ибо это есть поведение весьма амбициозного белоруса, вынужденного ради собственного жизненного успеха приспособливаться, мимикрировать. При этом не только сохраняющего свой национальный взгляд на окружающий его мир, но и демонстрирующий его. Такое явление в то время было столь редким, что враждебная реакция на него российской великосветской тусовки кажется и понятной, и закономерной.

Если о литературной деятельности Ф. В. Булгарина написано уже достаточно много, притом разного, то Осип Антонович Пржецлавский, несмотря на его весьма значительный бюрократический и пропагандистский вклад в дело борьбы с польским сепаратизмом, широкой известности не имеет. Хотя даже поверхностное ознакомление с его литературным наследием даёт основания полагать, что он внёс весьма значимую лепту в формирование негативного образа поляков, который активно использовался властью в качестве пропагандистского инструмента. Весьма эффективным пропагандистское воздействие этого образа было на белорусскую этническую среду, в которой какое-то время находился и сам Пржецлавский. Как «кресовяк», он хорошо знал особенности восприятия белорусами поляков, хорошо знал самих поляков, их национальный характер и менталитет. И, в конечном счёте, это знание позволило ему внести свою лепту в развитие в массовом

³⁹² Греч, Н. И. Записки о моей жизни...

³⁹³ Там же.

восприятию российской общественности, прежде всего, просвещённой, негативного образа поляков.

О. А. Пржецлавский родился в 1799 г. в Слонимском уезде Гродненской губернии (скорее всего – в Ружанах) и происходил из старинной шляхетской фамилии герба Глаубич. Ещё в ранней молодости был замечен тогдашней литовской интеллигенцией, по настоянию начальника Новоградской масонской ложи был посвящён в масоны и занял видное место среди виленского общества. После прибытия Пржецлавского в Петербург звание масона открыло перед ним двери высшего светского и чиновного петербургского общества. В феврале 1824 г. он уже служил в Канцелярии МВД, позже – в других его департаментах. В 1833 г. по требованию М. М. Сперанского, в то время фактически являвшегося юрисконсультom правительства Николая I, Пржецлавский был откомандирован для занятий в подготовительную комиссию для ревизии и составления законов Царства Польского. В этот тяжёлый для поляков час он не последовал по стопам польских политиков-патриотов в их вражде к России, а наоборот – стал позиционировать себя противником польских революционных затей, стараясь доказать, что для Польши нет иного спасения, кроме как в братском единении с Россией³⁹⁴. За это Пржецлавский был приговорен польским эмиграционным комитетом к смертной казни, совершённой над его портретом, который был сожжён на Батиньольском поле (деревня Батиньоль близ Парижа в марте 1814 г. приобрела известность вследствие героического сопротивления, оказанного маршалом Монсеем русскому генералу Ланжерону – А. К.).

В духе единения Польши с Россией Пржецлавский начал издавать в 1829 г. в Петербурге газету на польском языке “Tygodnik Peterburgski”, которая, при всей щекотливости её положения, с благословения властей просуществовала тридцать лет. С 1872 г. Пржецлавский начал помещать в журналах «Русский архив» и «Русская старина» воспоминания о прошлой своей жизни, отличающиеся большой образностью и увлекательностью изложения. В них находится множество интересных данных для выяснения особенностей польско-русских отношений в XIX в.³⁹⁵.

В центре внимания Пржецлавского оказался активно развиваемый в это время образ поляка-авантюриста, бунтовщика. В числе создателей

³⁹⁴ Королёв, А. В. Несколько слов о Пржецлавском и его воспоминаниях [Электронный ресурс] / А. В. Королёв. – Режим доступа : http://sources.ruzhany.info/054_0.html. – Дата доступа : 25.04.2023.

³⁹⁵ Пржецлавский, Осип Антонович [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/103883/Пржецлавский. – Дата доступа : 25.08.2022.

этого образа были и А. С. Пушкин, и Ф. М. Достоевский³⁹⁶, и Н. В. Гоголь³⁹⁷. Многие черты польского национального характера воспринимались ими опосредованно, сквозь призму восприятия белорусов и украинцев, которые более тесно, чем русские, контактировали с поляками, являясь, по сути дела, главными «экспертами» в знании польского национального характера. В конце концов, в российском обществе о поляках сложилось крайне негативное мнение, как о носителях злой воли, абсолютного зла³⁹⁸, которое в 1911 г. в концентрированном виде выразил в своей работе «Сомнительная родня» известный журналист О. М. Меньшиков: «Под видом «братского» славянского народа мы ввели под свою крышу закоренелого врага, врага тысячелетнего, который в течение давних веков угнетал Западную Русь и который в этом угнетении привык видеть историческое своё призвание»³⁹⁹.

Пржецлавский не пытался противодействовать этой тенденции. По большому счёту он действовал в её рамках. Однако он старался найти объяснение той эволюции, которая происходила с польским менталитетом в XIX в. В частности, он признавал: «Известно, что в этом периоде времени первые авантюристы в свете были из поляков. Таковы исторические личности: Фиалковский, который был некоторое время королём на о. Мадагаскаре, Арцишевский, сделавшийся адмиралом в Бразилии, а по преимуществу Хацкевич, французский генерал десятых годов нашего столетия, известный во Франции под именем *le général Lodoiska*, европейской славы шулер и герой несметного числа самых отчаянных выходов...»⁴⁰⁰.

³⁹⁶ Углик, Я. Образ поляков в романах и публицистике Ф. М. Достоевского [Электронный ресурс] / Я. Углик // *Toronto Slavic Quarterly*. – 2011. – №37. – Р. 136–149. – Режим доступа : http://sites.utoronto.ca/tsq/37/tsq37_uglik.pdf. – Дата доступа : 25.08.2022.

³⁹⁷ Ерофеев, В. «Французский элемент» в творчестве Гоголя [Электронный ресурс] / В. Ерофеев. – Режим доступа : samlib.ru/v/victor_v_e/francuzskij_element.shtml. – Дата доступа : 25.08.2022 ; Ерофеев, В. Будь я поляком [Электронный ресурс] / В. Ерофеев. – Режим доступа : <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/394353-viktor-erofeev-bud-ya-polyakom.html>. – Дата доступа : 25.08.2022.

³⁹⁸ Ерофеев, В. «Французский элемент» в творчестве Гоголя...

³⁹⁹ Ковалевский, П. И. Русский национализм и национальное воспитание в России / П. И. Ковалевский – Нью-Йорк : Русская национальная типография, 1922. – С. 131.

⁴⁰⁰ Пржецлавский, О. А. Воспоминания / О. А. Пржецлавский // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века / Сост., предисл., подгот. текста воспоминаний О. А. Пржецлавского и коммент. А. И. Федуты. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – С. 34.

За этим признанием Пржецлавский делает выводы: «Подвиги некоторых из этих рыцарей, чрезвычайной смелостью и эксцентричностью своею, нередко доходили почти до легендарной чудесности. Источника этих явлений напрасно было бы искать в стихиях народного характера поляков. Он есть смесь почти противоположных элементов: славянской беспечности, природной храбрости, с французскою способностью увлекаться первыми впечатлениями. Но силы этих составных элементов было бы недостаточно для произведения таких субъектов... Нужно искать другой, внешней причины, так как она, по моему мнению, заключается не в постоянных качествах народного характера, а в случайных, временных обстоятельствах <...> Многие поляки из образованного класса <...> при самом начале военной карьеры Наполеона <...> поступили во французскую службу и составили легионы. Это отборное войско Наполеон водил повсюду за собой в своих экспедициях и даже посылал в Америку. Таким образом легионисты <...> „прошли сквозь огонь, воду и медные трубы”. Эти воины-космополиты закалились до твердости алмазита в непрерывных победоносных боях, в лишениях, в неисчислимых перипетиях войны всех возможных родов и во всех климатах. Неудивительно, что, при господствовавшем тогда безверии, среди такой жизни, притупились в них всякие человеческие чувства и что из них выходили <...> полудемоны...»⁴⁰¹.

В результате размышлений над трансформациями, которые происходили с польским национальным характером и менталитетом, Пржецлавский заключал: «Я не колеблюсь сказать с полной уверенностью, что <...> к пагубным порождениям Наполеоновского времени нельзя не причислить <...> оба польские восстания. Ясно видится прямая их филиация (т. е. преемственная связь – А. К.) с традициями бывших легионов. От них между поляками и французами завязалось братство по оружию <...> и взаимная симпатия двух народов. Традиция легионов <...> живая до последнего времени и, поддерживаемая симпатиею французов и надеждами поляков на их помощь, составила тот элемент, коего конечным выражением и были оба эти восстания, сколько безрассудные, столько и гибельные»⁴⁰².

Хотя Пржецлавский и отдался русской службе, он гордился своим польским происхождением и старался делать для своей Отчизны и соплеменников то, что в его понимании являлось полезным. Он пытался убедить российского читателя, что не все поляки плохие. Он восхва-

⁴⁰¹ Пржецлавский, О. А. Указ. соч. – С. 35.

⁴⁰² Там же. – С. 140.

лял тех из них, кто выбрал линию на сосуществование с российским самодержавием. Представлял в публицистике непривычный «польский взгляд на русско-польские дела», постоянно жалуясь на непонимание и элементарное незнание со стороны русской администрации этих дел, приводящее к грубым ошибкам и конфликтам. Пытался доказать, что при желании властей их можно было бы легко избежать⁴⁰³.

После восстания 1830–1831 гг. Пржецлавский стал активно исповедовать идею благоразумного сосуществования с русскими в пределах Российской империи и добиваться условий, обеспечивающих возможность такого существования. Часть польской общины Петербурга отнеслась к сделанному Пржецлавским выбору как к предательству, а личность самого «предателя» стала вызывать у них неприязнь. Впрочем, надо признать, что он не вызывал особых симпатий даже у тех, кто не относился к числу его политических противников. Так, например, Тадеуш Бобровский, автор «Дневников»⁴⁰⁴, являющийся источником по истории польской шляхты Украины, во второй половине 40-х годов XIX в. совершенствовавший своё образование в Петербурге, дал следующее описание Пржецлавского: «Низенький, пузатый, с мелкими чертами лица и маленьким красным носиком, белёсыми мутными глазками и низким лбом, с чертами посредственности и коварства на лице и при напускной, если того требовали обстоятельства, скромности, был он полон безмерного самомнения. Мне представляется, что в служебных отношениях у него не было столь сильных амбиций, но в качестве облечённого доверием аристарха, царящего в “Тыгоднике”, он считал себя авторитетом... призванным вещать истину по каждому вопросу <...> Ни как писатель, ни как человек, он не имел ни убеждений, ни принципов, разве что убеждённости в величии своей персоны и должности, и принцип личного интереса»⁴⁰⁵.

Известно, что представители русской элиты к личностям, подобным Бухарину и Пржецлавскому, относились негативно. Характеристика, данная Пржецлавскому его соплеменником Бобровским, свидетельствовала о том, что последний действительно являлся весьма показательным примером для формирования исключительно негативного общественного мнения о поляках, находившихся «на царской службе».

⁴⁰³ Тесля, А. Свои и чужие : поляки в столице империи [Электронный ресурс] / А. Тесля. – Режим доступа : <http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/Svoi-i-chuzhie-polyaki-v-stolice-imperii>. – Дата доступа : 25.08.2022.

⁴⁰⁴ Bobrowski, T. Pamiętniki Tadeusza Bobrowskiego / T. Bobrowski. – Lwów : Nakł. Jana Nep. Niewiadomskiego, 1900. – 417 s.

⁴⁰⁵ Тесля, А. Указ. соч.

Вряд ли О. А. Пржецлавский мог притязать на то, чтобы превзойти Булгарина в его скандальной популярности, да и стиль его поведения был иным. Но ему удалось сказать о поляках, при всей его любви к ним, такую правду, которую молчаливо признали и сами они, и которую принял в качестве одного из объяснений всего того, что происходило в русско-польских отношениях, царский режим. Очевидно, что способность Пржецлавского смотреть на поляков трезво, как бы со стороны, улавливая при этом настроения и образотворческие пожелания российской светской и чиновной элиты, связана не только с его личными, человеческими качествами, но и с его «кресовым» происхождением, с ментальным влиянием белорусской среды, в которой начиналась его социализация.

Таким образом, рассматривая образ поляков, созданный Булгариным и Пржецлавским в своих сочинениях, следует констатировать тот факт, что своими стараниями они не только внесли серьёзный вклад в формирование в российском обществе стереотипных представлений о поляках, но и существенную лепту в процесс формирования в восприятии белорусов, являвшихся частью этого общества, образа поляков. Оба они, будучи «кресовыми» поляками, хорошо знали своих соплеменников, их национальный характер и менталитет, хорошо знали особенности восприятия белорусами поляков. Своей деятельностью они содействовали инклюзивированию в восприятие поляков русскими элементов традиционного восприятия поляков белорусами и даже элементов «кресового» автостереотипа поляка. Генетическая связь между восприятием поляков белорусами и русскими, а также близость менталитетов (белорусского и русского) сделала возможной двухстороннюю диффузию элементов формируемых национальных образов поляков и обеспечила успешность введения в формирующийся в восприятии белорусов образ, развитие которого активизировалось в рамках белорусского национально-культурного возрождения, элементов его русского аналога. Происходило это в рамках официальной политики царизма, направленной на русификацию («обрусение») края и на практике проявляло себя в самых разных областях жизни. В роли модераторов этого процесса выступили политики, учёные, разного рода литераторы и публицисты, художники.

5 КОНСТРУИРОВАНИЕ В ВОСПРИЯТИИ БЕЛОРУСОВ ОБРАЗА ПОЛЯКОВ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

5.1. Антипольская составляющая в позиции российского самодержавия по отношению к белорусскому национально-культурному возрождению

В генезисе этнического самосознания белорусов XIX – начало XX в. занимают особое место. В результате потрясений рубежа XVIII–XIX вв. сложились условия, благоприятствовавшие выходу их культурной жизни за пределы того формата, в котором она существовала ранее. При этом очевидно, что белорусское национально-культурное возрождение, восходящее корнями к началу XIX в., помимо своего генерального, сугубо культурного аспекта, имело также и политическую составляющую, хотя выражена она была чрезвычайно слабо. Зарождающееся национальное движение белорусов изначально имело антиполонизаторскую направленность, а после подавления царизмом польских национально-освободительных восстаний 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг. приобрело также и направленность антирусификаторскую. При этом необходимо подчеркнуть, что речь идёт именно об антиполонизаторской и антирусификаторской, а не об антипольской и антирусской направленности.

Что касается антирусификаторской направленности, значение её не стоит преувеличивать – в Беларуси не было сил (за исключением поляков), которые могли бы этой тенденции придать хоть какую-нибудь силу. Всё ограничивалось пассивным неприятием белорусским обывателем русского образа жизни, русских нравов и морали. Трудно было ожидать от белорусов, чьё этническое самосознание находилось в зачаточном состоянии и проявляло себя только в противопоставлении с представителями более низких по статусу, а точнее – более дискриминируемых групп, открыто негативного восприятия представителей господствующих этносов – поляков или русских.

В этих условиях царизму удавалось довольно успешно реализовывать в Беларуси программу-минимум своей национальной политики, суть которой сводилась к отторжению белорусов от польскости. Программу-максимум – полную русификацию края – никто с повестки дня, конечно же, не снимал, но реализация её откладывалась на пер-

спективу. На практике с середины 60-х годов XIX в. вплоть до начала Первой мировой войны процесс белорусского национального возрождения практически полностью перешёл в русло культурно-просветительной работы, развивавшейся под русским административным и идеологическим контролем.

Несомненные успехи царизма в деле интеграции белорусских земель в организм Российской империи объясняется несколькими причинами, в числе которых, без всякого сомнения, был этнический инфантилизм белорусов, усугублявшийся синдромом относительной депривации (депривация – сокращение либо полное лишение возможности удовлетворять основные психофизиологические либо социальные потребности – А. К.).

Относительная депривация представляет собой субъективно воспринимаемое и болезненно переживаемое несовпадение «ценностных ожиданий» (т. е. благ и условий жизни, которых, как полагают люди, они заслуживают по справедливости) и «ценностных возможностей» (т. е. тех благ и условий жизни, которые люди, по их представлению, могут получить в реальности)⁴⁰⁶.

В основе синдрома относительной депривации лежит механизм социального сравнения. Индивиды, принадлежащие к одному этносу, могут сравнивать своё положение и положение представителей других этнических групп (либо свои возможности в прошлом и в настоящем) или же они обнаруживают резкое несоответствие между тем, во что они верят, что является должным, и тем, что они знают о реальности, тем, как она им открывается. Социальное сравнение содержит в себе значительную ценностную нагрузку и поэтому приводит людей к мысли о несправедливости обнаруженных несоответствий.

Относительная депривация описывается в научной литературе как феномен, имеющий важное социальное значение. Накопленная неудовлетворённость и острое переживание несправедливости существующего положения имеют тенденцию распространяться в социальной среде, вызывать социальное беспокойство и диффузную агрессию, что в итоге приводит к росту социальной напряжённости. Считается, что относительная депривация является важным условием разных форм коллективного действия – от бунтов и революций до протестного поведения и социальных движений.

⁴⁰⁶ Климов, И. А. Депривация [Электронный ресурс] / И. А. Климов // Большая российская энциклопедия. – Режим доступа : <https://bigenc.ru/sociology/text/1948445>. – Дата доступа : 07.05.2023.

Будучи лишёнными возможности чувствовать себя хозяевами на своей собственной земле, вынужденными приспособливаться к выживанию в условиях польского, а затем российского доминирования и господства, белорусы чувствовали себя ущемлёнными; их достаток, а, следовательно, и жизненный уровень были чрезвычайно невысоки; шёл процесс депривации жизненных стандартов, суть которого прекрасно передаёт латинское выражение «Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку». При этом никакой реакции на доминирование и господство чужаков на практике белорусы не выказывали. Однако это вовсе не означает, что самой реакции не было – белорусы приспособивались терпеть и ждать положительных для себя изменений, которые должны были произойти как бы сами собой. Но эта реакция для белорусов, как этносоциального организма, не могла пройти бесследно, без трансформирующих последствий.

В издании «Народы России. Живописный альбом» в числе многих народов, населяющих Российскую империю, представлены и белорусы. Жизнь их, как и они сами, изображалась очень сочувственно: «Долгое время разъединённые с остальными членами русской семьи, претерпевшие много бедствий во время подчинения чужеземному господству, запертые среди болот и лесов своих, от природы склонные к жизни особняком, белорусы как в домашнем хозяйственном быту, так и в ведении мирского дела характером и обычаем много теперь отличаются от родных братьев своих малоросов, особенно-же великоросов, хотя, как дети одной семьи, имеют с ними и много сходного»⁴⁰⁷.

Тем не менее, несмотря на сочувственное отношение к белорусам, в издании отмечались негативные качества их этнического характера, являвшиеся, как резонно утверждалось, результатом многовекового опыта существования в условиях иноземного господства, приспособления к ним: «Но не в одной бедности, беспечности и страсти к вину оставили после себя следы тяжкие невзгоды, которые переносил в былые годы белорусский народ. Они испортили его нрав, забили, принизили его. Привыкши в течение долгого времени терпеть гнёт со всех сторон, сгибаться, коленопреклоняться, лгать и подличать для своей безопасности не только пред паном помещиком, но и подпанком – экономом (управляющим) и паном арендарем (евреем, арендующим корчму), белорус и до сих пор остаётся лукавым, двоедушным, недоверчивым, скрытным со всяким, кто сколько-нибудь похож на пана,

⁴⁰⁷ Народы России. Живописный альбом. – СПб. : Типография товарищества «Общественная Польза», 1877. – С. 45.

будет-ли то чиновник, писарь или совсем посторонний человек. Работлепство же его и унижение пред всеми, кто выше его, подчас преступают всякую меру»⁴⁰⁸.

С точки зрения социобиологии и медицины, в «цивилизованном» социуме наиболее частым вариантом выхода-выплеска агрессии, которая является врождённым инстинктом, являются в первую очередь соматические болезни. Если в обществе, по понятным причинам, человек лишён возможности безнаказанно выплеснуть агрессию наружу, лишён средств, позволяющих временно заглушить приступы агрессии, либо его моральные устои не позволяют ему их использовать, то агрессия направится вовнутрь, вызовет изменения, которые, в свою очередь, приведут к т. н. «психосоматическим» заболеваниям, за которыми идут более серьёзные болезни, в том числе и опасные для жизни.

В принципе, подобные симптомы без труда можно распознать в белорусах. Прежде всего, это их подавленный, депрессивный вид, и такое же состояние души, что предполагает, исходя из изложенного выше, раздражительность и агрессивность, которые, однако, белорусам приходилось разными способами в себе подавлять. Конечно, это не могло не сказываться на них самым негативным образом. В частности, в том же «Живописном альбоме. Народы России» мы читаем: «В 40–50 лет, белорус выглядит совершенным стариком, особенно женщины, которые стареют весьма рано <...> Между взрослыми мужчинами <...> почти невозможно встретить ту осанистость, русскую крепость и красоту, про которую говорят: «кровь с молоком» и которую вовсе не редкость встретить среди населения великорусских губерний или ту, как бы железную крепость, которая отличает сухого и смуглого малороса»⁴⁰⁹. Отсутствие у белорусов жизненной энергии и их приспособленчество к условиям жизни отмечали практически все российские исследователи, которые занимались описанием народов⁴¹⁰.

И не только исследователи – образ белоруса, вызывающий глубокое сочувствие и скорбь, создал Н. Некрасов в своём стихотворении «Железная дорога»:

«...Волосом рус,
Видишь, стоит, изможден лихорадкою,

⁴⁰⁸ Народы России. Живописный альбом... – С. 51.

⁴⁰⁹ Там же. – С. 46.

⁴¹⁰ Там же. – С. 43–57 ; Без-Корнилович, М. О. Указ. соч. – С. 240–250 ; Живописная Россия : Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении : в 19 т. Т. 3. Ч. 1 : Литовское Полесье ; Ч.2 : Белорусское Полесье / под общ. ред. П. П. Семенова. – СПб. : Типография М. О. Вольфа, 1882. – С. 277–284.

Высокорослый больной белорус:
Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах;
Ямою грудь, что на заступ старательно
Изо дня в день налегала весь век...
Ты приглядишься к нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлеб добывал человек!
Не разогнул свою спину горбатую
Он и теперь ещё: тупо молчит
И механически ржавой лопатой
Мерзлую землю долбит!»⁴¹¹.

В другом своём произведении – «Кому на Руси жить хорошо» (Глава 4. Счастливые) – Н. Некрасов вновь показывает читателю вызывающего жалость и сострадание белоруса:

«Желтоволосый, сгорбленный,
Подкрался робко к странникам
Крестьянин – белорус,
Туда же к водке тянется:
– Налей и мне маненичко,
«Я счастлив!» – говорит.
«А ты не лезь с ручищами!
Докладывай, доказывай
Сперва, чем счастлив ты?»
– А счастье наше – в хлебушке:
Я дома в Белоруссии
С мякиною, с кострикою
Ячменный хлеб жевал;
Бывало, вопишь голосом,
Как роженица корчишься,
Как схватит животы.
А ныне, милость божия! –
Досыта у Губонина
Дают ржаного хлебушка,
Жую – не нажуюсь!»⁴¹².

⁴¹¹ Некрасов, Н. Железная дорога [Электронный ресурс] / Н. Некрасов. – Режим доступа : <http://www.stihi-rus.ru/1/Nekrasov/30.htm>. – Дата доступа : 10.05.2023.

⁴¹² Некрасов, Н. Кому на Руси жить хорошо [Электронный ресурс] / Н. Некрасов. – Режим доступа : <https://ilibrary.ru/text/13/index.html>. – Дата доступа : 10.05.2023.

Учитывая сказанное о белорусах российскими этнографами, писателями и поэтами, можно не сомневаться в том, что смирение белорусов, их молчание, было способом мимикрии, приспособления к обстоятельствам жизни. А о том, что было у них на душе, красноречиво говорят белорусские народные песни, наполненные безысходной грустью и печалью.

Как считается, полностью механизмы депривации-фрустрации-агрессии и у социального индивидуума, и той этнической группы, к которой он принадлежит, могут быть исключены только при приведении в соответствие имеющихся «жизненных» установок с реально сложившимся «жизненным» положением⁴¹³.

Своими силами в рассматриваемый период (впрочем, как и ранее) белорусы эту проблему были не способны решить. По причине неразвитости этнического самосознания они чувствовали очень слабую связь с представителями собственной этнической группы, что чрезвычайно сильно ослабляло их сопротивленческий потенциал, способность к противодействию внешнему давлению. Да и что касается «жизненных» установок, тут тоже были очень серьёзные проблемы. Как известно, жизненные установки напрямую связаны с потребностями, потребности – с уровнем образования и культуры. Если следовать по этой логической цепи в обратном направлении, проблемы начинаются сразу же – уровень образования и культуры белорусов оставлял желать лучшего. Тот, кто должен был заниматься их повышением – представители белорусской элиты – став когда-то на путь полонизации и ренегатства, бросили свой народ на произвол судьбы. В состав Российской империи белорусы вошли уже без этой элиты. В жизни же простонародья всё сводилось к элементарному выживанию – не более того. Хотя это, конечно же, не исключало существования традиционной народной культуры на бытовом уровне.

Таким образом, в XIX в. у белорусов не было оснований и поводов для завышения собственной самооценки, зато имевшие место быть чётко осознаваемый невысокий культурный уровень, отсутствие «маяков» в лице представителей собственной элиты, очень низкая пассионарность и т. п. порождали комплекс этнической неполноценности, которая проявлялась при пробировании её, в частности, польской «лакмусовой бумажкой». Пожалуй, это сравнение является наиболее показательным, поскольку большего несоответствия уровней этнического самосознания, этнических (что касается поляков – национальных) амбиций и т. п. трудно найти. В то время, когда поляки были

⁴¹³ Климов, И. А. Указ. соч.

буквально одержимы своей национальной исключительностью (защитники европейской цивилизации и цитадели католицизма на востоке Европы, прирождённые демократы и в этом своём качестве – последовательные борцы с тираниями и деспотиями), белорусы вообще имели большие затруднения с этической самоидентификацией.

Но национальные их качества, как уже было сказано, оказались в фокусе внимания этнографов – сначала российских, а затем уже и польских. Оценивались они по-разному – в зависимости от обстоятельств и от мотивации оценивающего – и как достоинства белорусов, и как их недостатки. В наши дни эта тенденция продолжает сохраняться. Так, например, в своей книге «Таямніцы народнай душы» Э. С. Дубенецкий⁴¹⁴ продемонстрировал идеалистический подход к анализу особенностей белорусского национального характера («народной души») и представил, по сути дела, белорусский автостереотип со всеми его позитивными чертами и качествами. Однако все они, как правило, совсем иначе интерпретировались (и интерпретируются) зарубежными (в первую очередь российскими и польскими) исследователями. В этой связи вполне уместно будет привести следующий афоризм: «Любое человеческое качество – это монета, где достоинство и порок – аверс и реверс». Этнический инфантилизм белорусов, их инертность и пассионарная вялость давали повод и полякам, и русским видеть в них податливый для ассимиляционного воздействия демографический материал.

В 60–70-х гг. XIX в. российские власти начинают активно разыгрывать подброшенную им поляками «карту» в виде белорусского национально-культурного возрождения. В рамках «теории западнорусизма» они пытались доказать, что белорусы являются самобытным ответвлением русского этноса. Их этнографические отличия рассматривались как результат польских влияний, подлежащий искоренению. В то же время началось интенсивное изучение российскими учёными белорусской народной культуры. Власти разрешили печатать на белорусском языке «гражданкой» этнографические сборники. В правительственных статистиках и картах началось использование терминов «Белоруссия» и «белорусы».

Однако, вопреки ожиданиям, многочисленные научные исследования, которые должны были послужить укреплению западнорусизма, посодействовали оформлению собственно белорусской культурной традиции. И уже первое её публичное проявление стало одновременно попыткой прорыва на «политиче-

⁴¹⁴ Дубянецкі, Э. С. Пазнач. твор.

скую территорию». В конце 70 – начале 80-х гг. XIX в. белорусские народники выступили с теоретическим обоснованием существования белорусов как «отдельной ветви славянского племени»⁴¹⁵.

Интерес к белорусам, проявленный поляками и русскими в рамках идеологического противостояния между собой, без всякого сомнения, сыграл положительную роль в деле конструирования белорусской этничности, за которую сознательно взялись пассионарии из новоформирующейся белорусской интеллигенции. Они начали укреплять ставший уже шатким фундамент белорусского этноса, сознательно и намеренно конструировать белорусскую этничность, закладывая новый национально-культурный базис. Они не только открыто заявили о праве белорусского народа на свою собственную культуру, но и сделали многое для того, чтобы «тутэйшы» крестьянин, впаянный в ландшафт «роднага кута» и имеющий весьма слабое представление о мире, внешнем по отношению к его малой родине, превратился в «белоруса» – человека, осознающего свою этическую уникальность, имеющего представление о своеобразии той этнокультурной общности, с которой он себя отождествляет, и свойственную её представителям ментальность⁴¹⁶. Хотя Ф. Богушевич и Я. Купала начинали писать по-польски, а Я. Колас и М. Богданович – по-русски, все они сознательно, намеренно пришли к творчеству на белорусском языке и помогли эту метаморфозу осуществить.

Данное явление не стало чем-то уникальным для российской общественно-политической и культурной действительности последней четверти XIX в. По мнению историка Сергея Сергеевича Ольденбурга, во время правления императора Александра III (1881–1894 гг.) в правительственных сферах Российской империи наблюдались «критическое отношение к тому, что именовалось «прогрессом» и стремление придать России больше внутреннего единства путём утверждения первенства русских элементов страны»⁴¹⁷. По сути, Российская империя стала на путь превращения в русское национальное государство. Появление русского национализма и политика русификации неминуемо должны были вызвать и вызвали возникновение национализма на национальных окраинах империи, в т. ч. и национализма белорусского. Однако последствия политики Александра III станут очевидны несколько позже – в царствование Николая II, закончившееся падением монархии в России.

⁴¹⁵ Смалянчук, А. Пазнач. твор. – С. 120.

⁴¹⁶ Кротов, А. М. О трансформации национально-политического сознания поляков Беларуси в 1795–1921 гг. / А. М. Кротов // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – Гомель : Изд-во ГГУ им. Ф. Скорины, 2012. – № 4(73). – С. 62.

⁴¹⁷ Ольденбург, С. С. Царствование императора Николая II / С. С. Ольденбург. – М. : Центрполиграф, 2018. – С. 13.

Что же касается русского национализма и вклада его представителей в создание образа поляков в российской публицистике, то нельзя не отметить лепту одного из крупнейших теоретиков этого национализма, видного общественного деятеля и консервативного публициста конца XIX – начала XX в., известного психиатра, проф. Павла Ивановича Ковалевского. В своей книге «Русский национализм и национальное воспитание в России» (Гл. 4 «Народности России», Ч. 1. «Национализм» – А. К.) он характеризует национализм, развившийся на окраинах Российской империи, и, разумеется, в числе окраинных националистов особо им выделялись поляки⁴¹⁸.

Вряд ли его можно упрекнуть в незнании поляков, особенностей их национального характера, т. к., не говоря уже о прочем, в 1895–1897 гг. он являлся ректором Варшавского университета. Так что своё идейное и, по-сути, непримиримое отношение к полякам и к польскости вообще он подкрепляет высказываниями авторитетных людей, в том числе и личностей выдающихся. В частности, он цитирует одно из писем императрицы Екатерины II Фридриху Мельхиору Гримму, который на протяжении 20 лет (с мая 1753 г. по февраль 1773 г.) руководил известнейшим рукописным журналом эпохи Просвещения – «Литературной корреспонденцией»⁴¹⁹: «Польский народ „потерял всякое единодушие до того, что между поляками нельзя найти двух людей, согласных между собою. Продажные, испорченные, легкомысленные, вздорные, деспоты, прожектёры, предоставляющие свои имения в управление жидам, которые сосут кровь их подданных и платят за то очень мало: вот вам живой портрет поляков”»⁴²⁰. Вне всякого сомнения, с точки зрения П. И. Ковалевского, и на рубеже XIX–XX вв. этот «портрет поляков» всё ещё оставался актуальным.

Далее он приводит также мнение А. И. Подвысоцкого, на которого уже приходилось ссылаться, о психологических качествах поляков⁴²¹, которые весьма поспособствовали падению Речи Посполитой: «Сознание монархической идеи и дух своевольной анархии, благоговение пред величием и оскорбительное к нему недоверие, беспредельная гордость и раболепное унижение, геройское самопожертвование и

⁴¹⁸ Ковалевский, П. И. Указ. соч. – С. 125–134.

⁴¹⁹ Карп, С. Я. Фридрих Мельхиор Гримм и его «Литературная корреспонденция» в России XVIII–XIX веков [Электронный ресурс] / С. Я. Карп. – Режим доступа : https://perspectivia.net/servlets/MCRFileNodeServlet/ploneimport_derivate_00011430/karp_grimm.doc.pdf. – Дата доступа : 15.05.2023.

⁴²⁰ Ковалевский, П. И. Указ. соч. – С. 127.

⁴²¹ Подвысоцкий, А. Указ соч. – С. 1.

своекорыстное честолюбие, христианская идея братства и дух сварливой междоусобицы, глубокое религиозное чувство и в то же время фанатическая нетерпимость, – вот общие черты добродетелей и пороков, при взаимной борьбе которых пала Польша»⁴²².

Таким образом, в рамках борьбы с польскими влияниями в Беларуси и укрепления здесь российского влияния, царизм не чинил серьёзных препятствий деятельности белорусских «адраджэнцаў» на литературном, в частности, поприще. Он содействовал научному изучению края и его населения, рассматриваемого как региональная разновидность русского народа. Белорусское культурное возрождение, инициированное «литературными подстрекателями» из числа «кресовых» поляков и воспринимаемое ими как средство противодействия распространению в Беларуси русских влияний (исходя из принципа «если не польскость, то хотя бы белорусскость»), не только не оправдало их надежд, но даже наоборот – было использовано российской администрацией для укрепления своих позиций в крае. Царизм успешно перехватил у поляков инициативу в поддержке белорусизма, обратив его против своего идеологического врага, и тем самым содействовал, в большей степени, разумеется, косвенно, белорусскому национально-культурному возрождению. Однако нельзя не отметить, что в условиях ширившейся русификации перспективы такового были весьма и весьма туманны.

Придать рыхлому этническому самосознанию белорусов новое качество и вывести их из оцепенения в специфических условиях второй половины XIX – начала XX в. было очень сложно. Однако общая ситуация, сложившаяся в европейской культурной и общественно-политической мысли того времени, этому способствовала – накануне и во время Первой мировой войны активизировался процесс пробуждения национального самосознания неполитических народов Европы, в том числе и белорусского.

5.2 Польское доминирование как фактор угнетения белорусов в трудах российских учёных, публицистов, писателей и поэтов

Когда в ноябре 1830 г. на территории Царства Польского вспыхнуло восстание против власти Российской империи под лозунгом восстановления независимой Речи Посполитой в границах 1772 г., не только официоз, но и российское общественное мнение увидели в нём интриги европейских держав, подбивших легковверных поляков на бунт, при-

⁴²² Ковалевский, Указ. соч. – С. 127.

званный ослабить Россию. В стихотворении А. С. Пушкина «Клеветникам России» (1831 г.) поляки («кичливые ляхи») представлены членами семьи славянских народов, которые ведут с русскими старый, «домашний» спор, в который посторонним не стоит вмешиваться:

«Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов»⁴²³.

События 1830–1831 гг. показали, что «перевоспитание» поляков – дело очень непростое, долгое и серьёзное. В рамках борьбы с польским инсургентством началась схватка также и на идеологическом фронте, за умы населения, жившего на белорусских и украинских землях, в которой борющиеся стремились представить друг друга в негативном свете. В рамках этой борьбы в России начинается целенаправленная работа по созданию редуцированного образа поляков, являющегося самым «слабым звеном» в российском обществе из-за присущих ему «племенных» качеств, сказывающихся на его социальной ориентации, политической благонадёжности и т. д. Причём уже в процессе создания этого образа его элементы стали активно использоваться российскими властями в идеологической обработке белорусского населения.

В 1877 г. в книжном издании впервые вышел живописный альбом «Народы России», который внёс свою лепту в формирование этнического самосознания белорусов, дав им возможность, посмотрев на себя как бы со стороны, многое узнать⁴²⁴. В частности, в нём шла речь о серьёзных проблемах в жизни белорусских крестьян в условиях польского доминирования на белорусских землях даже спустя несколько десятилетий после последнего раздела Речи Посполитой, т. е. в тот период, когда в правительственных кругах России ещё витали

⁴²³ Пушкин, А. С. Клеветникам России [Электронный ресурс] / А. С. Пушкин. – Режим доступа : <https://www.culture.ru/poems/4966/klevetnikam-rossii>. – Дата доступа : 24.05.2023.

⁴²⁴ Народы России. Живописный альбом...

иллюзии насчёт возможной интеграции поляков в российское общество в качестве полезного элемента: «Для белорусских крестьян, можно сказать, не существовало никакой защиты; им на мысль не приходило приносить кому следует жалобы <...> «Воля Божья и паньска», говорили они, терпеливо перенося все гнетущие их невзгоды, по-прежнему изнурялись на панской работе, по-прежнему отдавали почти все плоды трудов своих пану, который вносил только за них казённый оброк. Вот как описывает белорусский народ это тяжёлое время в одной из своих песен:

«Цеперь же нам, пане браце, Содома, Содома!
Бо нема в нас снопа жита ни в поли, ни дома,
Было в мене трохи жита зелена, зелена,
Да пожали вражьи ляхи без мене, без мене!»⁴²⁵.

Известно, что любой этнический образ, но прежде всего – образ редуцированный (стереотип), несёт выраженную идеологическую нагрузку, отражая межнациональные противоречия, а также интересы политически господствующих сил. Неудивительно, что российское самодержавие стало определять идеологическую нагрузку образа, который стал конструироваться для внедрения его в массовое сознание белорусов с целью отторжения их от такого мощного центра антироссийских инспираций, каким являлась Польша.

Необходимость обращения к формированию данного образа была вызвана тем обстоятельством, что в условиях русского доминирования, в том числе и культурного, начавшейся русификации края, ни о каком свободном генезисе в восприятии белорусов образа поляков не могло быть и речи. На этот процесс определяющее влияние стал оказывать русский редуцированный образ поляков (стереотип), в создании которого принимали участие не только те, кто должен был этим заниматься в силу своего профессионального долга (чиновники, священнослужители, люди, занятые в сфере народного просвещения), но и учёные, писатели, поэты, художники.

Так, например, Михаил Осипович Коялович – ведущий представитель «западнорусской» исторической школы, признавая факт отсутствия в белорусском фольклоре преданий «о народной борьбе с Польшей», всё равно пишет об «исторической вражде» белорусов к «польскому здесь (т. е. в Беларуси – А. К.) племени»⁴²⁶. Единственным подтверждением своему выводу он считает проявившую себя в ходе подавления восстания 1863–1864 гг. тенденцию «отделаться от поляков и завладеть их

⁴²⁵ Народы России. Живописный альбом. – С. 49.

⁴²⁶ Коялович, М. О расселении племён Западного края России / М. Коялович. – М. : Типография Бахметева, 1863. – 16 с.

землѣй». Именно в этой тенденции, якобы, «сказывается сознание народа, сознание своей сдавленности пришлым племенем и сознание незаконности господства над ним чужого племени»⁴²⁷.

Пропагандистская обработка белорусов особенно активизируется после польского восстания 1863–1864 гг. И особую роль в их антипольском воспитании сыграл издаваемый и редактируемый Ксенофонтом Антоновичем Говорским ежемесячный историко-литературный журнал «западнорусского» направления, выходивший в Киеве в 1862–1864 гг. под названием «Вестник Юго-Западной и Западной России» и в Вильно в 1864–1871 гг. под названием «Вестник Западной России».

В этом журнале отстаивались российские державные идеи, поддерживалась и пропагандировалась русификаторская и колонизаторская политика царского правительства в «западно-русских» областях, велась активная борьба с полонизацией и католическим прозелитизмом. Путём откровенного внедрения в массовое сознание белорусов элементов русского редуцированного образа поляков идеологи «западноруссизма» пытались катализировать процесс создания в восприятии белорусов негативного образа поляков.

М. О. Без-Корнилович, на которого уже приходилось ссылаться выше, в основном своём сочинении не только прикоснулся к краеведческой и этнографической тематике, но и расставил идеологические акценты. Дав довольно объективную характеристику белорусам, отметив патриархальность их уклада и скромность быта⁴²⁸, он заключил, что именно поляки и их верные подручные-евреи разрушили пасторальную идиллию последнего⁴²⁹. Тема эта уже была не нова – её с большим успехом, как мы уже выяснили, эксплуатировал Фаддей Булгарин⁴³⁰. Главная же опасность, по мнению М. О. Без-Корниловича, исходила от иезуитов. Здесь он также шёл по стопам Ф. Булгарина, который в своих «Путевых заметках на поездке из Дерпта в Белоруссию и обратно весною 1835 года» поднял тему участия иезуитов в нравственном воспитании жителей Речи Посполитой⁴³¹.

В живописном альбоме «Народы России» в числе других народов Российской империи рассматриваются и поляки со всеми их этнографическими и этнопсихологическими особенностями⁴³². Вряд ли следу-

⁴²⁷ Коялович, М. О. Указ. соч. – С. 16.

⁴²⁸ Без-Корнилович, М. О. Указ. соч. – С. 240–250.

⁴²⁹ Там же. – С. 250–253.

⁴³⁰ Булгарин, Ф. Иван Выжигин...

⁴³¹ Булгарин, Ф. Путевые заметки на поездке из Дерпта... – С. 201.

⁴³² Народы России. Живописный альбом... – С. 58–76.

ет сомневаться в том, что данная им характеристика произвела серьёзное воздействие на формирующийся в восприятии белорусов образ поляков – его элементы, кем бы они не формулировались, имели под собой фактические основания, очевидные всем. Неудивительно, что в данном образе стали появляться заимствованные элементы, к которым, с точки зрения их соответствия традиционному белорусскому восприятию поляков, не было претензий.

То же самое можно сказать и о другом издании – «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении». Третий его том был посвящён Литовскому и Белорусскому Полесью⁴³³. В описании исследователя литовских и белорусских древностей, литератора и издателя Адама Карловича Киркора, родившегося в Беларуси (д. Сливино Мстиславского уезда Могилёвской губернии, ныне – д. Сливино в Смоленской области России – А. К.), но имевшего татарские корни и польское воспитание, вновь предстаёт образ белоруса с его невыразительной народной философией, с некими зачаточными представлениями о себе и о других («чужих»), в том числе и о поляках.

Помимо научных и научно-популярных изданий в разработке русского стереотипа поляка большую роль сыграла и художественная литература. Элементы негативного стереотипа поляка без труда можно найти в серьёзных произведениях. В частности, негативный образ поляка («полячка») присутствует в произведениях Фёдора Михайловича Достоевского.

Яцек Углик, исследующий творчество классика русской и мировой литературы, утверждает, что причина его ненависти к полякам – их борьба против русской державы, стремящейся к объединению всех славян; мечта польского народа о независимости и его отчаянные усилия добиться её⁴³⁴. Ссылаясь на мнение польского публициста и литературного критика Ежи Стемповского, он пишет о Достоевском: «Когда только он хочет нарисовать отвратительных персонажей, вызывающих у читателя чувство жалости или стыда, он выводит на сцену поляков <...> Именно в этих местах, страдающие болезненным самолюбием поляки, среди общего скандала, опознаны как обманщики и негодяи»⁴³⁵.

Поляк у Достоевского – надменный, высмеянный, прогнанный. «Когда писатель хотел изобразить именно такого человека, он обра-

⁴³³ Живописная Россия...

⁴³⁴ Углик, Я. Указ. соч.

⁴³⁵ Там же.

шался к образу «полячка» и ситуация сразу становилась понятной», – заключает Я. Углик⁴³⁶.

Завершая анализ особенностей изображения поляков в произведениях Достоевского, Углик констатирует, что поляк для этого великого писателя – «символ проигравшего и безрассудного человеческого существа»⁴³⁷.

Несколько сдержаннее, чем Ф. М. Достоевский, высказывал своё мнение о поляках Николай Семёнович Лесков. Российская исследовательница О. А. Головачёва, изучающая его творчество, констатирует, что факты, отмеченные Лесковым, показывают их как приспособленцев, нечистоплотных в нравственном отношении людей, способных при каждом удобном случае унижить других⁴³⁸.

Однако, несмотря на большой вклад, внесённый Ф. М. Достоевским, Н. С. Лесковым и другими классиками русской литературы в разработку образа поляков и внедрение его в общественное сознание, куда большую роль этом в деле сыграли авторы литературных произведений лёгкого, развлекательного жанра, предназначенной для всякой читающей публики – дворян, купцов, мещан. Особенно же для женщин.

Разумеется, популярная художественная литература, как и всякая другая, предназначалась не только для русского читателя – для любого, кого русская культура «приняла в своё лоно». В том числе и белорусского.

В качестве примера можно взять произведения Всеволода Владимировича Крестовского. Наиболее известное из них – «Петербургские трущобы». Впервые оно было опубликовано в журнале «Отечественные записки» в 1864–1866 гг. и представляло собой сочетание авантюрного романа и произведения остросоциального, показывающего пропасть, разделявшую аристократию и городское «дно»⁴³⁹.

Близка творчеству В. Крестовского была не только социальная, но и национальная тематика. После начала польского восстания 1863–1864 гг. он убедился в том, что примирение с поляками невозможно. И тогда начал свою борьбу с польским инакомыслием, ис-

⁴³⁶ Углик, Я. Указ. соч.

⁴³⁷ Там же.

⁴³⁸ Головачёва, О. А. Устойчивые единицы как идиостилевые маркеры в цикле очерков Н. С. Лескова «Русское общество в Париже» / О. А. Головачёва // Вестник Брянского университета. – 2016. – №1. – С. 238–239.

⁴³⁹ Репников, А. В. Всеволод Крестовский (Об авторе «Петербургских трущоб») [Электронный ресурс] / А. В. Репников. – Режим доступа : <http://www.portal-slovo.ru/history/35751.php>. – Дата доступа : 03.02.2023.

пользуя в качестве оружия сатирическое перо. С 1868 г. начинается самый плодотворный период его творчества, когда публикуются наиболее зрелые его произведения, в том числе и дилогия «Кровавый пуф: хроника Смутного времени государства Российского», состоящая из двух романов: «Панургово стадо»⁴⁴⁰ и «Две силы»⁴⁴¹, в которых автор приводит читателя в белорусскую деревню, стонущую под гнётом польского помещика.

Для того чтобы выразить своё отношение к революции, как утверждает российский историк Фёдор Селезнёв, Крестовский использовал образ пройдохи Панурга, созданный Франсуа Рабле в романе «Гаргантюа и Пантагрюэль»⁴⁴². Персонаж Рабле во время морского путешествия повздорил с купцом, вёзшим партию баранов, и решил ему отомстить. Для этого он купил у своего обидчика одного барана и бросил его за борт. Тут же остальные бараны, повинувшись стадному инстинкту, бросились в море. Точно так же, по мнению Крестовского, поступала и русская молодёжь, бездумно кидавшаяся вслед за своими вождями в пучину революции, к удовольствию коллективного Панурга – польских сепаратистов⁴⁴³.

В условиях русского информационного господства, не имея никаких альтернативных источников информации о других («чужих»), в том числе и о поляках, белорус с его неразвитым национальным самосознанием рано или поздно прислушивался к тому, что ему внушали куда более искушённые в национальном вопросе великороссы: учёные, публицисты, писатели. Не говоря уже о представителях власти. А поскольку это совпадало с его собственным мнением о поляках, пропагандистские усилия царизма не могли пропасть даром. В развитии в восприятии белорусов образа поляков произошёл скачок, придавший ему новое качество. В известной степени это свидетельствовало о прогрессивных изменениях, которые происходили в мировосприятии белорусов и в их этническом самосознании.

⁴⁴⁰ Крестовский, В. В. Кровавый пуф. Книга 1. Панургово стадо [Электронный ресурс] / В. В. Крестовский. – Режим доступа : <https://freelibrary.ru/bookread/191843-vsevolod-krestovskii-krovavyi-puf-kniga-1-panurgovo>. – Дата доступа : 15.06.2023.

⁴⁴¹ Крестовский, В. В. Кровавый пуф. Книга 2. Две силы [Электронный ресурс] / В. В. Крестовский. – Режим доступа : https://librebook.me/krovavyi_puf_kniga_2__dve_sily/vol1/1. – Дата доступа : 15.06.2023.

⁴⁴² Селезнёв, Ф. Труды Всеволода Крестовского [Электронный ресурс] / Ф. Селезнёв. – Режим доступа : <http://www.library.ru/help/docs/n79887/1.pdf>. – Дата доступа : 07.06. 2023.

⁴⁴³ Там же.

5.3 Создание визуального образа поляков в русском изобразительном искусстве и его влияние на развитие образа поляков в восприятии белорусов

С литературной публицистикой в России XIX – начала XX в. было тесно связано развитие карикатуры, которая также сыграла значимую роль в развитии в восприятии русских образа поляков и, как уже было сказано, опосредованно через него – образа поляков, формируемого в восприятии белорусов.

Временем возникновения оригинальной русской карикатуры считается эпоха правления Александра I (1801–1825 гг.). Российская исследовательница Ю. А. Жердева пишет по этому поводу: «В отличие от западноевропейской традиции, в которой карикатура формировалась, прежде всего, как политический жанр, высмеивавший отдельных персонажей или ситуации внутривнутриполитической жизни, в России проникновение карикатуры в общественную жизнь было связано с Отечественной войной 1812 года». Это даёт ей основание считать, что российская карикатура возникла как карикатура военная⁴⁴⁴.

Во время Отечественной войны 1812 г. в российских газетах и журналах действительно стали появляться статьи с сатирическими рисунками, сопровождаемыми пояснительным текстом. Сатирические и юмористические рубрики появлялись во многих популярных общественных периодических изданиях. Затем стали выходить и отдельные рисованные издания. Поскольку царская цензура не допускала никакой свободы в критике власти и её представителей, креативность авторов направлялась целиком на тех, кого можно было изображать в негативном свете без всяких опасений. Прежде всего, это были французы и те, кто им «продался». Поляки как нельзя большегодились на роль предателей.

Считается, что особую роль в развитии сатирической графики этого периода сыграли работы И. И. Терехнёва (рисунок 1), А. Г. Венецианова (рисунок 2), И. Иванова (рисунок 3)⁴⁴⁵. Однако эти художники не всегда подписывали свои работы. А правильнее сказать, что подписаны были считанные их единицы. Всего же известно более 70 карикатур, четвертая часть которых граничит с народными лубочными картинками – и по художественной технике, и по содержанию.

⁴⁴⁴ Жердева, Ю. А. Смех на войне : военная карикатура в политическом и культурном контексте 1914–1918 годов / Ю. А. Жердева // Российская история в начале XXI века : опыт, проблемы, перспективы. Материалы международной научно-практической конференции. – Оренбург, 2014. – С. 114–118.

⁴⁴⁵ Карикатуры эпохи Отечественной войны 1812 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://vv1812.shpl.ru/karikatur.html>. – Дата доступа : 27.04.2023.

Рисунок 1 – И. И. Тербенёв. Ретирада французской конницы, которая съела своих лошадей в России. 1813 г.⁴⁴⁶

Рисунок 2 – А. Г. Венецианов. Крестьянин Иван Долбила. 1812 г.⁴⁴⁷

⁴⁴⁶ Тербенёв, И. И. Ретирада французской конницы, которая съела своих лошадей в России. 1813 г. [Электронный ресурс] / И. И. Тербенёв // Отечественная война. Русская карикатура. Тербенев. Венецианов. Иванов. – Режим доступа : <https://nilsky-nikolay.livejournal.com/526308.html>. – Дата доступа : 27.05.2023.

⁴⁴⁷ Венецианов, А. Г. Крестьянин Иван Долбила. 1812 [Электронный ресурс] / А. Г. Венецианов // Карикатуры эпохи Отечественной войны 1812 года. – Режим доступа : <http://vv1812.shpl.ru/karikatur.html>. – Дата доступа : 27.05.2023.

Рисунок 3 – И. А. Иванов. Наполеон формирует новую армию из разных уродов и калек. 1813 г.⁴⁴⁸.

В их числе есть и кракусы – «польские казаки» Наполеона.

Нельзя не отметить, что, помимо французов, которых можно узнать по изображениям, собственное «национальное лицо» имели только поляки. Их можно легко отличить от прочих воинов наполеоновской армии по деталям внешнего вида, которые и сегодня используются в визуальной спецификации польскости – конфедераткам и усам на польский манер. Кроме того, И. А. Иванов сделал поясняющую изображение надпись: «Польские казаки». Такое формирование в армии Наполеона действительно было. Полк «польских казаков» был сформирован в 1812 г. польским генералом Уминьским в подчинённом наполеоновской Франции Герцогстве Варшавском, в Кракове. Отсюда и второе их название – кракусы.

Учитывая состояние русско-польских отношений, поляк, как воплощение и олицетворение присущих ему национальных качеств, рано или поздно должен был стать персонажем российских художников-карикатуристов. Образ «польского пана» прочно входит в их арсенал с

⁴⁴⁸ Иванов, И. А. Наполеон формирует новую армию из разных уродов и калек. 1813 г. [Электронный ресурс] / И. А. Иванов // Отечественная война. Русская карикатура. Терещенёв. Венецианов. Иванов. – Режим доступа : <https://nilskynikolay.livejournal.com/526308.html>. – Дата доступа : 27.05.2023.

лёгкой руки Александра Осиповича Орловского – русского живописца и жанриста, имевшего польское происхождения. Он отдал свою дань польской тематике не случайно – это было проявлением общей тенденции. Самодержавие пыталось приручить поляков, заинтересовать их в сотрудничестве с властью и использовать в борьбе с польским национально-освободительным движением. Отчасти у него это получилось. Но лишь отчасти...

Наиболее известная карикатура Орловского – «Воевода на Пыздрах» (рисунок 4).

Рисунок 4 – А. О. Орловский. Воевода на Пыздрах. 1831 г.⁴⁴⁹

Комментируя данную карикатуру, авторы книги «Русские и поляки глазами друг друга» А. де Лазари и О. В. Рябов процитировали известного русского художника-баталиста и литератора В. В. Верещагина: «С конфедераткой, гордо заломленной на бок, карикатурно громадной звездой на груди, опоясанный богатым Слуцким поясом, шествует он

⁴⁴⁹ Орловский, А. О. Воевода на Пыздрах. 1831 г. [Электронный ресурс] / А. О. Орловский. – Режим доступа : https://ic.pics.livejournal.com/inomoderator/15048310/31182/31182_original.jpg. – Дата доступа : 27.05.2023.

важно и торжественно, опираясь правой рукой на костыль, а левой – на саблю. В этом живом лице, не нарушая его индивидуальности, художник с удивительной меткостью собрал характерные особенности расы. Это «wielki pan» – «большой барин». От всей его типичной фигуры, от осанки, взора, уверенной поступи веет безграничным своеволием, кичливой заносчивостью, тщеславным самодовольством»⁴⁵⁰.

Этот образ стал весьма популярным. Хотя восприятие поляка в такой презентации русскими и белорусами сильно отличалось. Для русских – это побеждённый враг, который пытается «сохранить лицо», демонстрирует своё шляхетское достоинство, не понимая, что выглядит в глазах русских комично.

Для белорусов же, которые стояли в стороне от русско-польского соперничества, происходившее с поляками стало скорее поводом для снисходительного сочувствия, нежели для злорадства и торжества. Белорусы давно уже воспринимали поляков, по крайней мере «кресовых», т. е. белорусских, серьёзно затронутых ассимиляцией, довольно спокойно. Они стали частью естественной жизни «кресов». Разумеется, во многом этому поспособствовала общая политика царизма в отношении поляков и польскости в «Северо-Западном крае» и, конечно же, поражения в двух национально-освободительных восстаниях, существенно поубавившие в поляках оптимизм. Тем не менее, своими они не стали. Сложное сочетание особенностей национального характера, гипертрофированного представления о собственной значимости, переживаний по поводу уничтожения польского государства и утраты независимости, что воспринималось поляками как национальное унижение и возбуждало в них стремление к освободительной борьбе, делало их в глазах белорусов непредсказуемыми и потому опасными соседями. А о склонности поляков к всякого рода авантюрам и политическому фантазированию, особенно на предмет восстановления независимости Польши, было хорошо известно... Так, Адам Мицкевич в своём «Пане Тадеуше» (Книге 6. Застянок – А. К.) об этом писал:

«Граф молод, фантазёр, но в нём я доблесть чую,
Он истинный поляк, хоть и чужак, без спора,
Но в революции нельзя без фантазёра!
Годятся и глупцы, из опыта известно,
Лишь только б слушались и воевали честно!»⁴⁵¹.

⁴⁵⁰ Лазари, А. де. Угрожающий «лапотный медведь» (Из книги «Русские и поляки глазами друг друга») [Электронный ресурс] / А. де Лазари, О. В. Рябов. – Режим доступа : <http://inosmi-ru.livejournal.com/111601.html>. – Дата доступа : 20.04.2023.

⁴⁵¹ Мицкевич, А. Пан Тадеуш...

Неизвестно куда могли завести их очередные фантазии, в какие очередные авантюры они могли попытаться втянуть белорусов, и как это могло отразиться на последних.

Революционная пассионарность свойственна была не только представителям польской знати, но и всякому (или почти всякому), кто считал себя поляком. Такой стереотип создавался самими поляками. Одним из его создателей и популяризаторов, как уже говорилось выше, был А. Мицкевич:

«Так старый ветеран, прошедший жизнь в сраженьях
И с инвалидами живущий на покое,
Заслышав зов трубы, готов мгновенно к бою:
«Бей москаля!» – кричит, бросается с постели,
Бежит на костылях, да так, что еле-еле
И молодой за ним угнаться исхитрится»⁴⁵².

Данный стереотип стал составной частью мифологии, связанной с польским мессианизмом⁴⁵³.

Со временем, в условиях ослабления царизма и нарастания социального протеста в самой России, в либерально настроенных кругах российского общества стала проявлять себя тенденция к сочувственному отношению к полякам, терпящим жёсткое давление со стороны российского самодержавия. «Становится довольно обычным, – пишут А. де Лазари и О. В. Рябов, – высмеивать политику русификации в польских землях и сочувственно относиться к борьбе поляков против национального угнетения»⁴⁵⁴.

К 80-м годам XIX в. антипольские настроения в российском обществе понемногу начали уступать место благожелательности и даже некоторой симпатии к полякам⁴⁵⁵. Эти перемены, выразились, в том числе, и в работах художников-карикатуристов (рисунок 5).

К концу XIX – началу XX в. относится творчество русской художницы и силуэтистки Елизаветы Меркурьевны Бём (Эндауровой). В первом десятилетии XX в. она освоила новый вид печатной графики – оригинальные открытки, которые выходили под её именем большими тиражами, приобретя большую популярность в России. Некоторые из них носили познавательный характер, как, например, открытки серии, изображающей представителей различных народов Российской империи в национальных костюмах, в том числе и поляков.

⁴⁵² Мицкевич, А. Пан Тадеуш...

⁴⁵³ Mickiewicz, A. Księgi narodu polskiego i pielgrzymstwa polskiego...

⁴⁵⁴ Лазари, А. де. Угрожающий «лапотный медведь»...

⁴⁵⁵ Кротов, А. М. Образ поляка в российской карикатуре XIX – начала XX в... – С. 36.

Рисунок 5 – Дефиляда польско-русского легиона перед Европой и царём. 1877 г.

Надпись на знамени: «За нашу и вашу неволю!»

Царь: «Видите, сударыня, что Польша счастлива.

Это всё польские добровольцы...»

Европа: «Поздравляю, искренне поздравляю.

Любопытно, а как же выглядят Ваши рабы?»⁴⁵⁶

Нельзя не согласиться с российской писательницей Еленой Хорватовой, которая пишет, что работы художницы, может быть, и не представляли собой живописные шедевры, но вызывали у людей радость⁴⁵⁷ (рисунок 6).

Она же приводит цитату из журнала «Художественные новости» (1885 г.), характеризующую творчество художницы: «Силуэты Е. М. Бём понятны как взрослым, так и детям. У первых они вызывают отрадную улыбку, вторых заставляют радостно смеяться»⁴⁵⁸.

⁴⁵⁶ Лазари, А. де. Угрожающий «лапотный медведь»...

⁴⁵⁷ Хорватова, Е. Мир Елизаветы Бём. Часть 3 [Электронный ресурс] / Е. Хорватова. – Режим доступа : <http://eho-2013.livejournal.com/114238.html>. – Дата доступа : 27.05.2023.

⁴⁵⁸ Там же.

Рисунок 6 – Бём (Эндаурова), Е. М. Народы России. Поляки.
В Польше муж жены больше!...⁴⁵⁹

Однако данной позитивной тенденции – пробуждать доброе отношение к полякам – не суждено было закрепиться. В канун Первой мировой войны и в её начале Россию стали охватывать патриотические настроения. Учитывая, что для поляков эта война отнюдь не стала «Отечественной», а многие из них вообще сражались на стороне Германии и Австро-Венгрии, тема польской заносчивости и гонора в творчестве российских карикатуристов воскресла и обрела новую популярность⁴⁶⁰. Наиболее известны работы Виктора Николаевича Дени (Денисова), который рисовал политические карикатуры и шаржи для многих московских и петербургских журналов, но прежде всего для «Сатирикона», в котором работал с 1913 г. (рисунок 7).

⁴⁵⁹ Бём (Эндаурова), Е. М. Народы России. Поляки. В Польше муж жены больше!... [Электронный ресурс] / Е. М. Бём (Эндаурова). – Режим доступа : <https://gallerix.ru/album/Endaurova/pic/qlrx-295227050>. – Дата доступа : 27.05.2023.

⁴⁶⁰ Кротов, А. М. Образ поляка в российской карикатуре XIX – начала XX в... – С. 37.

Рисунок 7 – В. Денисов. Пан Заглоба. 1913 г. Польское коло вызвало на дуэль депутата-трудовика А.Ф. Керенского (Из газет)⁴⁶¹

Наряду с традициями политической карикатуры на рубеже XIX–XX вв. в России сложилась также своеобразная мода на бытовую карикатуру. В числе героев подобного рода изображений оказался, разумеется, и поляк. В 1899 г. журнал «Стрекоза» публиковал карикатуры из серий «Наши мужчины» и «Наши женщины», изображавшие мужчин и женщин семи крупнейших городов Российской империи, в том числе и Варшавы (рисунок 8). В пояснениях к рисункам речь шла лишь о национально-культурном своеобразии персонажей.

Рисунок 8 – Наши мужчины. Варшавянин (в оригинале – «Варшавяк» – А. К.). 1899 г.⁴⁶²

⁴⁶¹ Лазари, А. де. Угрожающий «лапотный медведь»...

⁴⁶² Лазари, А. де. Русские и поляки глазами друг друга...

Особенно примечательным является описание варшавянина: «Варшавяк – легкомысленный, вертлявый, болтливый, излишне самоуверенный, беспечный, крикливо одетый и недурно сложенный молодой человек. У него хороший цвет лица и пискливый голос. Обладает способностью прекрасно сохраняться в умственном отношении: каков был в последнем классе гимназии, таким остаётся на всю жизнь. Его конёк – франтовство. Очень занят своим костюмом. О галстуках, о последнем фасоне смокинга может с удовольствием проболтать часа три без передышки. Если молод (молодость продолжается до 55 лет), то страстный спортсмен. В среднем возрасте (стариков в Варшаве не имеется) интересуется политикой, не может жить без «газетки» и кофейни. Молодёжь катается на коньках, на велосипедах, на лодках, играет в лаун-тенис, крокет и другие игры, а, главное, танцует – танцует до умопомрачения. По четвергам варшавяк ест фляки, а в воскресенье идёт в костёл. Он всегда общителен, разговорчив, вежлив. Любит свою Варшаву и гордится ею. Обижается, если необдуманно скажете, что Вена лучше Варшавы. Охотно сочиняет особенные, специально варшавские словечки. С удовольствием посещает оперетку. Человек в достаточной мере остроумный, но, обыкновенно, первый смеётся над собственными остротами и, благодаря этому, заставляет смеяться других. Трудолюбив, хотя службой не увлекается. Работает, только до определённого часа и, если не успел дописать слова в тот миг, когда пробил этот условный час, отложит окончание на завтра. С женой, в присутствии посторонних лиц, вежлив и предупредителен. Наедине менее вежлив, но всё-таки сносен. Чадолюбив, однако, сидеть дома, при детях, не любит. Считает своим долгом ухаживать за всякой особой женского пола, какая ни встретится на жизненном пути»⁴⁶³.

Авторы книги «Русские и поляки глазами друг друга» А. де Лазари и О. В. Рябов, анализируя изображение варшавянина и варшавянки, приходят к выводу, что характеристики носят развлекательный характер и не претендуют на то, чтобы быть интерпретированными в качестве позиции власти или общественного мнения⁴⁶⁴.

В карикатурной продукции предвоенного периода популярность стала приобретать открытка. Во время войны она становится, наряду с лубком, фотографией и кинематографом, одним из ведущих средств изобразительной пропаганды. Этому способствовало то обстоятельство, что открытка являлась самым мобильным в распространении форматом

⁴⁶³ Лазари, А. де. Русские и поляки глазами друг друга...

⁴⁶⁴ Лазари, А. Де. Угрожающий «лапотный медведь»...

печатной продукции, легко доступным каждому и функционально приспособленным для общего употребления и частого использования⁴⁶⁵.

В основу цветных юмористических открыток, выпущенных киевским издательством «Рассвет», легли рисунки художника В. Ф. Кадулина, часто подписывавшегося псевдонимом – Наядин. Эти открытки, как правило, издавались сериями: «Типы гимназистов», «Типы курсисток», «Типы студентов», «Пьяная серия». Они получили очень широкую популярность⁴⁶⁶. К примеру, открытки серии «Типы студентов», выпущенной в 1911 г., изображавшие студентов различных национальностей и различных факультетов, к 1915 г. были переизданы ещё несколько раз⁴⁶⁷.

Есть среди них и типажи студентов-поляков. На одной из открыток изображён вальяжный толстяк с папироской, вид которого не оставляет сомнений в том, что посещению занятий и хождению по библиотекам он предпочитает скромные земные радости, однако, как можно подозревать, в нескромных количествах. Без всякого сомнения – это убеждённый жизнелюб (рисунок 9).

Рисунок 9 – Кадулин (Наядин), В. Поляк⁴⁶⁸

⁴⁶⁵ Жердева, Ю. А. Смех на войне...

⁴⁶⁶ Кротов, А. М. Образ поляка в российской карикатуре XIX – начала XX в... – С. 39.

⁴⁶⁷ Открытки. «Типы студентов» (худ. В. Кадулин / Наядин) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://shaltay0boltay.livejournal.com/874312.html>. – Дата доступа : 27.04.2023.

⁴⁶⁸ Открытки. «Типы студентов» (худ. В. Кадулин / Наядин)...

На другой открытке представлен уже другой типаж – польский националист. Он тщедушен, бесцветен, жидковолос. На постном, неприятном лице застыла кривая улыбка. На левой руке, засунутой в карман пальто, висит трость, в которой у него нет нужды, кроме как с её помощью придать себе солидности (рисунок 10).

Рисунок 10 – Кадулин (Наядин), В. Польский националист⁴⁶⁹

Несмотря на столь явственные отличия между этими образами, есть в них одна общая деталь – шапка-мацеювка, которая до Первой мировой войны являлась частью традиционной народной одежды во многих регионах Польши, а во время войны стала частью формы членов стрелецких организаций и солдат польских легионов. И данная деталь, надо полагать, присутствует на открытках неслучайно. Она является частью образа. К тому же имеющей символическое значение.

Таким образом, российские художники, графики, карикатуристы, работавшие в жанре наглядно-изобразительной пропаганды, внесли свою немалую лепту в создание редуцированного образа (стереотипа) поляков, его популяризацию и внедрение на обыденный уровень массового сознания населения, считавшегося «русским», в т. ч. и белорусов. В целом, несмотря на проявившую себя в 80-х – 90-х гг. XIX в. тенденцию благожелательного отношения к полякам, в начале XX в. доминировать стало влияние, способствовавшее развитию негативных черт русского их стереотипа, ставшего одним из факторов, оказывавших большое влияние на генезис в восприятии белорусов образа поляков.

⁴⁶⁹ Открытки. «Типы студентов» (худ. В. Кадулин / Наядин)...

5.4 Образ поляков в новой белорусской литературе

Учитывая специфику предмета нашего исследовательского интереса – образа поляков, сформировавшегося в восприятии белорусов в период Нового времени – было бы неправильно не обратить внимание на новобелорусскую художественную литературу, которая, как и всякая другая национальная литература, насыщена образами и стереотипами, отображающими особенности восприятия белорусами представителей других (чужих) этнонациональных групп. Прежде всего это касается, конечно же, поляков.

Никто из белорусских писателей и поэтов не ставил перед собой цель создания образа поляков. Вообще необходимость в критичной оценке поляков (сквозь призму их деятельности) не была постоянной – она возникала в сложные, поворотные моменты истории Беларуси и белорусского народа, когда поляки выступали в качестве действующего фактора текущего исторического процесса. Наибольшие трудности в белорусско-польских отношениях, конечно, возникли в конце 10-х – начале 20-х годов XX в., определив их негативный характер на долгое время вперёд.

Одним из тех, кто внёс свой вклад в формирование в новой белорусской литературе образа поляков и внедрение его в этнонациональное сознание белорусов, был один из классиков и основателей этой литературы – Якуб Колас. Считается, что Я. Колас и Я. Купала были выразителями национального самосознания, народных надежд и чувств; что оба они широко раскрывали национальный характер белоруса, особенности его духовного склада и материальной жизни. Однако Я. Купала был романтиком, который создал чудесные фантастично-условные образы, а Я. Колас – реалистом, который показывал читателю мир в конкретных реалиях и деталях. Являясь глубоким знатоком психологии белорусского крестьянства, Я. Колас раскрывал в своём творчестве переживания обычного, простого человека⁴⁷⁰. Большая часть его героев – люди неграмотные или малограмотные, носители обыденного знания о мире, частью которого являются национальные образы и стереотипы.

Якуб Колас, без всякого сомнения, был замечательным рассказчиком, который очень тонко передавал оттенки мыслей и чувств своих героев, знал приёмы и способы изображения их внутреннего мира.

⁴⁷⁰ ДОСЬЕ : К 135-летию народного поэта Беларуси Якуба Коласа [Электронный ресурс] // Культура. – 2017. – 2 ноября. – Режим доступа : <https://www.belta.by/culture/view/dose-k-135-letiju-narodnogo-poeta-belarusi-jakuba-kolasa-274204-2017/>. – Дата доступа : 15.06.2023.

Он прекрасно понимал, насколько серьёзные проблемы существовали у белорусов с их этническим самосознанием, и, чувствуя свою ответственность, много сделал для пробуждения в белорусах белорусскости. Я. Колас очень умело прикасался к «струнам» народной души, пытаясь пробудить в человеке, который, возможно, никогда не задумывался над проблемой собственной этничности, для которого эта этничность, возможно, и не была такой уж важной, эмоции и чувства, связанные с его этнической природой⁴⁷¹. Лучше всего это видно на примере лирической поэмы Я. Коласа «Сымон-музыка», впервые опубликованной в 1925 году⁴⁷².

Размышляя о судьбе Беларуси и белорусов, поэт говорит, что буферное расположение страны на польско-российском пограничье стало трагедией для белорусского народа. Геополитическое соперничество между Россией и Польшей, которое часто перерастало в войны между ними и временно ослабевало после поражения одной из сторон, пагубно сказалось на белорусах, которые стали людьми «второго сорта» на своей земле, некоей массой, которая рассматривалась очередным «победителем» как материал для этнической и религиозной ассимиляции:

«Родны край! у Божа імя,
У чэсць косцелаў, царквоў
Паміж дзеткамі тваімі
Многа легла камянёў;
Многа выйшла трасяніны
– Меч, агонь знішчалі край:
З двух бакоў «айцы» дубінай
Заганялі нас у рай!
Кроў лілася ручаямі,
Зрада чорная расла,
Што папамі і ксяндзамі
Ў сэрцы кінута была.
І цяпер над намі, брацце,
Яшчэ ў сіле той раздор
– І папоўскае закліцце,
І ксяндзоўскі нагавор...
Тут схадзіліся плямёны
Спрэчкі сілаю канчаць,

⁴⁷¹ Кротаў, А. М. Вобраз паляка ў творах Я. Коласа / А. М. Кротаў // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2020. – № 4(121). – С. 37–38.

⁴⁷² Колас, Я. Сымон-музыка / Я. Колас. – Мінск : Беларусь, 1971. – 256 с.

Каб багата адароны
Мілы край наш зваяваць,...
Каб у віры той ашукі
Знішчыць нашы ўсе сляды,
Каб не ведалі і ўнукі,
Хто такія іх дзяды»⁴⁷³.

Поэт, эмацыянальна павествуя о разных разорителях белорусской земли и угнетателях белорусов, называет и поляков:

«Пан пыхлівы, надзіманы
Моцна сцягвае гужы,
Каб з варшаўскае майстэрні
Беларусу сшыць халат,
Ды ні ксёндз, ні пан не верне
Плынь гісторыі назад!»⁴⁷⁴.

Рассказывая о пребывании Сымона в панском дворце, Я. Колас представляет дворец как о символ польского владычества на белорусских землях, размышляет о тех, чьими руками он был построен:

«Страшны замак, цяжкі, грозны,
Пара вежаў, як адна,
А навокал роў глыбозны,
І не згледзіш яго дна.
Колькі ж трэба было працы,
Каб тут вырасла гара?
Хто дбаў князю на палацы?
Хто нанёс яму дабра?
Хто выводзіў тья вежы?
Хто той замак будаваў?
Златаблескія адзежы
Хто для сцен яго саткаў?
Чые рукі з мазалямі
Тут зняслі свае дары?
Потам, кроўю і слязамі
Сцамантованы мury!
Колькі роскашы – страхоцце!
А нашто яна? Каму?
На сваё зірнуў лахмоцце, –
Чаму стала так? Чаму?
І гарчэча-адчуванне
У ім кідае свой мут.

⁴⁷³ Колас, Я. Сымон-музыка... – С. 99–100.

⁴⁷⁴ Там же. – С. 101.

І ўстае ў душы пытанне:
«А дзе ж тая праўда тут?»
Ім – усё, а нам – нічога,
Адным жыць да панаваць,
А другім – адна дарога:
Сваё жыцце марнаваць!»⁴⁷⁵

Я. Колас предельно простым языком говорит об эмоциональных потрясениях, которые переживает созданный им персонаж, об осознании им масштабов социальной несправедливости, изуродовавшей мир, в котором он был вынужден жить. Вопрос, как будто, не имеет адресата. Не сказано, кто изуродовал этот мир. Однако чётко указано, кто находится на его полюсах: с одной стороны – князь, его приближённые и «падбрэхічы» (им – жить и повелевать), а с другой стороны – Сымон и такие как он, кто вынужден был тратить свою жизнь напрасно. На одном полюсе – поляки, а на другом – далёкие от высокой польской («панской») культуры белорусские «хлопы»... Поэт не использует слово «польскость», однако говорит о том, что в совокупности её составляет: об языке, на котором говорят обитатели дворца, об образе их жизни, об их отношении к людям, находившимся на другом полюсе устроенного поляками для себя в Беларуси мира.

Более того, устами деда Данилы поэт говорит о дурном влиянии атмосферы, царившей во дворце, на простого, чистого сердцем человека. Так, обращаясь к Сымону, дед говорит:

«Там душы агонь затухне...
Не люблю я псярні панскай,
Палупанкаў, ахмістрынь –
Дух падлізніцкі, паганскі,
Прападзі ён там і згінь!
А мой дом – унь, бач, альтанка?
Будзем там мы жыць удвух,
Хай сабе не мураванка,
Ды ў ёй наш сялянскі дух»⁴⁷⁶.

Сымон рад предложению деда и принимает его:

«Шчыра дзякую, дзядок!
Вельмі рад, пайду ахвотна»⁴⁷⁷.

Однако, как оказалось, главная причина согласия состояла в том, что Сымон просто пугается в незнакомой обстановке дворца:

⁴⁷⁵ Колас, Я. Сымон-музыка... – С. 170–171.

⁴⁷⁶ Там же. – С. 185–186.

⁴⁷⁷ Там же. – С. 186.

«Мне, дзедку, там маркотна –
Там ступіць баішся крок»⁴⁷⁸.

В то же время Сымон – человек с очень чуткой душой – очарован музыкой, которая доносилась из дворца:

«Стой, паслухаем, дзядок:
Дзесь іграюць, дзедка родны...
Выйдзем унь на той грудок»⁴⁷⁹.

И хотя дед Данила пытается вывести Сымона из состояния очарованности и развеять чары музыки («Гэта, хлопча, тут не дзіва! / Эге, тромкаюць паны!»⁴⁸⁰), у него ничего не получается:

«Хлопчык гукі ловіць хціва,
Ім валодаюць яны.
Зноў гарыць у ім жаданне
Тайнасць нотаў пасягнуць
І заслону адгарнуць,
Каб развеяць ноч нязнання.
Ён ідзе на тые гукі,
Ён стаіўся пад акном,
Зашчаміўшы моцна рукі, –
Ён не смее вайсці ў дом:
Там – паны, а ён – басота,
Сын мужычы, ён – «псякосць»,
Паднявольны ён тут госць,
Яго месца – каля плота...
Эх, няроўныя дзве часці!
Ён – нікчэмнасць, ён – друза...
І з вачэй гатова спасці
Крыўды горкая сляза.
Эх, для панскае пацехі
І для забаўкі паноў
Вы, саломенныя стрэхі,
Марна траціце сыноў!»⁴⁸¹

Поэт не дает нравственной оценки этому «музыкальному ренегатству» Сымона. Он и сам знает, что «дуда» и самодельная скрипка вряд ли могут заморозить своими звуками человека с взыскательным музыкальным слухом и врождённым чувством прекрасного. Чужая

⁴⁷⁸ Колас, Я. Сымон-музыка... – С. 186.

⁴⁷⁹ Там же. – С. 188.

⁴⁸⁰ Там же.

⁴⁸¹ Там же.

музыка, которая звучала во дворце, на их фоне не могла не ошеломить. Чужой, непривычный образ жизни вызывал в душе Сымона не только осознание ужасной несправедливости, царящей в мире, в котором он жил, но и чувство неполноценности:

«А паны сабе балююць,
П'юць заморскае віно,
Для іх робіцца яно,
І ім лёкаі слугуюць,
Як тут водзіцца даўно...
Мова хмельная вядзецца,
Смех паненак маладых,
Разубраных, як у маі
Кветкі тыя на лугах,
Як вясной бярозкі ў гаі,
Як валошкі на палях.
І якіх убораў толькі
На паненках ні было!
Анталяжыкі ў дзве ролькі...
А іх белае чало
Авівалі кудры гожа –
Лён завітых валасоў.
А іх тонкіх галасоў
І музыка зграць не зможа.
Завушніцы і пярсцёнкі
Так і ззяюць і гараць,
Як у восак, стан іх тонкі,
Вочы зорамі глядзяць.
Шчочкі тыя, ну – сунічкі...
Эх, дзяўчаткі-чараўнічкі,
Лепш на вас не пазіраць!
А прамовіць-заспявае –
Пан шалее малады:
Чорт яго і бацьку знае,
Што з ім робіцца тады!
То прыскочыць, то прыгнецца,
То рукою павядзе,
Плечы ўскіне, засмяецца,
Як матыль над лямпай, ўецца,
Як над краскай чмель, гудзе.
– Гэй, панове, ўгурэн шклянкі!

Піем здраве свэй коханкі. –
Песню пан якісь заводзіць,
Драбязіць, бы той казёл,
І вачамі ўсіх абводзіць,
Чаркай стукае аб стол»⁴⁸².

Дед Данила понимает, что происходит в душе Сымона, но знает, что ни в этом мире, ни даже в другом, лучшем – после смерти, это положение вещей не изменится:

«Уміраць ім тут не трэба:
Ім тут рай і ім тут неба», –
Думаў моўчкі дзед Даніла,
Збоку стаўшы ад паноў:
«Што ім той свет? ім тут міла,
А памруць, па іх жа зноў
Будзе пышнае маленне,
З пыхам гроб іх панясуць;
З раю светлага збавення,
Як і тут, нас адапхнуць»⁴⁸³.

Платой за беззаботную, счастливую жизнь поляков – хозяев белорусской земли – стали бесправие, нищета и бескультурье белорусов, практически не оставлявшие их отчаяние и безысходность. Я. Колас скорбит об угасавших впустую жизнях талантливых самородков из народа:

«Невядомых, непрызнаных,
Не аплаканных нікім,
Толькі ў полі адспяваных
Ветру посвістам пустым!»⁴⁸⁴

Угасали они потому, что польские паны были совершенно равнодушны к этим людям, зациклены на своей элитарности и исключительности. Устами пана Галыги Я. Колас сказал «кустарному Шопену» (Сымону), пришедшему просить «показать науку» («І цалуе пана ў руку. / – Пакажы мне, панок, ноты, / Растлумач мне, як і што»⁴⁸⁵:

«Справа добрая – навука.
Славу, хлеб яна дае...
Але, хлопча, дзе парука,

⁴⁸² Колас, Я. Сымон-музыка... – С. 201–202.

⁴⁸³ Там же. – С. 201.

⁴⁸⁴ Там же. – С. 101.

⁴⁸⁵ Там же. – С. 210.

Што не згінеш праз яе?
<...> Сама прырода
Вас пускае слепаком,
Каб з вас менша была шкода.
Раз мужык – будзь мужыком,
Маеш хлеб – і жуй цішком,
Будзь даволен сваёй доляй»⁴⁸⁶.

В итоге Сымон был унижен и оскорблён в своих желаниях и стремлениях⁴⁸⁷. Эти слова и многое другое, обидное для Сымона, произошедшее с ним во дворце, вызвало в его душе праведный гнев:

«І чыя рука ліхая,
Чый жа гэта жорсткі суд
Мне каменнем высцілае
Жыцця гэты цесны кут?
І чаго я тут прыдбаю? –
Разважаў цяпер Сымон: –
Права людскасці не маю,
У твар сунулі ражон!
Дык чаго ж я марна трачу
Між чужынцаў дні свае...»⁴⁸⁸.

И хлесткими словами, которые слетают с уст его главного героя, Я. Колас вносит в образ чужаков-поляков новые черты:

«Не зайздросчу вашай долі,
Багацеі!
Вы – крыўдзіцелі-зладзеі,
Вы разбілі мне надзеі...
Дык даволі!
Не зайздросчу вашай долі...
Як здабылі рай свой панскі?
Чым купілі?
Сэрца ваша поўна гнілі,
Бруд у кожнай вашай жыле,
Дух паганскі...
Як здабылі рай свой панскі?
Згіне ваша тут багацце,
Панаванне.

⁴⁸⁶ Колас, Я. Сымон-музыка... – С. 211.

⁴⁸⁷ Там же.

⁴⁸⁸ Там же. – С. 212.

І вам будзе час змяркання,
Ён нясе вам біч выгнання
І пракляцце!
Згіне ваша тут багацце!
Зачынілі вы нам дзверы,
Свет закрылі,
Каб не даць разняць нам крылі,
Каб не ўніклі ў вашы былі.
Але мысль – не ў вашай сіле!
Эх вы, зверы!»⁴⁸⁹

В решении, касающемся своего будущего, которое принял Сымон, следует видеть единственную перспективу для белорусского народа, как её видел сам автор поэмы:

«...Хачу я ў спевах буры
Аднавіцца і ажыць
І дажджом грымотнай хмуры
Замку фуз і бруд абмыць»⁴⁹⁰.

Рассуждая о судьбе белорусского народа, Я. Колас призывает его сыновей и дочерей выйти из многовекового оцепенения, вспомнить, что они являются хозяевами своей земли:

«Дык хіба ж мы праў не маем,
Сілы шлях свой адзначаць
І сваім уласным краем
Край свой родны называць»⁴⁹¹.

Потрясения Первой мировой войны, распад Российской империи, гражданская война и польская интервенция волей-неволей привели к переформированию жизни и системы общественных отношений в Беларуси, став источником оптимизма для общественно-политических деятелей и вдохновения для представителей творческой элиты, давая последним свежий, актуальный материал. Якуб Колас не стал исключением. Собственное восприятие событий революции, гражданской войны и польской интервенции он раскрыл в повести «Дрыгва» (1933 г.)⁴⁹², в которой продолжил работу над образом поляков, начатую в поэме «Сымон-музыка».

⁴⁸⁹ Колас, Я. Сымон-музыка... – С. 207–208.

⁴⁹⁰ Там же. – С. 212.

⁴⁹¹ Там же. – С. 101.

⁴⁹² Колас, Я. Дрыгва / Я. Колас // Колас, Я. Збор твораў у 14 т. Т. 8. Аповесці «На прасторах жыцця», «Адшчапенец», «Дрыгва». – Мінск : Мастацкая літаратура, 1975. – С. 209–434.

Свою лепту в формирование в восприятии белорусов образа поляков внёс и другой классик новой белорусской литературы – Янка Купала. В своих произведениях он раскрывал особенности мировоззрения белорусов, их надежды и переживания. В отличие от Я. Коласа, творчество которого было реалистическим, Я. Купала явно предпочитал духовное, хотя образ белорусского крестьянина (вспомнить хотя бы его патетическое стихотворение «Мужык» (1905–1907 гг.)⁴⁹³, тема социального гнёта, бедности и нищеты, горькой крестьянской доли, по крайней мере, в его раннем творчестве, проявила себя достаточно выразительно.

Между тем нельзя сказать, что Иван Доминикович Луцевич (Я. Купала) был крестьянином по натуре, хотя его отец, несмотря на шляхетское происхождение, должен был зарабатывать на жизнь обработкой арендованной земли. После его смерти в 1902 г. Янка работал домашним учителем, приказчиком в помещицком имении, экономом... Кем он сам себя считал – неизвестно. Скорее всего, он находился в состоянии самоопределения. Это относилось и к самоопределению этнонациональному. Кстати, в анкете призывника Ивана Доминиковича Луцевича, обнаруженной в Национальном историческом архиве Беларуси, кроме его римско-католического вероисповедания, была указана и его национальность (как он сам её в тот момент определил) – русский⁴⁹⁴.

На этом этапе жизни Я. Купалы большое влияние на формирование его личности оказали Зыгмунт Бернардович Чехович (Чехович-Ляховицкий), который был одним из руководителей восстания 1863–1864 гг. в Северо-Западном крае, и профессор Императорской римско-католической духовной академии в Санкт-Петербурге Бронислав Игнатьевич Епимах-Шипило⁴⁹⁵. Я. Купала познакомился с Чеховичем, проживавшем в имении Малые Бесяды (ныне Лагойский район Минской области), когда жил в 1895–1904 гг. по соседству в фольварке Селище⁴⁹⁶.

⁴⁹³ Купала, Я. Мужык [Электронны рэсурс] / Я. Купала. – Рэжым доступу : <http://yankakupala.ru/muzhyk>. – Дата доступу : 17.06.2023.

⁴⁹⁴ Зенина, Т. Отсрочка на 13 лет / Т. Зенина // Советская Белоруссия. – 2006. – 8 июня. – С. 9.

⁴⁹⁵ Лойка, А. Як агонь, як вада [Электронны рэсурс] / А. Лойка // Беларуская Палічка : беларуская электронная бібліятэка. – Рэжым доступу : https://knihi.com/Aleh_Lojka/Jak_ahon,_jak_vada.html. – Дата доступу : 17.06.2023.

⁴⁹⁶ Кісялёў, Г. Радаводнае дрэва : Каліноўскі – эпоха – наступнікі / Г. Кісялёў. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1994. – С. 196–222.

Чехович, являвшийся библиофилом, создал в Малых Бесядах большую библиотеку, которой Купала пользовался на протяжении почти пяти лет. Б. Епимах-Шипило, будучи одним из лидеров белорусской общественно-политической жизни в Петербурге, во многом способствовал развитию национального самосознания Я. Купалы во время его пребывания в столице⁴⁹⁷.

Первые произведения Я. Купалы – лирические стихи, изданные в 1903–1904 гг., были написаны, как известно, на польском языке. Первое стихотворение на белорусском языке («Мой удзел») было опубликовано в середине 1904 г. В это время поэт развивал на фольклорной основе тему социальной несправедливости и помещицкого угнетения. Поскольку власть была российской, следует полагать, что и помещиков поэт имел ввиду не только польского происхождения. Хотя у Я. Купалы были серьёзные претензии к царизму, русских поэт нигде не называл угнетателями белорусов. Впрочем, поляков он также угнетателями не называл. Очевидно, что поэт не искал виновников среди иностранцев⁴⁹⁸...

Так что поляк для него был просто соседом, который обладал особенностями и специфическими качествами. И некоторые из них, по крайней мере, импонировали молодому Я. Купале. Поляки, по сути, были не только частью социальной мозаики Беларуси, но и важным фактором социально-экономической жизни на разных её уровнях, в том числе и культурно-бытовом. И с этим приходилось считаться... В стихотворении «Любімось, мае суседзі!» (1905–1907 гг.), опубликованном в сборнике «Жалейка» (Петербург, 1908 г.), Я. Купала призывает ближних:

«Любімось, мае суседзі!
Кіньма сваркі, звадкі;
Жыйма, як родныя дзеці
Адной нашай маткі!»⁴⁹⁹

Как известно, соседи бывают разные. И именно на человеческих, а не на национальных качествах поляков акцентирует внимание поэт.

⁴⁹⁷ Лойка, А. Пазнач. твор.

⁴⁹⁸ Кротаў, А. М. Вобраз паляка ў творах Я. Купалы / А. М. Кротаў // Беларусь і суседзі : шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і дзяржаўныя адносіны. – Вып. 7. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2020. – С. 62.

⁴⁹⁹ Купала, Я. Любімось, мае суседзі! [Электронны рэсурс] / Я. Купала // Беларуская Палічка : беларуская электронная бібліятэка. – Рэжым доступу : https://knihi.com/Janka_Kupala/Lubimos,_maje_susiedzi.html. – Дата доступу : 17.06.2023.

Например, в стихотворении «Паніч и Марыся» (1905–1907 гг.), опубликованном в «Жалейке», поляк представлен в образе панского сына, с которым Марыся «коротает ночи». Она не слышит «матчыных мараляў» и «ляціць на спатканне к панічу ўдалому»⁵⁰⁰.

Финал оказался вполне предсказуемым:

«Панічу з паненкай,
З багатай Амэляй,
Ужо рукі хусткай
Ксёндз вяжа ў касьцёле»⁵⁰¹.

Марыся же была брошена паничем, причём в «интересном положении»:

«Панічова ж любка,
Марыся ўдалая,
На прылёты бусла
Слёзна паглядае.
Марыся, Марыся!
Галоўкі не чухай, –
Не слухала маці,
Бабкі цяпер слухай»⁵⁰².

Очевидно, что речь здесь идёт не о том, что поляк всегда плохой, а в моральной ответственности молодёжи за своё поведение и поступки.

В пьесе «Раскіданае гняздо» (1913 г.) Я. Купала вновь изображает образ молодого Панича – распущенного, никчемного молодого человека, который согнал семью Зябликов с земли, приказал разрушить их дом, опорочил молодую девушку – Зоську⁵⁰³.

Но это не единственный его грех. На его совести смерть главы семьи – Лявона Зяблика. Не сумев доказать своё право на владение землей, измученной царским судом, он наложил на себя руки. Помимо Панича, в пьесе есть и другие отрицательные персонажи: подкупленные и споенные свидетели на суде, давшие ложные показания; судебные чиновники, позорно защищавшие интересы тех, кто имел деньги и власть. Речь идет о плохих, алчных, бессовестных людях, безотно-

⁵⁰⁰ Купала, Я. Паніч і Марыся [Электронны рэсурс] / Я. Купала. // Беларуская Палічка : беларуская электронная бібліятэка. – Рэжым доступу : https://knihi.com/Janka_Kupala/Panic_i_Marysia.html. – Дата доступу : 14.04.2023.

⁵⁰¹ Там же.

⁵⁰² Там же.

⁵⁰³ Купала, Я. Раскіданае гняздо [Электронны рэсурс] / Я. Купала // Беларуская Палічка : беларуская электронная бібліятэка. – Рэжым доступу : https://knihi.com/Janka_Kupala/Raskidanaje_hniazdo.html. – Дата доступу : 17.06.2023.

сительно к их национальной принадлежности, о той несправедливости, которую они совершают.

Именно социальную подоплёку можно рассмотреть и в другом произведении Я. Купалы – «Бандароўна» (1913 г.)⁵⁰⁴. Сюжет поэмы, действие которого происходит в Украине, основан на народных песнях о прекрасной Бандаровне, убитой паном Потоцким, который:

«З сваёй хеўрай гаспадарыць
Над бедным народам
Дзе заедзе, банкятуе
Сам ён, яго варта;
Ні старому, ні малому
Не спускае жартаў.
Калі ж дзе ўпадзе ў вока
Хараство дзявоча, –
Абняславіць, абнячэсціць,
Бацьку плюне ў вочы.
Стогне змучана Украіна,
К небу шле пракляцце,
Ды Патоцкага збаўляе
Хеўра і багацце»⁵⁰⁵.

Ответом на такое «панование» стало восстание украинских казаков:

«Бандарэнка сходы кліча,
Ўсім аб крыўдзе кажа;
Войска сільнае збірае,
Роўна сіле ўражай.
Задымелі у пажарах
Панскія сялібы,
Палілася кроў ракою
На лугі, на скібы»⁵⁰⁶.

Кто именно из Потоцких стал прообразом пана Потоцкого в «Бандароўне», который остался в народной памяти страшным злодеем, можно только догадываться. В поэме даже не сказано, что Потоцкие – шляхетский, а позднее графский польский род (получил своё название от села Поток близ Кракова – А. К.). Я. Купала ведёт разговор о борьбе украинского народа против социального гнёта, не акцентируя внимание на этнической принадлежности угнетателей:

⁵⁰⁴ Купала, Я. Бандароўна [Электронны рэсурс] / Я. Купала // Беларуская Палічка : беларуская электронная бібліятэка. – Рэжым доступу : https://knihi.com/Janka_Kupala/Bandarouna_9t.html. – Дата доступу : 17.06.2023.

⁵⁰⁵ Там же.

⁵⁰⁶ Там же.

«Шмат цярпець народ умее,
Ўмее ж і памсціцца»⁵⁰⁷.

В комедии «Паўлінка» (1913 г.)⁵⁰⁸ Купала продолжает работу над сатирическим образом поляков, начатую когда-то Винцентом Дуниным-Марцинкевичем. В пьесе одним из центральных персонажей является пан Адольф Быковский, ухаживания которого за главной героиней, Павлинкой, вызывают у последней сначала иронию и смех, а затем – пренебрежение. Стремясь продемонстрировать перед гостями и Павлинкой своё социальное и интеллектуальное превосходство, Быковский открыто пренебрегает всем «мужицким». Преисполненный гордыни и высокомерия, уверенный в себе, он не понимает, что почти все герои открыто насмеваются над ним. Буквально «выпрыгивая из кожи», Быковский пытается подчеркнуть свою «панскость», в результате чего выглядит абсолютно никчемным. А отец Павлинки, который хотел, чтобы Быковский был его зятем, с позором выгоняет его из своего дома⁵⁰⁹.

Я. Купала представил в своей пьесе ставший уже привычным для белорусского зрителя гротескный образ «кресового» шляхтича, украсив его новыми чертами. Он вполне соответствовал тому образу поляков, который существовал в восприятии этого зрителя. Представляя местного, «кресового» поляка в сатирическом ключе, заданном В. Дуниным-Марцинкевичем, Я. Купала способствовал смягчению отношения белорусов к полякам, хотя это и шло вразрез с общей идеологической и пропагандистской практикой создания негативного образа поляков – неисправимых врагов российского государства и «русского народа» в широком понимании его определения, т. е. русских, белорусов и украинцев.

Сам Я. Купала, как можно заключить, анализируя его жизненный путь, не был врагом польскости. Польские влияния оказали большое влияние на формирование его личности. Безусловно, у него были свои искренние убеждения, касающиеся роли поляков в общественно-политической, экономической и культурной жизни Беларуси, своё отношение к ним. Однако вряд ли он мог, учитывая, в какой системе общественно-политических координат ему приходилось существовать, выразить своё мнение открыто.

⁵⁰⁷ Купала, Я. Бандароўна...

⁵⁰⁸ Купала, Я. Паўлінка [Электронны рэсурс] / Я. Купала // Беларуская Палічка : беларуская электронная бібліятэка. – Рэжым доступу : https://knihi.com/Janka_Kupala/Paulinka.html. – Дата доступу : 17.06.2023.

⁵⁰⁹ Там же.

Таким образом, оба классика новой белорусской литературы внесли вклад в развитие в восприятии белорусов образа поляков. Однако сравнивая художественные образы, созданные ими в своих произведениях, можно говорить о том, что Якуб Колас был гораздо ближе Янки Купалы к пониманию истинно народного восприятия белорусами поляков, их языка, культуры, образа жизни. Я. Колас чувствовал всеми фибрами своей души эмоционально-психологическую природу этого восприятия, понимал и принимал её. Не случайно в своей лирической поэме «Сымон-музыка» он представил образы белорусов, которые не могли (и не могут по сегодняшний день) оставить читателя равнодушными ни к себе, ни к проблемам, с которыми они жили. Одной из них были поляки. Образ последних, созданный народным поэтом, тоже очень яркий, запоминающийся. Ничего нового в нём нет – он соответствовал существующему в восприятии белорусов образу поляков, в какой-то степени развивая его. Однако этот образ прошёл превосходную «огранку». Поэт благодаря своему таланту реализовал все возможности, чтобы «разбередить душу» своего читателя, вызвать у него эмоции, на которых строится истинно народное отношение белорусов к полякам.

Я. Колас заслужил безукоризненную репутацию в белорусском народе, большое доверие ко всему, что он этому народу говорил. Своими творческими усилиями Я. Колас не только внёс важный вклад в формирование в восприятии белорусов образа поляков, но и оказал большое влияние на генезис их этнонационального сознания.

Свою работу над образом поляков Я. Колас продолжит в конце 20-х – начале 30-х годов минувшего века. В 1933 г. будет впервые напечатана его повесть «Дрыгва», основанная на реальных событиях советско-польской войны. Главной её темой станет сопротивление белорусов польским оккупантам на Полесье в 1920 г. В ней поляки уже выступят в образе врага. Однако это уже выходит за хронологические рамки нашего исследования.

Янка Купала был склонен сглаживать острые углы в отношении белорусов к полякам. После раздела Беларуси в 1921 г., ставшего поворотным пунктом в развитии образа поляков, в своей пьесе «Тутэйшыя»⁵¹⁰ (1922 г.) он вернулся к знакомой ему уже теме и в сатирическом ключе представил типичного поляка – «Западного учёного», для которого белорусов, как таковых, не существовало.

⁵¹⁰ Купала, Я. Тутэйшыя [Электронны рэсурс] / Я. Купала. – Рэжым доступу : https://royallib.com/read/kupala_yanka/tuteyshiya.html#0. – Дата доступу : 15.05.2023.

5.5 Влияние образа поляков на отношение белорусов к польским беженцам в годы Первой мировой войны

Развязанная летом 1914 г. великими державами Первая мировая война до предела обострила польско-русские противоречия. Трудно было ожидать от поляков, являвшихся подданными Российской империи, патриотического порыва в духе «За Веру, Царя и Отечество», а также готовности жертвовать своими жизнями ради побед русского оружия.

Во время войны, окончательно осознав безнадёжность дела приручения и умиротворения поляков, «чуждых русским во всех отношениях», даже русские националисты стали говорить о необходимости отречения от Польши и создания польского самостоятельного государства в польских этнографических границах. В 1915 г., в записке «По поводу “Воззвания” Верховного главнокомандующего к польскому народу», подписанной такими видными русскими националистами как Ф. Самарин, В. Кожевников, Л. Тихомиров, Д. Хомяков было сказано: «Никаким великодушием мы не можем привлечь к себе сердца народа, который не хочет от нас ни казни, ни милости, ни гнева, ни великодушия, а только независимости и свободы»⁵¹¹.

Как оказалось, только участие в польском национальном движении на практике могло позволить «кресовякам» сохранить общественно-политическое и экономическое доминирование на кресах. Нет оснований не согласиться с польским социологом Рышардом Радзиком в том, что в начале XX в. завершилась эволюция сознания местной польской общественности. На смену типу *gente Ruthenus, natione Polonus* пришёл тип поляка-католика или поляка-националиста⁵¹².

Рассуждая о трансформации национально-политического сознания белорусских поляков, необходимо признать, что его белорусская составляющая была значима лишь в условиях краха польской государственности, поражений национально-освободительного движения, истощения материальных и физических возможностей ведения активной борьбы с преобладающим противником, ослабления воли поляков к такой борьбе и спада их патриотического энтузиазма.

⁵¹¹ Сергеев, С. «Польский вопрос» в русской националистической мысли XIX – нач. XX в. : попытки «позитивного» решения [Электронный ресурс] / С. Сергеев. – Режим доступа : <https://www.apn.ru/index.php?newsid=22377>. – Дата доступа : 17.06.2023.

⁵¹² Radzik, R. Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową. Białorusini na tle przemian narodowych w Europie Środkowo-Wschodniej XIX stulecia / R. Radzik. – Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2000. – S. 108.

В ходе военных действий поляки, мобилизованные в армии Российской, Германской и Австро-Венгерской империй, вынуждены были воевать за чуждые им интересы, убивая друг друга.

Военные действия активно шли на территории Царства Польского. Уже осенью 1914 г., в результате германского наступления на Восточном фронте, в Беларуси появились первые беженцы с территории Польши. Когда же в первой половине 1915 г. германская армия вновь перешла в наступление и польские земли оказались под угрозой полной оккупации, русские военные власти приняли решение об эвакуации военных и промышленных предприятий, уничтожении посевов и сельскохозяйственных хранилищ, а также о принудительном выселении населения вглубь империи.

Поскольку продуманный план отступления отсутствовал, русским военным властям в стремительно меняющейся стратегической обстановке приходилось в экстренном порядке принимать решения о выселении людей. Волна беженцев из Польши шла двумя путями: военные на повозках и пешком двигались по шоссе и трактам, ведущим в Беларусь, а жителей городов и местечек власти вывозили железной дорогой на восток, большей частью без какого бы то ни было плана и без точно определённого конечного пункта. Чаще всего оказывалось, что беженцам говорили, что их везут в средние или южные губернии России, а высаживали с поездов только в восточных губерниях Европейской России, а иногда даже и в Сибири⁵¹³.

Германский генерал Макс Гофман писал: «При отступлении русское командование, по-видимому, пыталось подражать практике 1812 г.: оно разрушало не только пути сообщения, но сжигало также города и сёла, и погнало людей и скот на восток вместе с отступающими войсками»⁵¹⁴.

Поляки смотрели на происходящее как на постигшую их очередную трагедию. «Goniec Wielkopolski» писал: «Сотни тысяч людей двигались под штыком и кнутом на скитание, нужду и голод, в чужой, совершенно неведомый край»⁵¹⁵.

⁵¹³ Кротов, А. М. Польские беженцы в Беларуси в период Первой мировой войны и белорусы : проблемы взаимопонимания / А. М. Кротов // Первая мировая война в исторических судьбах Европы : сб. материалов Междунар. науч. конф., г. Вилейка, 18 окт. 2014 г. / редкол. : В. А. Богуш (пред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2014. – С. 215.

⁵¹⁴ Гофман, М. Записки и дневники, 1914–1918 / М. Гофман. – Л. : Красная газета, 1929. – С. 79.

⁵¹⁵ «Inna metoda» // Goniec Wielkopolski – 1918. – 3 maja. // Archiwum Akt Nowych (AAN) – Centralna agencja Polska w Lozannie. Plik 39. Dz. : EW 5b. L. 118.

Чрезвычайно мрачная картина польского беженства в Беларуси представлена в мемуарах писательницы Марины Яковлевны Белевской⁵¹⁶ (приехав в Могилёв накануне 1914 г., она пережила там годы войны и революции, а в конце немецкой оккупации, спасаясь от большевиков, переехала с мужем в Вильно – А. К.), а также в «Воспоминаниях» белорусского и польского политического и общественного деятеля конца XIX – начала XX в., фундатора строительства костёла Св. Симона и Елены в Минске Эдварда Войниловича⁵¹⁷.

Так, М. Я. Белевская пишет: «Первые (беженцы – А. К.) были люди, они могли что-то продать, кого-то попросить, кому-то что-то объяснить; вторая же партия, наводнившая все окрестности Могилева, – была безгласна. Их жалобы никто не слышал. И они умирали голодной смертью без криков и проклятий. Это был скот из Польши. По приказу свыше весь польский скот, чтобы не попасть в руки врага, был эвакуирован вглубь России. Предусмотрено было всё, за исключением фуража. Тысячи коров и лошадей падали по дороге... Тысячи туш разлагались по дорогам, заражая воздух зловонием»⁵¹⁸.

Беларусь превратилась в лагерь беженцев, огромное число которых скопилось на юго-западе страны. Польские крестьяне из Хелмской и Люблинской губерний, выселенные в принудительном порядке военными властями, шли по Брест-Московскому шоссе. В июле 1915 г. на участке пути Кобрин – Пружаны – Барановичи находилось 400 тыс. беженцев. Как пишет белорусский историк А. М. Бабков, специалист по беженству в годы Первой мировой войны, в июне–июле 1915 г. движение беженцев стало крайне беспорядочным: «Многие направляемые полицией беженцы месяцами блуждают на пространстве двух-трёх десятков квадратных вёрст. Явление это особенно распространённое в районе Лида – Новогрудок, а ныне – в районе Койданово – Минск»⁵¹⁹.

⁵¹⁶ Белевская (Летягина), М. Я. Ставка Верховного Главнокомандующего в Могилёве, 1915–1918 г. : личные воспоминания / М. Я. Белевская (Летягина). – Вильно : М. Ф. Соколов, 1932. – 48 с.

⁵¹⁷ Войнилович, Э. Воспоминания : пер с польск. / Э. Войнилович / Общ. ред. В. Завальнюка. – Минск : Издание Минской римо-католической парамии св. Симона и Елены, 2007. – 380 с.

⁵¹⁸ Белевская (Летягина), М. Я. Указ. соч. – С. 11.

⁵¹⁹ Бабков, А. М. Беженцы в Белоруссии в годы Первой мировой войны (1915–1916) / А. М. Бабков // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы) : Тэмы дакладаў і паведамленняў Усебеларускай канферэнцыі гісторыкаў (3–5 лютага 1993 г.). – Мінск, 1994. – Ч. 1 (Гісторыя Беларусі). – С. 132–133.

Ситуация эта отчасти объяснялась тем, что большинство обозов беженцев двигалось по просёлкам, потому что с главных транспортных дорог, по которым перемещались военные части и грузы, патрули направляли их по объездным грунтовыми путям⁵²⁰.

Толпы голодных, полураздетых, находящихся в отчаянии людей фактически грабили встречные деревни: совершали массовые потравы посевов, копали картофель, опустошали огороды и т. д. Э. Войнилович писал об этом следующее: «Беженцы, вытаптывая несжатые поля и злорадно уничтожая все попадающееся под руку, заявляли: „Мы не столько потеряли”. Дворы и фольварки с ужасом встречали длинные обозы, состоявшие из повозок, покрытых брезентом и полотном, с характерными дугами на оглоблях. Такие обозы, хаотично двигавшиеся на восток, останавливались там, где еще можно было что-либо раздобыть и, как саранча, оставляли после себя пустыню. Так, из 600 возов сена в моем сарае осталось на зиму всего лишь 2–3 воза корма. Зерно в снопах было растаскано, колодезный журавль сожжён на костре, а солома с крыши пошла на обработку убитых кабанов. Правда, судьба этих несчастных беженцев была нелёгкой. Первые их партии покинули свои родные места по принуждению вместе с отступающими российскими войсками, а последующие руководствовались, можно сказать, стадным чувством»⁵²¹.

В местах движения и пребывания беженцев создавалась высокая социальная напряжённость, а также крайне неблагоприятная санитарно-эпидемиологическая обстановка. Когда, наконец, российское правительство осознало масштаб опасности, исходившей от огромного количества бездомных и голодных людей, были определены основные направления и этапы передвижения беженцев на восток. На путях их следования были развёрнуты пункты по оказанию продовольственной и медицинской помощи.

Однако, несмотря на все проводимые правительством мероприятия по оказанию помощи беженцам, положение огромной массы людей было ужасающим. Осенью 1915 г. с наступлением холодов оно приблизилось к критическому. Особенно много беженцев находилось между Минском и Смоленском, Гомелем и Брянском. Губернские власти не были готовы принять такой огромный поток людей.

⁵²⁰ Белявина, В. Н. Беженство в Беларуси в годы Первой Мировой войны [Электронный ресурс] / В. Н. Белявина // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2012. – № 3 (19). – Режим доступа : <http://www.hcpncr.com/journ1912/journ1912beliavina.html>. – Дата доступа : 17.06.2023.

⁵²¹ Войнилович, Э. Указ. соч. – С. 227–228.

Можно себе представить, с каким равнодушием и холодностью беженцы из Польши были встречены теми, кто сам нуждался в сочувствии и помощи. Складывающаяся военно-политическая обстановка не благоприятствовала исправлению ситуации.

Газета «Kurjer Poznański» в середине ноября 1915 г. писала: «35000 польских беженцев блуждает по минским лесам... Вид этих несчастных семей <...> являет собой жуткий образ: оборванные, лишённые того, что необходимо для жизни, пребывают эти бедняги в наспех построенных шалашах, прячутся в норах, в этом ужасном положении терпя нехватку тёплой одежды. Дети, младенцы страшно болеют. Смерть забирает их сотнями ежедневно»⁵²².

Э. Войнилович дополнял это скорбное повествование: «Началось распространение инфекций, иногда холеры <...> которая в некоторых окрестностях унесла много жизней... Вначале, пока во дворах были запасы досок, ворота и т. д., людей хоронили в гробах. Позже погребали без них, а часто случалось, что трупы присыпали землей у дороги, или забрасывали мхом в лесу, покидая местному населению заботу о лучшем погребении. Население выполняло эту миссию неохотно и только под давлением властей. Ряды придорожных могил метили тот путь, по которому тянулись толпы беженцев, захватывая все большее пространство, чтобы раздобыть средства к существованию для себя и своего «живого инвентаря (скота – А. К.)»⁵²³. Войнилович отмечал, что правительственная администрация о нуждах беженцев совершенно не заботилась: никто их не встречал, и ничего не было подготовлено по пути их следования. Местное же население, в связи с отсутствием средств на личные нужды и бандитским поведением беженцев утратило всякое желание помогать им и собирать пожертвования⁵²⁴.

Более того, как констатировал в своих мемуарах российский государственный и общественный деятель, деятель просвещения и культуры Иван Иванович Толстой, это население нередко стало проявлять к беженцам враждебность⁵²⁵. В связи с этим на многих второстепенных дорогах выставлялись армейские, казачьи или полицейские дозо-

⁵²² Kurjer Poznański. – 1915. – 10 listopada // AAN. – Centralna agencja Polska w Lozannie. Plik 38. Dz. : EW 3. L.189.

⁵²³ Войнилович, Э. Указ. соч. – С. 228.

⁵²⁴ Там же.

⁵²⁵ Толстой, И. И. Дневник : в 2-х т. Т. 2. 1906–1916 / Публикация Л. И. Толстой. – СПб. : Фонд регионального развития Санкт-Петербурга ; Европейский Дом ; Европейский университет в Санкт-Петербурге, 1997. – С. 678.

ры с приказом наблюдать «чтобы беженцы продвигались на восток, не имея возможности останавливаться в проходящих селениях»⁵²⁶.

Однако после стабилизации линии фронта и мобилизации государственных и общественных сил у части беженцев появилась возможность неплохо устроиться в прифронтовой полосе. Прежде всего, это были представители польской элиты. Как утверждал Э. Войнилович: «Имена и город кишели беженцами, которые принадлежали к правящим кругам. Минск стал приобретать черты польского города»⁵²⁷. Здесь уже стала проявлять себя новая крайность – правительство старалось ни в чём не отказывать беженцам и в итоге они стали иметь больше, чем местное население. Получив свой паёк в одном месте, беженцы шли в другое, а затем – третье, завышая при этом число членов семей, нуждающихся в помощи⁵²⁸. Бывали случаи, когда беженцы продавали излишки местному населению и кормили свиней⁵²⁹. Толпы функционеров, представляющих многочисленные организации, занимавшиеся делами беженцев, «породили разнузданную бюрократию, которая способствовала исчезновению таких понятий, как самоотверженность и бескорыстный труд»⁵³⁰.

Отношение белорусов к беженцам из Польши ничем не отличалось от отношения к ним в российской глубинке. Польская пресса в то время весьма активно и эмоционально освещала все события, связанные с беженством. На протяжении 1916–1917 гг. в ней было опубликовано огромное количество материалов, констатирующих бедственное положение польских беженцев в России. Но в 1918 г. тон изданий стал меняться. Начался процесс восстановления польской государственности, потому было крайне необходимо форсировать работу на идеологическом фронте, мобилизуя общественное мнение и настраивая его против враждебных факторов и, прежде всего, – против русского. Начал создаваться образ врага, базой которого служили крайне негативные эмоции, возникшие в польской народной душе в связи с беженством. Они цементировали этническую солидарность поляков, затронув самую «тонкую струну» в этой душе – тему мученичества. В августе 1918 г. газета «Кгај», например, заявляла: «Ужасной трагедией было беженство польского населения в 1915 г. в Россию. Надо было своими глазами видеть те адские физические и моральные муки,

⁵²⁶ Белявина, В. Н. Указ. соч.

⁵²⁷ Войнилович, Э. Указ. соч. – С. 230.

⁵²⁸ Там же. – С. 228–229.

⁵²⁹ Там же. – С. 229.

⁵³⁰ Там же.

которые испытали беженцы, надо было собственными ушами слышать их плачи и проклятья, надо было самому пережить страшные мученические скитания, чтобы понять, какую жестокою, никогда невозместимую обиду причинили польскому народу те, кто оторвал его от родной земли. Врут <...> те, кто утверждает, что польский крестьянин оставил родину добровольно, под влиянием каких-то высших моральных или политических факторов. Врут, ибо наибольший моральный фактор, любовь и привязанность к земле-кормилице, это наиболее развитое в польском крестьянине чувство, приказывало ему, сильнее чем когда бы то ни было, остаться на месте...»⁵³¹.

Но не всем польским беженцам довелось оказаться в глубине России, на великорусских землях. Как уже было сказано выше, часть из них, и прежде всего те, кто двигался по дорогам и шоссе вместе с отступающими русскими войсками, оказались на территории Беларуси, где, казалось, могли встретить сочувственное к себе отношение со стороны местного белорусского населения, не выказывавшего к «польскости» и её носителям того холодного отношения, которое проявляли к ним жители великорусских губерний. Казалось бы, можно было рассчитывать и на местный польский элемент. Но и здесь судьба поворачивалась к беженцам спиной. Газета «Kurjer Poznański» писала: «Ситуация ухудшается с каждым днём. Тысячи проводят свою жизнь в полудиком состоянии, обречёнными на полную гибель, если как можно быстрее не придёт помощь»⁵³². Однако откуда эта помощь могла прийти?

На оставшейся под властью российского военного командования территории Беларуси ситуация была очень непростой. В Витебской, Минской и Могилевской губерниях в русскую армию было мобилизовано более половины всех трудоспособных мужчин и в белорусской деревне стала остро ощущаться нехватка рабочих рук. Вместе с беженством и бесконечными реквизициями, инфляцией это вызвало резкое подорожание продуктов питания и товаров первой необходимости. Переживаемые белорусами тяготы военного времени сужали все их интересы к проблеме собственного выживания. Польские беженцы в этой ситуации были, мягко говоря, не совсем кстати⁵³³. Можно себе представить, с каким равнодушием и даже холодностью были встречены бе-

⁵³¹ Z dziejów męczeństwa ludu polskiego // Kraj. – 1918. – 11 sierpnia // AAN. – Centralna agencja Polska w Lozannie. Plik 38. Dz. : EW 1. L.51.

⁵³² Kurjer Poznański. – 1915. – 10 listopada...

⁵³³ Кротов, А. М. Польские беженцы в Беларуси в период Первой мировой войны и белорусы : проблемы взаимопонимания... – С. 217.

женцы из Польши местным населением. Складывающаяся военно-политическая обстановка не благоприятствовала исправлению ситуации.

Таким образом, страдания, которые полякам пришлось пережить в годы Первой мировой войны, стали ещё одним поводом мечтать об избавлении от российского владычества. Эта война негативно повлияла и на белорусско-польские отношения. В условиях военного времени все интересы жителей Беларуси были сужены к вопросу собственного выживания и польские беженцы, создававшие дополнительные сложные проблемы, воспринимались ими как сущая напасть. Безразличие и холодность, которые беженцы встретили с их стороны, несомненно, оставили свой след в польском национальном сознании и повлияли на характер польско-белорусских отношений в последующие годы. Оказавшись вскоре под ярмом польской оккупации, белорусы смогли в полной мере в этом убедиться.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование в этнонациональном восприятии белорусов образа поляков началось параллельно с этногенезом белорусского народа. Актуализировала этот процесс миграция польских переселенцев на белорусские земли, превратив польский этнический элемент в объект предвзятой оценки, связанной с фактором конкуренции. После заключения между Польским королевством и Великим княжеством Литовским Люблинской унии в 1569 г. начался процесс колонизации поляками Беларуси, негативно повлияв на ситуацию, которая складывалась в белорусско-польских отношениях. Однако конфликт оказался невозможен. Прежде всего, по причине ренегатства русинской (белорусской) шляхты, которая предпочла интеграцию в польское шляхетство с последующей полонизацией в угоду не столько государственным интересам ВКЛ, сколько личным интересам и амбициям, по сути отказавшись от выполнения своего сословного долга перед народом, который в начальной стадии этногенеза был брошен ею на волю судьбы. Не последнюю роль в установлении польского доминирования в Беларуси сыграла и разница в уровне пассионарности поляков и белорусов.

В этих условиях польский фактор, как фактор внешний, иностранный, способствовал пробуждению этнического самосознания белорусов, осознанию ими своей этнической уникальности, постижению того, что отличало и отделяло их от других народов, в том числе не только от западных славян – поляков, но и от близкородственных восточнославянских народов – русских и украинцев. Поляки не просто чувствовали себя хозяевами на белорусской земле, они демонстрировали это белорусскому «хлопу», вызывая в его душе негативные чувства. Ставшее результатом их развития предубеждение в отношении поляков явилось основой восприятия белорусами и их самих, и их национального «гнезда» – Польши.

Переломным моментом в восприятии соседей, в том числе и поляков, стал XVII век, прежде всего – период хмельниччины, когда пламя украинско-польского конфликта перекинулось на белорусские земли, приведя к так называемой казацко-крестьянской войне 1648–1651 гг., а затем и русско-польской войне 1654–1667 гг., вновь столкнувшей «лбами» давних соперников в борьбе за гегемонию на восточноевропейском геополитическом пространстве.

Именно тогда к белорусам пришло понимание того, что они являются отдельным народом, со своей родной землёй, со своей само-

бытной культурой, своими ценностями (обычаями, традициями) и качествами. Одним из них стала свойственная белорусам и поныне этническая и религиозная толерантность.

Опыт викарного научения, преподанный белорусам украинским казачеством в годы казацко-крестьянской войны, не был ими принят. Ксенофобия и нетерпимое отношение к чужакам, продемонстрированные казаками Хмельницкого, как оказалось, несовместимы с белорусским менталитетом и национальным характером.

В ходе военных действий, но, прежде всего, – в карательных акциях против городов и сёл, население которых «сотрудничало с врагом», показали истинное своё отношение к белорусам и поляки. В этот период военные преступления, не говоря уже о планомерных карательных акциях, время от времени совершали комбатанты всех действующих армий. Но только польско-литовские войска вели себя на своей земле, как на вражеской, а белорусское население, которое они обязаны были защищать и которое по определению должно было видеть в них своих защитников, превратилось в объект расправ, всякого рода экзекуций, мародёрства. Эти действия возымели на белорусов мощный фрустрирующий эффект, а сами поляки стали фрустрирующим фактором, действие которого, как покажет время, станет перманентным.

С этого времени отношение белорусов к полякам стало строиться на предубеждении, имевшем серьёзные основания. Оно определялось стремлением защитить себя, свою культуру, образ жизни, уберечься от ассимиляции. Следствием реализации этого стремления стала этническая самоидентификация белорусов, развитие их этнического самосознания, которому сопутствовало противопоставление себя полякам, их культуре, образу жизни, государству.

Кризис Речи Посполитой, начавшийся после затяжных войн XVII в., привёл к её упадку и гибели в конце XVIII в. Такой финал шляхетской республики стал трагедией для польского народа. Однако белорусы восприняли его как естественный и вполне заслуженный поляками результат самозабвенной работы по уничтожению того государственно-политического и социального строя, который они конструировали на протяжении многих веков. Как показала жизнь, на анархии, пафосно именовавшейся идеологами сарматизма «шляхетскими вольностями», невозможно построить ничего долговечного.

В XIX в., по мере ослабления польских влияний в Беларуси, здесь начинается процесс белорусского национально-культурного возрождения. В известной степени оно было спровоцировано деятельностью польских «филологических подстрекателей», которые исходили из

понимания того, что перспективы распространения на Беларусь «польскости», ввиду успехов российской экспансии, в том числе и культурной, становятся совсем уж безнадёжными. В этой ситуации большие надежды они стали возлагать на «белорусскость», которая с их точки зрения чисто теоретически могла бы противостоять политике русификации Беларуси.

После польских восстаний 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг. царизм занял куда более жёсткую, нежели ранее, политику в отношении поляков и польскости в Северо-Западном крае. Но не в отношении «проснувшейся» белорусскости. В рамках борьбы за влияние в Беларуси, в первую очередь за умы и настроения белорусов, активизировалось соответствующее направление идеологической, пропагандистской, а также культурной работы России. В результате этого разумного и дальновидного расчёта на процесс белорусского национально-культурного возрождения большое воздействие стала оказывать русская культура. Российские власти, перехватив у поляков инициативу в поддержке белорусского национально-культурного возрождения, перенаправили его.

Иначе и быть не могло – белорусы находились в российском культурном пространстве и последствия этого были неизбежны. При невысоком уровне их этнической самоидентификации, в условиях проводимой царизмом русификаторской политики, идеологической и пропагандистской работы, находящиеся в зародышевом состоянии белорусские этнические образы и стереотипы оказались под мощным воздействием со стороны их русских аналогов. Учитывая более высокий уровень развития русской культуры и высокую степень её пассионарности, неудивительно, что на обыденный уровень сознания белорусов стали проникать свойственные русским взгляды на «чужих» и закрепляться в виде стереотипов. Большой вклад в развитие «знаний» белорусов о поляках внесли не только учёные, публицисты, мастера художественного слова, но и художники, прежде всего – карикатуристы. Они вводили в массовый общественный оборот животрепещущий материал, не проявляя особой щепетильности по части разницы в этнических особенностях восприятия поляков русскими и белорусами. Объясняется это главным образом тем обстоятельством, что русские считали белорусов региональной разновидностью русского народа.

Тем не менее, несмотря на внешние влияния, у белорусов к концу Нового времени сформировалось своё собственное, оригинальное мнение о поляках, специфический взгляд на них. Он материализовался

в образе поляков, который, закрепившись на обыденном уровне их этнонационального сознания, стал частью белорусской картины мира.

Этот образ являлся своеобразным продуктом социокультурной мысли белорусов. Основой его стал исторический опыт их соседства с поляками, сосуществования с ними, переосмысленный и многократно подтверждённый на практике. Он создавался в их этнонациональном информационном поле и имел свою актуальность только в его границах. Это был своего рода психоэнергетический объект, питаемый чувствами и эмоциями белорусов, источником и предметом которых были их отношения с поляками. Его формирование основывалось на жизненном опыте белорусов и связанных с ним знаниях. Органической частью последних и их основой являлось «знание» о поляках, унаследованное от предков.

Интуитивно осознаваемая белорусами собственная отчуждённость от поляков, которую они ранее не решались выказывать, по мере развития в белорусах собственного этнического самосознания в общественно-культурной жизни XIX – начала XX в., модерируемой российскими властями, стала проявлять себя открыто. На основе традиционного восприятия белорусами поляков и польскости, обращений к исторической памяти белорусского народа, создания художественно-литературных образов, заимствований образотворческого материала из российской общественно-культурной традиции, был создан негативный образ поляков. Этот образ сыграл значимую роль в развитии этнонационального самосознания белорусов, поспособствовав превращению их из этнографической фикции в народ.

Появление на территории Беларуси польских беженцев в период Первой мировой войны показало безразличное к ним в целом отношение белорусов, ухудшив белорусско-польские отношения. Стремительное же изменение политической ситуации, сложившейся в Восточной Европе в конце войны, спровоцировало невиданный патриотический энтузиазм поляков. Вместе с возрождением польского государства возродилась и польская мегаломания, частью которой было полное игнорирование интересов, нужд и чаяний белорусов. Это неминуемо должно было повлечь за собой революционные изменения в дальнейшем развитии уже сложившегося в восприятии белорусов образа поляков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрусовское перемирие [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/3861440. – Дата доступа : 01.06.2023.

2. Антонович, В. Б. Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия / В. Б. Антонович. – Киев : Киевский университет, 1878. – Вып. 1. – 158 с.

3. Аповесць пра князёў Міндоўга, Войшалка і Тройденя // Беларускія летапісы і хронікі. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 1997. – С. 37–46.

4. Бабков, А. М. Беженцы в Белоруссии в годы Первой мировой войны (1915–1916) / А. М. Бабков // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы) : Тэмы дакладаў і паведамленняў Усебеларускай канферэнцыі гісторыкаў (3–5 лютага 1993 г.). – Мінск, 1994. – Ч. 1 (Гісторыя Беларусі). – С. 131–138.

5. Бабятыньскі, К. Адносіны жыхароў ВКЛ да маскоўскага войска ў 1654–1655 г. [Электронны рэсурс] / К. Бабятыньскі // Беларускі гістарычны агляд. Навуковы часопіс – інтэрнэт-версія. – 2007. – Т. 14. Сш. 1–2. – Рэжым доступу : <http://www.belhistory.eu/archives/1831>. – Дата доступу : 24.05.2023.

6. Бандура, А. Теория социального научения / А. Бандура. – СПб. : Евразия, 2000. – 320 с.

7. Баркулабаўская хроніка // Беларускія летапісы і хронікі : Пер. са старажытнарускай, старабеларускай і польскай / Уклад. У. Арлова ; прадм. В. Чамярыцкага. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 1997. – С. 177–256.

8. Без-Корнилович, М. О. Примечательнейшие места в Белоруссии с присовокуплением и других сведений к ней же относящихся / М. О. Без-Корнилович. – СПб. : Типография III отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1855. – 355 с.

9. Белевская (Летягина), М. Я. Ставка Верховного Главнокомандующего в Могилёве, 1915–1918 г. : личные воспоминания / М. Я. Белевская (Летягина). – Вильно : М. Ф. Соколов, 1932. – 48 с.

10. Белов, И. Мы все глядим в Наполеоны... Наполеон Бонапарт и польская литература [Электронный ресурс] / И. Белов. – Режим доступа : <https://culture.pl/ru/article/my-vse-glyadim-v-napoleony-napoleon-bonapart-i-polskaya-literatura>. – Дата доступа : 13.04.2022.

11. Белорусские песни, собранные П. В. Шейном // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. – СПб. : Типография Майкова, 1873. – Т. 5. – С. 281–770.

12. Белявина, В. Н. Беженство в Беларуси в годы Первой Мировой войны [Электронный ресурс] / В. Н. Белявина // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2012. – № 3 (19). – Режим доступа : http://www.hcpncr.com/journ1912/journ_1912beliavina.html. – Дата доступа : 17.06.2023.

13. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман / Пер. с англ. Е. Д. Руткевич. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.

14. Бём (Эндаурова), Е. М. Народы России. Поляки. В Польше муж жены больше!... [Электронный ресурс] / Е. М. Бём (Эндаурова). – Режим доступа : <https://gallerix.ru/album/Endaurova/pic/glrx-295227050>. – Дата доступа : 27.05.2023.

15. Боплан, Г. Л. де. Описание Украины от пределов Московии до границ Трансильвании / Г. Л., де Боплан // Страна казаков. К 350-летию Переяславской рады. – Киев : Радуга, 2004. – С. 8–74.

16. Булгарин, Ф. Иван Выжигин. Главы из романа / Ф. Булгарин // Фадзей Булгарын ; Уклад., прадм., камент. А. Фядуты. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2003. – С. 334.

17. Булгарин, Ф. Марина Мнишек, супруга Дмитрия Самозванца / Ф. Булгарин // Фадзей Булгарын ; Уклад., прадм., камент. А. Фядуты. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2003. – С. 257–292.

18. Булгарин, Ф. Путевые заметки на поездке из Дерпта в Белоруссию и обратно весною 1835 года / Ф. Булгарин // Фадзей Булгарын ; Уклад., прадм., камент. А. Фядуты. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2003. – С. 171–223.

19. Вашкевіч, А. Як Гронскі расправіўся над Каліноўскім / А. Вашкевіч // АРСНЕ Пачатак : часопіс – 2008. – №7–8 (70–71). – С. 51–72.

20. Вашкевич, А. За что боролся Калиновский? / А. Вашкевич // Деды. – 2011. – №6. – С. 299–304.

21. Венецианов, А. Г. Крестьянин Иван Долбила. 1812 [Электронный ресурс] / А. Г. Венецианов // Карикатуры эпохи Отечественной войны 1812 года. – Режим доступа : <http://vv1812.shpl.ru/karikatur.html>. – Дата доступа : 27.05.2023.

22. Веренич, В. Л. К историко-социологической характеристике польских переселенческих говоров в Полесье / В. Л. Веренич // Польские говоры в СССР : Исследования и материалы : в 2 ч. Ч. 2. /

ред. В. В. Мартынов ; АН БССР. Ин-т языкознания им. Я. Коласа. – Минск : Наука и техника, 1973. – С. 128–159.

23. Вишленкова, Е. А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому» / Е. А. Вишленкова. – М. : Новое литературное обозрение, 2011. – 384 с.

24. Віцебскі летапіс // Беларускія летапісы і хронікі : Пер. са старажытнарускай, старабеларускай і польскай / Уклад. У. Арлова ; праф. В. Чамярыцкага. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 1997. – С. 257–280.

25. Войнилович, Э. Воспоминания : пер с польск. / Э. Войнилович / Общ. ред. В. Завальнюка. – Минск : Издание Минской римокатолической парамии св. Симона и Елены, 2007. – 380 с. 28.

26. Вяземский, П. А. Фиглярин – вот поляк примерный... [Электронный ресурс] / П. А. Вяземский – Режим доступа : <https://www.culture.ru/poems/41879/figlyarin-vot-polyak-primernyi>. – Дата доступа : 24.08.2022.

27. Гадыцкі трактат [Электронный ресурс] / Перекладено з польської мови В. Шевчуком (за виданням : Записки Наукового товариства імені Т. Шевченка. – Львів, 1909. – Т. 89. – С. 82–90). Текст перекладу подано за «Україна. Наука і культура». – Київ, 1991. – Вип. 25. – С. 147–152. – Режим доступу : <https://web.archive.org/web/20090101175125/http://pravopys.vlada.kiev.ua/mova/17/Doc/Hadjacki.htm>. – Дата звернення : 17.06.2023.

28. Ганновер, Н. Н. Пучина бездонная. Хроника Натана Ганновера / Н. Н. Ганновер // Еврейские хроники XVII столетия (Эпоха «хмельничины») / Исследование, перевод и комментарии С. Я. Борового. – М. ; Иерусалим : Гешарим, 1997. – С. 81–152.

29. Гачев, Г. Д. Наука и национальные культуры (гуманитарный комментарий к естествознанию) / Г. Д. Гачев. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского ун-та, 1992. – 320 с.

30. Головачёва, О. А. Устойчивые единицы как идиостилевые маркеры в цикле очерков Н. С. Лескова «Русское общество в Париже» / О. А. Головачёва // Вестник Брянского университета. – 2016. – №1. – С. 236–241.

31. Голосовкер, Я. Э. Избранное. Логика мира [Электронный ресурс] / Я. Э. Голосовкер. – Режим доступа : <https://fil.wikireading.ru/57966>. – Дата доступа : 16.02.2021.

32. Горизонтов, Л. Е. Русско-польское противостояние XIX – начала XX века в геополитическом измерении / Л. Е. Горизонтов // Европейские сравнительно-исторические исследования / Ин-т всеобщ.

истории РАН. – Вып. 2 (2006) : География и политика / отв. ред. А. А. Улунян. – М. : Наука, 2006. – С. 9–31.

33. Готье, Ю. Замосковский край в XVII в. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси / Ю. Готье. – М. : Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1906. – 602 с.

34. Гофман, М. Записки и дневники, 1914–1918 / М. Гофман. – Л. : Красная газета, 1929. – 264 с.

35. Грамота царя с царского стана в Вязьме могилёвскому воеводе М. П. Воейкову об отпуске могилёвским мещанам по их челобитью оружия из Смоленска и Шклова. 17 января 1655 г. // Русско-белорусские связи : Сборник документов. (1570–1667 гг.) / Отв. ред. : Л. С. Абецедарский, М. Я. Волков ; Гл. архивное упр. при СМ СССР. Центр. гос. архив древних актов. М-во высш., сред. спец. и проф. образования БССР. Белорус. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Минск : Высшая школа, 1963. – С. 326–327.

36. Греков, И. Воссоединение Украины с Россией в 1654 г. / И. Греков, В. Королюк, И. Миллер. – М. : Государственной издательство политической литературы, 1954. – 112 с.

37. Греч, Н. И. Записки о моей жизни [Электронный ресурс] / Н. И. Греч. – Режим доступа : <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Gretch/Gr-12.htm>. – Дата доступа : 24.08.2022.

38. Гринберг, Т. Э. Образ страны или имидж государства: поиск конструктивной модели [Электронный ресурс] / Т. Э. Гринберг // Медиаскоп. – 2008. – №2. – Режим доступа: <http://mediascope.ru/образ-страны-или-имидж-государства-поиск-конструктивной-модели>. – Дата доступа : 17.02.2023.

39. Гришина Н. В. Психология конфликта / Н. В. Гришина : 2-е изд. – СПб. : Питер, 2008. – 544 с.

40. Гронский, А. Д. Кастусь Калиновский: конструирование героя / А. Д. Гронский // Беларуская думка. – 2008. – №2. – С.82–87.

41. Грыцкевіч, А. Аўгуст II Моцны (1670–1733) [Электронны рэсурс] / А. Грыцкевіч. – Рэжым доступу : <https://web.archive.org/web/20200613115050/http://jivebelarus.net/history/faces/Augustus-II-the-Strong.html>. – Дата доступу : 08.06.2023.

42. Гумилёв, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли [Электронный ресурс] / Л. Н. Гумилёв. – 322 с. – Режим доступа : http://vmk78.narod.ru/Gumilev_Ethnogenez.pdf. – Дата доступа : 17.05.2023.

43. Гуревич, А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов» / А. Я. Гуревич. – 2-е изд., доп. и испр. – М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. – 432 с.

44. Далгат, Ф. М. Историко-антропологический подход в историческом исследовании / Ф. М. Далгат // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2 : Гуманитарные науки, 2015. – №4. – Т. 30. – С. 133–139.

45. Дело о конфискации оружия и билетов на право хранения его у лиц нерусского происхождения // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 1527. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.

46. Дело об участниках восстания 1831 года по Дисненскому уезду // НИАБ. – Фонд 561. Оп. 1. Д. 1. Л. 18, 20, 49.

47. Дело по отношению дежурного генерала 1-ой армии Карпова о выступлениях крестьян, чинящих грабежи и препятствующих набору рекрут. 1 апреля – 15 июля 1831 г. // Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве. – Фонд 533 (Киевский военный губернатор). Оп. 4. Д. 131. Л. 1–85.

48. Депорт, Ф. Прощание с Польшей [Электронный ресурс] / Ф. Депорт. – Режим доступа : <http://ursa-tm.ru/forum/index.php?/topic/74634-netolerantnoe-stihotvorenje-o-polshe-xvi-vek/>. – Дата доступа : 08.06.2023.

49. Дваранін // Сержпутоўскі А. К. Казкі і апавяданні беларусаў-палешукоў / А. К. Сержпутоўскі. – Мінск : Універсітэцкае, 1999. – С. 148–149.

50. ДОСЬЕ : К 135-летию народного поэта Беларуси Якуба Коласа [Электронный ресурс] // Культура. – 2017. – 2 ноября. – Режим доступа : <https://www.belta.by/culture/view/dose-k-135-letiju-narodnogo-poeta-belarusi-jakuba-kolasa-274204-2017/>. – Дата доступа : 15.06.2023.

51. Дубянецкі, Э. С. Таямніцы народнай душы. Кніга для вучняў / Э. С. Дубянецкі. – Мінск : Народная асвета, 1995. – 47 с.

52. Ерофеев, В. Будь я поляком [Электронный ресурс] / В. Ерофеев. – Режим доступа : <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/394353-viktor-erofeev-bud-ya-polyakom.html>. – Дата доступа : 25.08.2022.

53. Ерофеев, В. «Французский элемент» в творчестве Гоголя [Электронный ресурс] / В. Ерофеев. – Режим доступа : samlib.ru/v/viktor_v_e/francuzskij_element.shtml. – Дата доступа : 25.08.2022.

54. Жердева, Ю. А. Смех на войне : милитарная карикатура в политическом и культурном контексте 1914–1918 годов / Ю. А. Жердева // Российская история в начале XXI века : опыт, проблемы, перспективы. Материалы международной научно-практической конференции. – Оренбург, 2014. – С. 114–118.

55. Живописная Россия : Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении : в 19 т. Т. 3. Ч. 1 : Литовское Полесье ; Ч. 2 : Белорусское Полесье / под общ. ред. П. П. Семенова. – СПб. : Типография М. О. Вольфа, 1882. – 490 с., VI с. : 23 л. ил.

56. Жих, М. Радимичи (локализация, происхождение, социально-политическая история) [Электронный ресурс] / М. Жих. – Режим доступа : <https://zapadrus.su/slavm/ispubsm/1792-radimichi-lokalizatsiya-proiskhozhdenie-sotsialno-politicheskaya-istoriya.html>. – Дата доступа : 13.04.2023.

57. Записная книга Яна Цедровского, собственноручно писанная, памятник исторический XVII века, найденный ксендзом Иосифом Малышкевичем, магистром богословия, почётным корреспондентом Императорской публичной библиотеки [Электронный ресурс] // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. – М. : Университетская типография, 1855. – Кн. 23. – III. Смесь. – С. 13–24. – Режим доступа : https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/d/db/Временник_императорского_Московского_общества_истории_и_древностей_российских_Книга_23_1855.pdf. – Дата доступа : 03.06.2023.

58. Зверев, О. В. Историческая школа «Анналов» о ментальности / О. В. Зверев // Вестник МГУКИ. – 2011 (ноябрь–декабрь). – №6 (44). – С. 44–47.

59. Зеленин, Д. К. Древнерусский языческий культ «заложных» покойников [Электронный ресурс] / Д. К. Зеленин // Известия Академии Наук. – 1917. – Т. 11. – Вып. 7. – С. 399–414. – Режим доступа : <https://www.mathnet.ru/links/bb7cdcb0c35f15b2c47752ecc138e99a/im6068.pdf>. – Дата доступа : 05.06.2023.

60. Зенина, Т. Отсрочка на 13 лет / Т. Зенина // Советская Белоруссия. – 2006. – 8 июня. – С. 9.

61. Иванов, И. А. Наполеон формирует новую армию из разных уродов и калек. 1813 г. [Электронный ресурс] / И. А. Иванов // Отечественная война. Русская карикатура. Тербенёв. Венецианов. Иванов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://nilskynikolay.livejournal.com/526308.html>. – Дата доступа : 27.05.2023.

62. Из выписи в доклад, составленный на царском стане под Смоленском. – Челобитные жителей Могилёва царю Алексею Михайловичу о подтверждении их прав и привилегий. Ранее 9 сентября 1654 г. // Русско-белорусские связи : Сборник документов. (1570–1667 гг.) / Отв. ред. : Л. С. Абецедарский, М. Я. Волков ;

Гл. архивное упр. при СМ СССР. Центр. гос. архив древних актов. М-во высш., сред. спец. и проф. образования БССР. Белорус. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Минск : Высшая школа, 1963. – С. 303–307.

63. Искюль, С. Н. Русско-французская конвенция 1810 г. о судьбе Польши и русско-французские отношения / С. Н. Искюль // *Roczniki Humanistyczne*. – 2020. – Т. LXVIII. – Z. 2. – S. 25–40.

64. История XIX века в 8 т. Том 2. 1800–1815 годы / под ред. Э. Лависса ; сост. А. Рамбо ; под общей редакцией Е. В. Тарле. – М. : Издательство Юрайт, 2020. – 525 с.

65. Исторический памятник о Пинске (найденный ксендзом Антоном Мошинским) [Электронный ресурс] / Текст воспроизведён по изданию : Исторический памятник о Пинске (найденный ксендзом Антоном Мошинским) // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. – М., 1846. – № 5. – Режим доступа : http://vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Polen/ XVII/1640-1660/Pinsk_1648/text.htm. – Дата доступа : 05.06.2023.

66. Камінський Сулима, А. Історія Речі Посполитої як історія багатьох народів, 1505–1795. Громадяні, їхня держава, суспільство, культура / А. Камінський Сулима. – Київ : Наш час, 2011. – 263 с.

67. Казаки: правда, мифы или легенда. Ч. 1. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://sonsky.ucoz.ua/publ/kazaki_pravda_mify_ili_legenda_ch_1/1-1-0-135. – Дата доступа: 31.03.22.

68. Казаки-характерники – кто они? [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://konsul-777-999.livejournal.com/6863458.html>. – Дата доступа : 26.05.2023.

69. Каналаш, О. П. Национальная картина мира как компонент лингвистического исследования / О. П. Каналаш // *Lingua mobilis*. – 2012. – №6 (39). – С. 70–73.

70. Карикатуры эпохи Отечественной войны 1812 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://vv1812.shpl.ru/karikatur.html>. – Дата доступа : 27.04.2023.

71. Карп, С. Я. Фридрих Мельхиор Гримм и его «Литературная корреспонденция» в России XVIII–XIX веков [Электронный ресурс] / С. Я. Карп. – Режим доступа : https://perspectivia.net/servlets/MCR_FileNodeServlet/ploneimport_derivate_00011430/karp_grimm.doc.pdf. – Дата доступа : 15.05.2023.

72. Карпович, О. В. Социально-сословный состав участников восстания 1830–1831 гг. в Минской губернии / О. В. Карпович // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. История и политология. – 2012. – №2. – С. 22–32.

73. Катков, М. Н. Польский вопрос / М. Н. Катков // Русский вестник – 1863. – Т. 43. – № 1. – С. 471–482.

74. Кісялёў, Г. Радаводнае дрэва : Каліноўскі – эпоха – наступнікі / Г. Кісялёў. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1994. – 304 с.

75. Климов, И. А. Депривация [Электронный ресурс] / И. А. Климов // Большая российская энциклопедия. – Режим доступа : <https://bigenc.ru/sociology/text/1948445>. – Дата доступа : 07.05.2023.

76. Князь Радзівіл Каханко // Сержпутоўскі, А. К. Казкі і апавяданні беларусаў Слуцкага павета / А. К. Сержпутоўскі. – Мінск : Універсітэцкае, 2000. – С. 171–172.

77. Ковалевский, П. И. Русский национализм и национальное воспитание в России / П. И. Ковалевский – Нью-Йорк : Русская национальная типография, 1922. – 333 с.

78. Козлов, И. Фаддей Булгарин [Электронный ресурс] / И. Козлов // 7 дней. – 2013. – 25 сентября (№39). – Режим доступа : http://7dney.by/ru/issues?art_id=1692. – Дата доступа : 24.04.2023.

79. Колас, Я. Сымон-музыка / Я. Колас. – Мінск : Беларусь, 1971. – 256 с.

80. Колас, Я. Дрыгва / Я. Колас // Колас, Я. Збор твораў у 14 т. Т. 8. Аповесці «На прасторах жыцця», «Адшчапенец», «Дрыгва». – Мінск : Мастацкая літаратура, 1975. – С. 209–434.

81. Королёв, А. В. Несколько слов о Пржецлавском и его воспоминаниях [Электронный ресурс] / А. В. Королёв. – Режим доступа : http://sources.ruzhany.info/054_0.html. – Дата доступа : 25.04.2023.

82. Кочегаров, К. А. Константин Поклонский и события в Могилёве накануне русско-польской войны 1654–1667 гг. / К. А. Кочегаров // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2016. – № 1 (63). – С. 56–63.

83. Коялович, М. О расселении племён Западного края России / М. Коялович. – М. : Типография Бахметева, 1863. – 36 с.

84. Кралюк, П. История и «Я». Вячеслав Липинский : от «хлопомана» до «хлопофоба» [Электронный ресурс] / П. Кралюк // День – 2003. – 24 января. – Режим доступа : https://vuzlit.com/548539/istoriya_vyacheslav_lipinskiy_hloromana_hlorofoba. – Дата доступа : 10.06.2023.

85. Крестовский, В. В. Кровавый пух. Книга 1. Панургово стадо [Электронный ресурс] / В. В. Крестовский. – Режим доступа : <https://freelibrary.ru/bookread/191843-vsevolod-krestovskii-krovavyi-puf-kniga-1-panurgovo>. – Дата доступа : 15.06.2023.

86. Крестовский, В. В. Кровавый пуф. Книга 2. Две силы [Электронный ресурс] / В. В. Крестовский. – Режим доступа : https://librebook.me/krovavyi_puf__kniga_2__dve_sily/vol1/1. – Дата доступа : 15.06.2023.

87. Кротов, А. М. Белорусские «увлечения» кресовой шляхты : атака на враждебный стереотип (конец XVIII – середина XIX в.) / А. М. Кротов // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2009. – №4 (55). – Ч. 1. – С. 105–111.

88. Кротаў, А. М. Беларускі стэрэатып паляка як прадмет гісторыка-імалагічнага вывучэння / А. М. Кротаў // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сборник научных статей : в 2 ч. / под ред. В. Ф. Беркова. – Вып. 16. – Минск : РИВШ, 2016. – Ч. 1. – С. 177–184.

89. Кротаў, А. М. Вобраз Польшчы і палякаў у беларускім перыядычным друку 1920-1929 гадоў : аўтарэф. дыс. на атрым. вуч. ступ. канд. гіст. навук / А. М. Кротаў ; Бел. дзярж. ун-т. – Мінск, 1997. – 21 с.

90. Кротаў, А. М. Вобраз паляка ў творах Я. Коласа / А. М. Кротаў // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – Гомель : Изд-во ГГУ им. Ф. Скорины, 2020. – №4 (121). – С. 37–43.

91. Кротаў, А. М. Вобраз паляка ў творах Я. Купалы / А. М. Кротаў // Беларусь і суседзі : шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і дзяржаўныя адносіны. – Вып. 7. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2020. – С. 60–64.

92. Кротов, А. М. К вопросу о факторах пробуждения этнического самосознания белорусов в конце XVI – середине XVII в. / А. М. Кротов // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2013. – №4 (79). – С. 57–65.

93. Кротов, А. М. Методы историко-имагологического исследования (на примере белорусского стереотипа поляка) / А. М. Кротов // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – Гомель : Изд-во ГГУ им. Ф.Скорины, 2021, №4 (127). – С. 37–43.

94. Кротов, А. М. Политическая составляющая польских культурно-просветительских интересов в Беларуси во второй трети XIX в. / А. М. Кротов // Беларусь і суседзі : гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы : Матэрыялы III Міжнароднай навуковай канферэнцыі (Гомель, 30 верасня – 1 кастрычніка 2010 г.). – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2010. – С. 79–86.

95. Кротов, А. М. О. А. Пржецлавский о поляках : ментальные корни публицистического образа и его идеологический контекст /

А. М. Кротов // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сборник научных статей : в 2 ч. / под ред. В. Ф. Беркова. – Вып. 14. – Ч. 1. – Минск : РИВШ, 2014. – С. 155–160.

96. Кротов, А. М. О трансформации национально-политического сознания поляков Беларуси в 1795–1921 гг. / А. М. Кротов // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2012. – №4 (73). – С. 58–64.

97. Кротов, А. М. Образ поляка в российской карикатуре XIX – начала XX в. как фактор развития белорусского стереотипа поляка / А. М. Кротов // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2017. – №4 (103). – С. 34–40.

98. Кротов, А. М. Особенности развития этнонационального самосознания белорусов в конце XIX – 20-х годах XX в. / А. М. Кротов // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2018. – №4 (109). – С. 42–47.

99. Кротов, А. М. Особенности существования и развития белорусского стереотипа поляков в конце XVI – I-й половине XIX в. / А. М. Кротов // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – Гомель : Изд-во ГГУ им. Ф. Скорины, 2008, № 4 (49). – С. 64–72.

100. Кротов, А. М. Поляки в глазах Фаддея Булгарина / А. М. Кротов // Беларусь і суседзі : шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны : Зборнік навуковых артыкулаў. – Вып. 2. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2013. – С. 33–39.

101. Кротов, А. М. Польские беженцы в Беларуси в период Первой мировой войны и белорусы : проблемы взаимопонимания / А. М. Кротов // Первая мировая война в исторических судьбах Европы : сб. материалов Междунар. науч. конф., г. Вилейка, 18 окт. 2014 г. / редкол. : В. А. Богуш (пред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2014. – С. 214–218.

102. Кротов, А. М. Реакция белорусского обывателя на польское национально-освободительное движение на белорусских землях в XIX веке / А. М. Кротов // Беларусь у XIX–XXI стагоддзях : праблемы этнакультурнага і нацыянальна-дзяржаўнага развіцця : зб. навук. арт. / ГДУ імя Ф. Скарыны. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2013. – С. 17–26.

103. Круткин, В. Л. Кит Мокси : о визуальных исследованиях и иконическом повороте / В. Л. Круткин // Вестник Удмуртского университета. – 2011. – Вып. 2. – С. 30–36.

104. Кузовкина, Т. История на службе у Булгарина [Электронный ресурс] / Т. Кузовкина // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia X :

«Век нынешний и век минувший» : культурная рефлексия прошедшей эпохи : В 2 ч. – Тарту : Tartu Ülikooli Kirjastus, 2006. – Ч. 1. – С. 86–113. – Режим доступа : <http://www.ruthenia.ru/document/541933.html>. – Дата доступа : 24.08.2022.

105. Кулецкий, М. Лях и москаль – заклятые друзья. Носили ли войны Речи Посполитой с Москвой в XVII веке этнический характер? / М. Кулецкий // Родина. – 2001. – № 1–2. Темат. вып. «Славянский мир». – С. 79–83.

106. Купала, Я. Бандароўна [Электронны рэсурс] / Я. Купала // Беларуская Палічка : беларуская электронная бібліятэка. – Рэжым доступа : https://knihi.com/Janka_Kupala/Bandarouna_9t.html. – Дата доступа : 17.06.2023.

107. Купала, Я. Любімось, мае суседзі! [Электронны рэсурс] / Я. Купала // Беларуская Палічка : беларуская электронная бібліятэка. – Рэжым доступа : https://knihi.com/Janka_Kupala/Lubimos,_maje_susiedzi.html. – Дата доступа : 17.06.2023.

108. Купала, Я. Мужык [Электронны рэсурс] / Я. Купала. – Рэжым доступа : <http://yankakupala.ru/muzhuk>. – Дата доступа : 17.06.2023.

109. Купала, Я. Паніч і Марыся [Электронны рэсурс] / Я. Купала // Беларуская Палічка : беларуская электронная бібліятэка. – Рэжым доступа : https://knihi.com/Janka_Kupala/Panic_i_Marysia.html. – Дата доступа : 14.04.2023.

110. Купала, Я. Паўлінка [Электронны рэсурс] / Я. Купала // Беларуская Палічка : беларуская электронная бібліятэка. – Рэжым доступа : https://knihi.com/Janka_Kupala/Paulinka.html. – Дата доступа : 17.06.2023.

111. Купала, Я. Раскіданае гняздо [Электронны рэсурс] / Я. Купала // Беларуская Палічка : беларуская электронная бібліятэка. – Рэжым доступа : https://knihi.com/Janka_Kupala/Raskidanaje_hniazdo.html. – Дата доступа : 17.06.2023.

112. Купала, Я. Тутэйшыя [Электронны рэсурс] / Я. Купала. – Рэжым доступа : https://royallib.com/read/kupala_yanka/tuteyshiya.html#0. – Дата доступа : 15.05.2023.

113. Курбатов О. А. Рецензия на книгу: Сагановіч Г. Невядомая вайна 1654-1667 [Электронны рэсурс] / О. А. Курбатов. – Мінск, 1995 // Архив русской истории. – М., 2002. – С. 339–344. – Режим доступа : <http://www.snowforum.ru/forums/?action=view&board=history&id=712141>. – Дата доступа : 13.05.2023.

114. Лазари, А. де. Русские и поляки глазами друг друга: Сатирическая графика / А. де Лазари, О. В. Рябов. – Иваново : Ивановский государственный университет, 2007. – 170 с. : ил.

115. Лазари, А. де. «Русский медведь» в польской сатирической графике межвоенного периода (1919–1939) [Электронный ресурс] / А. де Лазари, О. В. Рябов // Границы : Альманах Центра этнических и национальных исследований ИвГУ. Вып. 2 : Визуализация нации. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2008. – Режим доступа : <http://cens.ivanovo.ac.ru/almanach/lazari-riabov-2008.htm> – Дата доступа : 13.04.2023.

116. Лазари, А. де. Угрожающий «лапотный медведь» (Из книги «Русские и поляки глазами друг друга») [Электронный ресурс] / А. де Лазари, О. В. Рябов. – Режим доступа : <http://inosmi-ru.livejournal.com/111601.html>. – Дата доступа : 20.04.2023.

117. Летопись Самовидца о войнах Богдана Хмельницкого и междоусобиях, бывших в Малой России по его смерти. – М. : Императорское Общество истории и древностей Российских при Московском университете, 1846. – 152 с.

118. Липатов, А. В. Стереотипы национального восприятия: специфика национальной истории, особенности национальной культуры и адекватная оптика научного рассмотрения / Липатов А. В. // *Studia polonica*. К 70-летию Виктора Александровича Хорева. – М. : Индрик, 2002. – С. 361–371.

119. Лист Б. Хмельницкого до московского царя Олексія Михайловича 17 лютого 1654 р. [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://uahistory.ucoz.ua/publ/zagalni/istorichni_dzherela/list_b_khmelnickogo_do_moskovskogo_carja_oleksija_mikhajlovicha/48-1-0-94. – Дата звернення : 31.05.2023.

120. Лист Богдана Хмельницкого, посланный из Переяслава царю Алексею Михайловичу, с благодарностью за воссоединение Украины с Россией // Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы : в 3 т. Т. 3. 1651–1654 гг. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1953. – С. 516.

121. Лобач, В. Восточный сосед. Образ русского в белорусской традиционной культуре / В. Лобач, Ю. Борисёнок // *Родина*. – 2002. – №7. – С. 46–49.

122. Лобин А. Неизвестная война 1654–1667 гг. [Электронный ресурс] / А. Лобин // *Скепсис*. Научно-просветительский журнал. 2007. – 16 февраля. – С. 646–660. – Режим доступа : https://scepsis.net/library/id_1104.html#a3. – Дата доступа : 01.06.2023.

122. Лойка, А. Як агонь, як вада [Электронны рэсурс] / А. Лойка // Беларуская Палічка : беларуская электронная бібліятэка. – Рэжым доступу : https://knihi.com/Aleh_Lojka/Jak_ahon,_jak_vada.html. – Дата доступу : 17.06.2023.

123. Липпман, У. Общественное мнение / У. Липпман / Пер. с англ. Т. В. Барчуновой. – М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.

125. Магілёўская хроніка Трафіма Сурты і Юрыя Трубніцкага // Беларускія летапісы і хронікі – Мінск : Беларускі кнігазбор, 1997. – С. 281–390.

126. Мазур, Л. Н. «Визуальный поворот» в исторической науке на рубеже XX–XXI вв. : в поисках новых методов исследования / Л. Н. Мазур // Диалог со временем. – 2014. – Вып. 46. – С. 95–108.

127. Мазуры // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://bigenc.ru/ethnology/text/216374>. – Дата доступа : 22.02.2021.

128. Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII в. / А. Н. Мальцев. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1974. – 255 с.

129. Мальцев А. Н. «Шиши» на Смоленщине и в Белоруссии в середине XVII в. / А. Н. Мальцев // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова : сборник статей / Академия наук СССР, Отделение истории, Археографическая комиссия ; [редакционная коллегия: В. А. Александров и др.]. – М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1967. – С. 277–280.

130. Маслак, В. И. Политические концепции Богдана Хмельницкого в освещении современной российской историографии / В. И. Маслак // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. – 2014. – № 1 (January-February). – Vol. 1. – Vienna : «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. – 2014. – С. 64–69.

131. Мелешко, В. И. Могилев в XV – середине XVII в. / В. И. Мелешко. – Минск : Наука и техника, 1988. – 264 с.

132. Меховский, М. Трактат о двух Сарматиях [Электронный ресурс] / М. Меховский. – Режим доступа : <https://www.vostlit.info/Texts/rus15/Mehovskij/frametext1.htm>. – Дата доступа : 05.02.2022.

133. Мицкевич, А. Пан Тадеуш [Электронный ресурс] / А. Мицкевич. – Режим доступа: <https://avidreaders.ru/read-book/pan-tadeush.html?p=11#h12>. – Дата доступа : 13.06.2023.

134. Мицкевич, Г. «Пекло для холопов, рай для евреев». Расцвет и крах Речи Посполитой [Электронный ресурс] / Г. Мицкевич. – Режим

доступа : <https://belhistory.by/2020/10/28/peklo-dlya-holopov-rai-dlya-evreev-rascvet-i-krah-rechi-pospolitoy/>. – Дата доступа : 04.02.2022.

135. Мужык, пан і ксёндз // Сержпутоўскі, А. К. Казкі і апавяданні беларусаў-палешукоў / А. К. Сержпутоўскі. – Мінск : Універсітэцкае, 1999. – С. 69.

136. Мужицкая правда, №6 // К. Калиновский : Из печатного и рукописного наследия. – Минск : Беларусь, 1988. – С. 56–59.

137. Мужицкая правда, №7 // К. Калиновский : Из печатного и рукописного наследия. – Минск : Беларусь, 1988. – С.59–60.

138. Мусиенко, С. Польская литература в имагологической интерпретации В. А. Хорева [Электронный ресурс] / С. Мусиенко // Балтийский филологический курьер. – 2013. – Выпуск 9. – С. 99–113. – Режим доступа: https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/071/Мусиенко_С._99-113.pdf. – Дата доступа: 17.03.2015.

139. Народы России. Живописный альбом. – СПб. : Типография товарищества «Общественная Польза», 1877. – 572 с.

140. Научение викарное [Электронный ресурс] // Словарь практического психолога. – Режим доступа : https://986.slovaronline.com/1214-научение_викарное – Дата доступа : 22.05.2023.

141. Некрасов, Н. Железная дорога [Электронный ресурс] / Н. Некрасов. – Режим доступа : <http://www.stihi-rus.ru/1/Nekrasov/30.htm>. – Дата доступа : 10.05.2023.

142. Некрасов, Н. Кому на Руси жить хорошо [Электронный ресурс] / Н. Некрасов. – Режим доступа : <https://ilibrary.ru/text/13/index.html>. – Дата доступа : 10.05.2023.

143. Одиссей. Человек в истории 1993 : Образ «другого» в культуре / Отв. ред. А. Я. Гуревич. РАН, Ин-т всеобщей истории – М. : Наука, 1994. – 330 с.

144. Ольденбург, С. С. Царствование императора Николая II / С. С. Ольденбург. – М. : Центрполиграф, 2018. – 654 с.

145. Открытки. «Типы студентов» (худ. В. Кадулин / Няядин) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://shaltay0boltay.livejournal.com/874312.html> – Дата доступа : 27.04.2023.

146. Отписка витебского воеводы М. В. Шереметева на царский стан в Вязме о принуждении поляками белорусских крестьян записываться в польское войско, о совместном походе русских ратных людей с витебскими мещанами против поляков в д. Хотимле Витебского уезда. 24 января 1655 г. // Русско-белорусские связи : Сборник документов. (1570–1667 гг.) / Отв. ред. : Л. С. Абецедарский, М. Я. Волков ; Гл. архивное упр. при СМ СССР. Центр. гос. архив древних актов. М-во

высш., сред. спец. и проф. образования БССР. Белорус. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Минск : Высшая школа, 1963. – С. 327–328.

147. Орловский, А. О. Воевода на Пыздрах. 1831 г. [Электронный ресурс] / А. О. Орловский. – Режим доступа : https://ic.pics.livejournal.com/inomoderator/15048310/31182/31182_original.jpg. – Дата доступа : 27.05.2023.

148. Пану навука // Сержпутоўскі, А. К. Казкі і апавяданні беларусаў-палешукоў / А. К. Сержпутоўскі. – Мінск : Універсітэцкае, 1999. – С. 116–119.

149. Перевод с копии письма, писанного от 6 декабря 1794 г. Письмо неизвестного поляка к сестре о характере Репнина и об отношении его к полякам // Сборник императорского Русского Исторического общества. – СПб. : Типография Майкова, 1875. – Т. 16. – С. 68–69.

150. Пётр из Дусбурга. Хроника земли Прусской / Пётр из Дусбурга. – М. : Ладомир, 1997. – 384 с.

151. Письмо командиру повстанческого отряда в Троцком повете Ф. Вислоуху. 16 июня 1863 г. // К. Калиновский : Из печатного и рукописного наследия. – Минск : Беларусь, 1988. – С. 111–117.

152. Повесть временных лет / Пер. с древнерусского Д. С. Лихачёва, О. В. Творогова. Коммент. А. Г. Боброва, С. Л. Николаева, А. Ю. Чернова и др. – СПб. : Вита Нова, 2012. – 512 с.

153. Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1372 г. : в 2 ч. Ч.1. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – 500 с.

154. Подвысоцкий, А. Записки очевидца о событиях в Варшаве в 1861 и 1862 годах / А. Подвысоцкий. – СПб. : Печатано в Военной типографии в здании Главного Штаба, 1869. – С. 152 с.

155. Полное собрание русских летописей. – Т. 2 : III. Ипатьевская летопись. – СПб. : Типография Э. Праца, 1843. – 377 с.

156. Попов, Э. А. Белорусскому обществу навязывают антиисторические представления об общей истории в антирусском духе [Электронный ресурс] / Э. А. Попов – Режим доступа : <https://riss.ru/analitica/beloruskomu-obshchestvu-navyazyvayut-antiistorichnyye-predstavleniya-ob-obshchey-istorii-v-antirusском-dukhe/>. – Дата доступа : 12.05.23.

157. Поршнева, О. С. Историческая имагология в современной российской историографии / О. С. Поршнева // Урал индустриальный. Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. : Бакунинские чтения : материалы XII Всерос. науч. конф., посвящ. 90-летию Заслуж. деятеля науки России, д-ра ист. наук, проф. А. В. Бакунина, Екатеринбург, 4–5 декабря 2014 г. : Т. 1. / РАН, УрО, Ин-т истории и археоло-

гии, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург : УМЦ-УПИ, 2014. – С. 126–129.

158. Постановление могилёвского магистрата, на основании указа Алексея Михайловича, об отдаче Гелияшу Карповичу дома, оставшегося свободным после бегства прежнего владельца // Акты, издаваемые Комиссией, высочайше утверждённой для разбора древних актов в Вильне. Т. 34 : Акты, относящиеся во времени войны за Малороссию. – Вильно : Электро-типография «Русский Почин», 1909. – С. 50–51.

159. Постановление могилёвского магистрата, на основании указа Алексея Михайловича, об отдаче Прохору Лукиничу дома, оставшегося свободным после бегства из Могилёва прежнего владельца // Акты, издаваемые Комиссией, высочайше утверждённой для разбора древних актов в Вильне. Т. 34 : Акты, относящиеся во времени войны за Малороссию. – Вильно: Электро-типография «Русский Почин», 1909. – С. 49–50.

160. Постановление могилёвского магистрата, на основании указа Алексея Михайловича, об отдаче пану Кондратовичу Шевне дома, оставшегося свободным после бегства из Могилёва прежнего владельца // Акты, издаваемые Комиссией, высочайше утверждённой для разбора древних актов в Вильне. Т. 34 : Акты, относящиеся во времени войны за Малороссию. – Вильно : Электро-типография «Русский Почин», 1909. – С. 47–48.

161. Похвальная грамота царя Алексея Михайловича войску и населению Могилёва за оборону города во время осады его литовскими гетманами Я. Радзивиллом и В. К. Госевским. 6 мая 1655 г. // Русско-белорусские связи : Сборник документов. (1570–1667 гг.) / Отв. ред. : Л. С. Абецдарский, М. Я. Волков ; Гл. архивное упр. при СМ СССР. Центр. гос. архив древних актов. М-во высш., сред. спец. и проф. образования БССР. Белорус. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Минск : Высшая школа, 1963. – С. 333.

162. Похилевич Д.Л. Крестьяне Слонимщины в XVI–XVII вв. и их борьба против феодального угнетения / Д. Л. Похилевич // Наукові записки Львівського державного університету імені Івана Франка. – Т.17. Серія історична. – Вип. 4. – Львів : Вид-во Львівського ун-ту, 1949. – С. 129–168.

163. Прамова Мялешкі // Анталогія даўняй беларускай літратуры: XI – першая палова XVIII стагоддзя / НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы ; Падрыхт. А. І. Богдан і інш. Навук. рэд. В. А. Чамярыцкі. – Мінск : Беларуская навука, 2003. – С. 674–678.

164. Предписание Виленского генерал-губернатора по устройству военно-гражданского управления в уездах Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской и Могилёвской губерний и о принятии мер к повстанцам и лицам, вернувшимся из повстанческих отрядов. 20 марта 1864 г. // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 1528. Оп. 1. Д. 2. Л. 11–14.

165. Пржецлавский, Осип Антонович [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/103883/. Пржецлавский – Дата доступа : 25.08.2022.

166. Пржецлавский, О. А. Воспоминания / О. А. Пржецлавский // Поляки в Петербурге в первой половине XIX века / Сост., предисл., подгот. текста воспоминаний О. А. Пржецлавского и коммент. А. И. Федуты. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – С. 29–475.

167. Приказ-воззвание Виленского повстанческого центра к народам Литвы и Белоруссии. 11 июня 1863 г. // К. Калиновский : Из печатного и рукописного наследия. – Минск : Беларусь, 1988. – С. 73–74.

168. Прицак, О. Ще раз про союз Богдана Хмельницького з Туреччиною / О. Прицак // Український археографічний щорічник. Нова серія. – Київ, 1993. – Вип. 2. – С. 177–192.

169. Пьянков А. П. Восстание Дениса Мурашки / А. П. Пьянков // Известия Академии наук БССР. – 1949. – №1. – С.43–50.

170. Пушкин, А. С. Клеветникам России [Электронный ресурс] / А. С. Пушкин. – Режим доступа : <https://www.culture.ru/poems/4966/klevetnikom-rossii>. – Дата доступа : 24.05.2023.

171. Пушкин, А. С. Письма. Плетнёву П. А. 21 января 1831 г. [Электронный ресурс] / А. С. Пушкин. – Режим доступа : https://rvb.ru/pushkin/01text/10letters/1831_37/01text/1831/1577_389.htm. – Дата доступа : 24.04.2023.

172. Пушкин, А. С. Эпиграмма «Не то беда, что ты поляк» [Электронный ресурс] / А. С. Пушкин. – Режим доступа : <http://pushkin-lit.ru/pushkin/stihi/stih-676.htm>. – Дата доступа : 28.05.2023.

173. Репников, А. В. Всеволод Крестовский (Об авторе «Петербургских трущоб») [Электронный ресурс] / А. В. Репников. – Режим доступа : <http://www.portal-slovo.ru/history/35751.php>. – Дата доступа : 03.02.2023.

174. Решение Земского собора о воссоединении Украины с Россией. 1 октября 1653 г. // Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы: в 3 т. Т. 3. 1651–1654 гг. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1953. – С. 406–414.

175. Ровба, Е. А. Хорев Виктор Александрович. К 75-летию со дня рождения / Е. А. Ровба, С. Ф. Мусиенко, В. Н. Горбузов [и др.] // Веснік Гродненскага дзяржаўнага універсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 3. Філалогія, педагогіка. – 2007. – 4 (59). – С. 3–5.

176. Рогалеў, А. Ф. Сцежкі ў даўніну : геаграфічныя назвы Беларускага Палесся / А. Ф. Рогалеў. – Мінск : Полымя, 1992. – 160 с.

177. Русско-белорусские связи : Сборник документов (1570–1667 гг.) / Отв. ред. : Л. С. Абецедарский, М. Я. Волков ; Гл. архивное упр. при СМ СССР. Центр. гос. архив древних актов. М-во высш., сред. спец. и проф. образования БССР. Белорус. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Минск : Высшая школа, 1963. – 534 с.

178. Сажнев, Н. Казаки-характерники [Электронный ресурс] / Н. Сажнев. – Режим доступа : <https://nemeton.ucoz.ua/index/0-214>. – Дата доступа : 31.04.2023.

179. Сборник белорусских пословиц, составленный И. И. Носовичем // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1874. – Т. XII. – Ч. 2. – 232 с.

180. Селезнёв, Ф. Трущобы Всеволода Крестовского [Электронный ресурс] / Ф. Селезнёв. – Режим доступа : <http://www.library.ru/help/docs/n79887/1.pdf>. – Дата доступа : 07.06.2023.

181. Сергеев, С. «Польский вопрос» в русской националистической мысли XIX – нач. XX в. : попытки «позитивного» решения [Электронный ресурс] / С. Сергеев. – Режим доступа : <https://www.apn.ru/index.php?newsid=22377>. – Дата доступа : 17.06.2023.

182. Смалянчук А. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – люты 1917 г. / А. Смалянчук. – Спб. : Неўскі прасцяг, 2004. – 406 с.

183. Соловьёв, С М. История России с древнейших времён : в 29 т. Т. 10. Гл. 4. Продолжение царствования Алексея Михайловича [Электронный ресурс] / С. М. Соловьёв. – Режим доступа : <http://www.spsl.nsc.ru/history/solov/main/solv10p4.htm>. – Дата доступа : 03.06.2023.

184. Статут Великого княжества Литовского 1529 года / под ред. акад. АН Лит. ССР К. И. Яблонскиса. – Минск : Изд-во АН БССР, 1960. – 253 с.

185. Статьи жителей Витебского воеводства об условиях сдачи русским войскам. Сентябрь 1654 г. // Русско-белорусские связи : Сборник документов (1570–1667 гг.) / Отв. ред. : Л. С. Абецедарский, М. Я. Волков ; Гл. архивное упр. при СМ СССР. Центр. гос. архив древ-

них актов. М-во высш., сред. спец. и проф. образования БССР. Белорус. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Минск : Высшая школа, 1963. – С. 311–315.

186. Стенограмма интервью Министра иностранных дел Республики Беларусь Владимира Макея газете «The Washington Post» (19 мая 2015 г., г. Минск) [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://mfa.gov.by/press/news_mfa/f68c86282662364f.html. – Дата доступа : 17.06.2023.

187. Таирова-Яковлева, Т. Г. «Отечество» в представлениях украинской казацкой старшины в конце XVII – начале XVIII в. : доклад [Электронный ресурс] / Т. Г. Таирова-Яковлева // Дискуссия : Когда украинцы стали украинцами, а русские – русскими? Складывание украинского, великорусского и общерусского самосознания в Средние века и Новое время // Российско-украинская конференция историков «Украина и Россия : история и образ истории», 3–5 апреля 2008 г. Сессия 3 апреля 2008 г. : материалы. – М. : Институт Европы РАН, 2008. – Режим доступа : <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/feudalism.htm>. – Дата доступа : 12.08.2022.

188. Терепенёв, И. И. Ретирада французской конницы, которая съела своих лошадей в России. 1813 г. [Электронный ресурс] / И. И. Терепенёв // Отечественная война. Русская карикатура. Терепенев. Венецианов. Иванов. – Режим доступа : <https://nilskynikolay.livejournal.com/526308.html>. – Дата доступа : 27.05.2023.

189. Тесля, А. Свои и чужие : поляки в столице империи [Электронный ресурс] / А. Тесля. – Режим доступа : <http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/Svoi-i-chuzhie-polyaki-v-stolice-imperii>. – Дата доступа : 25.08.2022.

190. Ткачоў, М. Старажытны Мсціслаў / М. Ткачоў, А. Трусаў. – Мінск : Польша, 1992. – 109 с.

191. Толстой, И. И. Дневник : в 2-х т. Т. 2. 1906–1916 / Публикация Л. И. Толстой. – СПб. : Фонд регионального развития Санкт-Петербурга; Европейский Дом ; Европейский университет в Санкт-Петербурге, 1997. – 729 с.

192. Топорков, А. Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX века / А. Л. Топорков. – М.: Индрик, 1987. – 456 с.

193. Углик, Я. Образ поляков в романах и публицистике Ф. М. Достоевского [Электронный ресурс] / Я. Углик // Toronto Slavic Quarterly. – 2011. – №37. – Р. 136–149. – Режим доступа : http://sites.utoronto.ca/tsq/37/tsq37_uglik.pdf. – Дата доступа : 25.08.2022.

194. Україна і Росія в історичній ретроспективі : Нариси в 3-х т. Том 1. Верстюк, В. Ф. Українські проекти в Російській імперії /

В. Ф. Верстюк, В. М. Горобець, О. П. Толочко / Інститут історії України НАН України ; Редрада : акад. НАН України В. М. Литвин (голова), акад. НАН України І. М. Дзюба, акад. НАН України Я. Д. Ісаєвич, акад. НАН України О. С. Онищенко, акад. НАН України В. А. Смолій, С. В. Кульчицький та ін. ; Відп. ред. акад. НАН України В. А. Смолій. – Київ : Наукова думка, 2004. – 504 с.

195. Ульянов, Н. И. Происхождение украинского сепаратизма / Н. И. Ульянов. – Нью-Йорк : Грифон, 1966. – 288 с.

196. Универсал гетмана Богдана Хмельницкого о назначении Ивана Нечая полковником Белорусским // Сборник статей и материалов по истории Юго-Западной России, издаваемый Комиссией для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Вып. I. – Киев : Тип. Н. Т. Кочак-Новицкого, 1911. – С. 28–29.

197. Хорватова, Е. Мир Елизаветы Бём. Часть 3 [Электронный ресурс] / Е. Хорватова. – Режим доступа : <http://eho-2013.livejournal.com/114238.html>. – Дата доступа : 27.05.2023.

198. Хорев, В. А. Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки / В. А. Хорев. – М. : Индрик, 2005. – 231 с.

199. Хроніка Быхаўца // Беларуская летапісы і хронікі. – Мінск : Беларускае кнігазбор, 1997. – С. 69–166.

200. Цурикова, К. К. Проблема определения образа врага / К. К. Цурикова // Молодой учёный. – 2019. – № 51 (289). – С. 212–213.

201. Чего мы желаем? // Вестник Юго-Западной и Западной России. – 1863. – Т. 2. – Кн. 6. – Отд. №4. – С. 360–367.

202. Шалькевич, В. Ф. Предисловие / В. Ф. Шалькевич // К. Калиновский : Из печатного и рукописного наследия / Ин-т истории партии при ЦК КП Белоруссии – фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Минск : Беларусь, 1988. – С. 4–44.

203. Шестакова, Е. Г. Фрустрационные теории агрессии (к истории проблемы) / Е. Г. Шестакова // Сибирский психологический журнал. – 2009. – №33. – С. 39–40.

204. Широкоград, А. Б. Запорожцы – русские рыцари : История запорожского войска / А. Б. Широкоград. – М. : АСТ Москва, 2008. – 289 с.

205. Широкоград, А. Россия и Украина. Когда заговорят пушки... [Электронный ресурс] / А. Широкоград. – Режим доступа : http://liv.piramidin.com/politica/shirokorad_a_b/shirokorad_rossiia_i_ukraina/shirokorad_rossiia_i_ukraina.htm#g12. – Дата доступа : 11.06.2023.

206. Шумхин, В. Фаддей Булгарин [Электронный ресурс] / В. Шумхин. – Режим доступа : <http://his.1september.ru/2003/17/15.htm>. – Дата доступа : 24.08.2022.

207. Як чорт тапіў паноў // Сержпутоўскі, А. К. Казкі і аповяданні беларусаў Слуцкага павята / А. К. Сержпутоўскі. – Мінск : Універсітэцкае, 2000. – С. 218–221.

208. Янчук, Н. А. О мнимо-народных белорусских песнях исторического и мифологического содержания / Н. А. Янчук. – Харьков : Типография «Печатное дело», 1908. – 23 с.

209. Яценко, В. «Українсько-білоруські» війни [Електронний ресурс]. У 3 ч. – Ч.1 – литвини захоплюють Київ / В. Яценко // Історична правда. – 25.05.2011. – Режим доступу : <https://www.istpravda.com.ua/articles/2011/05/25/40311/>. – Дата звернення : 19.05.2023.

210. Яценко, В. «Українсько-білоруські» війни [Електронний ресурс]. У 3 ч. – Ч.2 – Хмельницький б'є у відповідь / В. Яценко // Історична правда. – 07.06.2011. – Режим доступу : <http://www.istpravda.com.ua/articles/2011/06/7/41884/>. – Дата звернення : 19.05.2023.

211. Яценко, В. «Українсько-білоруські» війни [Електронний ресурс]. У 3 ч. – Ч.3 – гетьман проти царя / В. Яценко // Історична правда. – 20.06.2011. – Режим доступу : <https://www.istpravda.com.ua/articles/4dff3ce3e371e/>. – Дата звернення : 19.05.2023.

212. Antologia polskiej literatury kresowej XX wieku / Wybór tekstów, wstęp i objaśnienia B. Nadaczeka. – Szczecin : Ottonianum, 1995. – 548 s.

213. Bal, M. Semiotics and Art History / M. Bal, N. Bryson // The Art Bulletin. – 1991. – Vol. 73. – №2. – P. 174–208.

214. Baranowski, I. T. Z dziejów feudalizmu na Podlasiu / I. T. Baranowski // Przegląd Historyczny, 1907. – T. IV. – Z. 1. – S. 62–74, 158–169.

215. Baranowski, I. T. Podlasie w przededniu Unii Lubelskiej / I. T. Baranowski // Przegląd Historyczny, 1908. – T. VII. – Z. 1. – S. 48–74.

216. Bardach, J. Wieloszczeblowa świadomość narodowa na ziemiach litewsko-ruskich Rzeczypospolitej w XVII–XX wieku / J. Bardach. / Krajowość – tradycje zgody narodów w dobie nacjonalizmu. – Poznań : Instytut Historii UAM, 1999. – S. 11–34. (Odbitka z zbióru : Materiały z międzynarodowej konferencji naukowej w Instytucie Historii UAM w Poznaniu 11–12 maja 1998).

217. Berkowitz, L. Roots of aggression : A re-examination of the frustration-aggression hypothesis / L. Berkowitz. – New York : Atherton Press, 1969. – 136 p.

218. Berting, J. Rola i znaczenie stereotypów narodowych w stosunkach międzynarodowych: podejście interdyscyplinarne / J. Berting, C. Villain-Grandossi // *Narody i stereotypy* / pod red. T. Walas. – Kraków : Międzynarodowe Centrum Kultury, 1995. – S. 13–27.

219. Bobrowski, T. Pamiętniki Tadeusza Bobrowskiego / T. Bobrowski. – Lwów : Nakł. Jana Nep. Niewiadomskiego, 1900. – 417 s.

220. Chlewiński, Z. Stereotypy: struktura, funkcje, geneza. Analiza interdyscyplinarna / Z. Chlewiński // *Stereotypy i uprzedzenia*. – Warszawa : Wyd-wo Instytutu Psychologii PAN, 1992. – S. 7–28.

221. Danek, W. Pisarz wciąż żywy / W. Danek. – Warszawa : Ludowa spółdzielnia Wydawnicza, 1969. – 287 s.

222. Dollard, J. Frustration and Aggression / J. Dollard, N. E. Miller, L. W. Doob, O. H. Mowrer, R. R. Sears, – New Haven : Yale University Press, 1939. – 209 p.

223. Federowski, M. Lud Białoruski na Rusi Litewskiej / M. Federowski. – Warszawa : Towarzystwo Naukowe Warszawskie, 1935. – 490 s.

224. Friedman, H. S. Personality : classic theories and modern research / H. S. Friedman, M. W. Schustack, W. Miriam. – Boston : Pearson, 2016. – 432 p.

225. Gołębek, J. Wincenty Dunin-Marcinkiewicz. Poeta polsko-białoruski / J. Gołębek. – Wilno : Gebethner i Wolf, 1932. – 141 s.

226. Grek-Pabisowa, I. Językowa rzeczywistość na dawnych polskich Kresach północno-wschodnich / I. Grek-Pabisowa // *Kresy – pojęcie i rzeczywistość* : Zbiór studiów pod redakcją K. Handke. – Warszawa : Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy przy Instytucie Sławistyki PAN, 1997. – S. 145–179.

227. Holly, M. A. Past Looking: Historical Imagination and the Rhetoric of the Image | M. A. Holly. – New York : Cornell University Press, 2018. – 256 p.

228. «Inna metoda» // *Goniec Wielkopolski* – 1918. – 3 maja // *Archiwum Akt Nowych (AAN)* – Centralna agencja Polska w Lozannie. Plik 39. Dz. : EW 5b. L. 118.

229. Jabłonowski, A. Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym. – T. VI. – Cz. II. Podlasie (Województwo) / A. Jabłonowski // *Źródła Dziejowe*. – T. XVII, Część II. – Warszawa : Skład główny u Gebethnera i Wolffa, 1909. – 287 s.

230. Jabłonowski, A. Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym. – T. VI. – Cz. III. Podlasie (Województwo) /

A. Jabłonowski // *Źródła Dziejowe*. – T. XVII, Część III. – Warszawa : Skład główny u Gebethnera i Wolffa, 1910. – 302 s.

231. Jeleńska, E. *Wieś Komarowicze w powiecie mozyrskim (odbitka z tomu V «Wisły»)* / E. Jeleńska. – Warszawa : Druk Józefa Jeżyńskiego, 1892. – 83 s.

232. Konnotacja Ekspedytowanego sejmiku w zamku Nieswiskim wyvodu ziem Księstwa Nieswiskiego w roku 1729, 22.09 // *Archiwum Główne Akt Dawnych (AGAD)*. – *Archiwum Radziwiłłów*. Dz. XV. Teka 3. Plik 1. b/n.

233. Kraszewski, J. I. *Litwa. Starożytne dzieje, ustawy, język, przysłowia, podania i t. d.* : w 2 t. T. 1. *Historja do XIII wieku* / J. I. Kraszewski. – Warszawa : Drukarnia Stanisława Strąbskiego, 1850. – 439 s.

234. Kraszewski, J. I. *Pan na czterech chłopach. Historja szlachecka z XVIII wieku* / J. I. Kraszewski. – Warszawa : Nakładem M. Glücksberga, 1884. – 164 s.

235. Krotau, A. *Geneza białoruskiego stereotypu Polski i polaków* / A. Krotau // *Przegląd Wschodni*. – 2002. – T.VIII. – Zeszyt 1 (29). – S. 57–74.

236. *Kurjer Poznański*. – 1915. – 10 listopada // *AAN*. – Centralna agencja Polska w Lozannie. Plik 38. Dz. : EW 3. L.189.

237. Liedke, M. *System edukacji a przemiany językowe i kulturalne szlachty ruskiej Wielkiego Księstwa Litewskiego w II połowie XVI wieku* / M. Liedke // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. – 1994. – №2. – S. 7–19.

238. *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 11 (1518–1523)* / parengė A. Dubonis. – Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1997. – 227 p.

239. *Lietuvos Metrika*. – Knyga Nr. 225 (1528–1547). 6-oji Teismų bylą knyga : (XIV a. pabaigos kopija) / parengė S. Lazutka, I. Valikonytė ir kt. – Vilnius : Vilniaus universiteto leidykla, 1995. – 336 p.

240. Łatyszonek, O. *Od rusinów białych do białorusinów. U źródeł białoruskiej idei narodowej* / O. Łatyszonek. – Białystok : Wyd-wo Uniwersytetu w Białymstoku, 2006. – 399 c.

241. Łatyszonek, O. *Białorusini* / O. Łatyszonek // *Pod wspólnym niebem. Narody dawnej Rzeczypospolitej* / red. M. Koczyński, W. Tygielski. – Warszawa : Muzeum Historii Polski, 2010. – S. 39–54.

242. Łętowski, A. *Błędy nasze : Rzecz o czystości języka polskiego na Litwie* / A. Łętowski. – Wilno : Nakładem Księgarni Józefa Zawadzkiego, 1915. – 378 s.

243. Łojka, O. A. Polak w oczach Białorusina / O. A. Łojka // *Narody i stereotypy* / pod red. T. Walas. – Kraków : Mędzynarodowe Centrum Kultury, 1995. – S. 104–112.

244. Mickiewicz, A. Księgi narodu polskiego i pielgrzymstwa polskiego / A. Mickiewicz. – Paryż : Drukarnia A. Pinard, 1832. – 123 s.

245. Miller, N. E. The frustration-aggression hypothesis / N. E. Miller, R. R. Sears, O. H. Mowrer, L. W. Doob, J. Dollard // *Psychological Review*. – 1941. – № 48. – P. 337–342.

246. Processa między szlachta, ziemianami i innymi osobami w sprawach o summy pozyczone od jednych drugim na zastaw gruntów i rozmaitych rzeczy, tudzież o najścia i najazdy, oraz bitwy i kryminały i innych różnorodnych sprawach włączających przed Urząd Zamku Nieswiezkiego, Magdeburgie, sąd Grodzki Ordynacki przez KK Radziwiłłów ustanowiony // AGAD. – Archiwum Radziwiłłów. Dz. XV. Teka 2. Plik 8. b/n.

247. Prośby i skargi robotników i włościan // AGAD. – Dz. XIX. U. VII.18. L. 18–19.

248. Proźby szlachty podlaskiej wniesione do króla na sejme 1565 r. w Wilnie i odpowiedź Zygmunta Audusta // *Pamiętniki historyczne*. – Warszawa : Nakładem i drukiem J. Jaworskiego, 1861. – T. 1. – S. 55–72.

249. Radłowski, Z. Jak narody widzą siebie nawzaem. W Europie o polakach / Z. Radłowski, J. Wojtczak. – Warszawa : Semper, 1994. – 108 s.

250. Radzik, R. Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową. Białorusini na tle przemian narodowych w Europie Środkowo-Wschodniej XIX stulecia / R. Radzik. – Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2000. – 301 s.

251. Restarz niedobraných czynszów w mieście Mirze w swierzniu, tak że we włości od poddanych czynszów <...> jako też od PP. Zemián pokoniewszczyzny za rok jeden poczynaiacy się od S. Jana Chrzciciela w roku 1701 // AGAD. – Archiwum Radziwiłłów. – Dz. XV. – Teka 3. – Plik 1. – b/n.

252. Sikorska-Kulesza, J. Deklasacja drobnej szlachty na Litwie i Białorusi w XIX wieku / J. Sikorska-Kulesza. – Warszawa : Ajaks, 1995. – 115 s.

253. Słownik języka polskiego [Elektronowy dokument]: w 11 t. / Red. nac. W. Doroszewski. – Warszawa : Wydaw. Nauk. PWN, 1996–1997. – Tryb dostępu : <https://sjp.pwn.pl/doroszewski/polskosc;5476593.html>. – Data dostępu : 18.06.2023.

254. Smoleński, W. Szkice z dziejów szlachty mazowieckiej / W. Smoleński. – Kraków : Druk W. L. Anczyca i Spółki, 1908. – 161 s.

255. Syrokomla, W. (Kondratowicz, L.). Wędrowki po moich niegdyś okolicach. Wspomnienia, studia historyczne i obyczajowe / W. Syrokomla (L. Kondratowicz). – Wilno : Nakładem i Drukiem Józefa Zawadzkiego, 1853. – 248 s.

256. Topolski, J. Polska w czasach nowożytnych. Od środkowoeuropejskiej potęgi do utraty niepodległości (1501–1795) / J. Topolski. – Poznań : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza Poznaniu, 1994. – 943 s.

257. Volumina Legum : w 10 t. – T. V (Prawa, konstytucje y przywileje Krolestwa Polskiego, Wielkiego Xięstwa Litewskiego y wszystkich prowincyi należących na walnych seymiech koronnych od seymu wiślickiego roku pańskiego 1347 aż do ostatniego seymu). – Petersburg : Nakładem i drukiem J. Ohryzki, 1860. – 463 s.

258. Walicki, A. Błędy nasze w mowie i piśmie, ku szkodzie języka polskiego popełniane, oraz prowincjonalizmy / A. Walicki. – 3-e wyd. – Kraków ; Warszawa : Nakład Gebethnera i Wolffa, 1886. – 453 s.

259. Wasilewski, L. Litwa i Białoruś : Zarys historyczno-polityczny stosunków narodowościowych / L. Wasilewski. – Warszawa ; Kraków : Wyd-wo J. Mortkowicza, 1925. – 251 s.

260. Z dziejów męczeństwa ludu polskiego // Kraj. – 1918. – 11 sierpnia // AAN. – Centralna agencja Polska w Lozannie. Plik 38. Dz. : EW 1. L.51.

261. Zajączkowski, S. Najdawniejsze osadnictwo polskie na Podlasiu / S. Zajączkowski. – Lwów : Kasa im. J. Mianowskiego Instytutu popierania polskiej twórczości naukowej, 1936 (Odbitka z «Roczniku dziejów społecznych i gospodarczych», 1936. – T. V. – S. 13–44).

262. Zillvann, D. Hostility and aggression / D. Zillmann. – Hillsdale ; New Jork : Lawrence Erlbaum Associates ; Distributed by the Halsted Press, 1979. – 422 p.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
1 Образ поляков в восприятии белорусов как предмет исследования.....	11
1.1 Теоретико-методологические основы исследования.....	11
1.2 Методы исследования.....	32
2 Предпосылки формирования в восприятии белорусов образа поляков.....	45
2.1 Миграции поляков на белорусские земли в Средние века и начале Нового времени.....	45
2.2 Особенности присутствия поляков на белорусских землях, их образа жизни, социального поведения.....	54
2.3 Воздействие польской шляхетской культуры на «русинское» общество.....	59
2.4 Формирование эмоционально-психологических основ восприятия белорусами поляков.....	63
3 Факторы пробуждения этнического самосознания белорусов в конце XVI – XVII веке и начало складывания в их восприятии образа поляков.....	68
3.1 Польский фактор.....	68
3.1.1 Полонизация белорусской шляхты и общественно-культурные последствия этого процесса.....	68
3.1.2 Начало формирования в восприятии белорусов образа поляков как реакция на польское доминирование на белорусских землях и показатель роста этнического самосознания белорусов.....	70
3.2 Украинский фактор.....	73
3.2.1 Запорожский казак в восприятии белорусов: первый опыт самоидентификации «от обратного».....	73
3.2.2 Борьба Гетманщины за белорусские земли: викарное научение белорусов и его результаты.....	83
3.3 Русский фактор.....	95
3.3.1 Предпосылки распространения на Беларусь русского идеологического и культурного влияния.....	95
3.3.2 Русско-польская война 1654–1667 годов и её роль в пробуждении этнического самосознания белорусов.....	99
4 Особенности развития в восприятии белорусов образа поляков в XVIII – второй трети XIX века.....	119

4.1 Стагнация в развитии образа поляков в XVIII – первой трети XIX века и её причины.....	119
4.2 Миграции поляков на белорусские земли в XVIII – второй трети XIX века: социальный состав мигрантов, особенности их включения в местную социокультурную среду.....	132
4.3 Перемены в отношении поляков к белорусам во второй трети XIX века как следствие изменения тактики их борьбы за сохранение своего доминирования в Беларуси.....	135
4.3.1 Зарождение феномена «кресовой» польскости и начало романтизации «кресов» в польском общественном дискурсе...	135
4.3.2 Социокультурные аспекты трансформации самосознания «кресовых» поляков.....	141
4.3.3 Политическая составляющая польских культурно-просветительских интересов в Беларуси во второй трети XIX века и белорусское национально-культурное возрождение.....	146
4.4 Начало борьбы российского самодержавия с польскостью в Беларуси: образотворческий аспект.....	153
4.4.1 Транслирование на белорусов русского опыта формирования негативного образа поляков.....	153
4.4.2 Вклад поляков – уроженцев Беларуси в создание в русской литературе и публицистике XIX века негативного образа поляков и его влияние на восприятие их белорусами...	164
5 Конструирование в восприятии белорусов образа поляков в последней трети XIX – начале XX века.....	180
5.1. Антипольская составляющая в позиции российского самодержавия по отношению к белорусскому национально-культурному возрождению.....	180
5.2 Польское доминирование как фактор угнетения белорусов в трудах российских учёных, публицистов, писателей и поэтов	189
5.3 Создание визуального образа поляков в русском изобразительном искусстве и его влияние на развитие образа поляков в восприятии белорусов.....	196
5.4 Образ поляков в новой белорусской литературе.....	208
5.5 Влияние образа поляков на отношение белорусов к польским беженцам в годы Первой мировой войны.....	223
Заключение.....	231
Список источников и литературы.....	235

Научное издание

Кротов Андрей Михайлович

**ОБРАЗ ПОЛЯКОВ В ВОСПРИЯТИИ БЕЛОРУСОВ
В XVI – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Под научной редакцией В. С. Кошелева

Подписано в печать 12.10.2023. Формат 60x84 1/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 15,35. Уч.-изд. л. 16,78.

Тираж 100 экз. Заказ 508.

Издатель и полиграфическое исполнение:

учреждение образования

«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017.

Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.

Ул. Советская, 104, 246028, Гомель.

